

Александр Михайловский
Александр Харников

В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Что мы знаем о царствовании императора Николая Первого? Чаще всего лишь то, что сей монарх подавил восстание декабристов и тиранствовал, как над своими подданными, так и над всей Европой. Изобретатель из XXI века построил машину времени, с помощью которой он и его друзья сумели попасть в 1840 год – середину царствования императора Николая Первого. Они с удивлением поняли, что их знания не совпадают с тем, что они почерпнули из советских учебников истории. И что люди, жившие в те времена, были совсем не похожи на жертв «тирана и деспота», правившего в те годы в России. В свою очередь, люди XIX века были очень удивлены нравами и обычаями наших современников. Любовь и ненависть, дружба и предательство – эти чувства стали результатом встречи прошлого с будущим.

- [Александр Михайловский, Александр Харников](#)
 -
 - [ВМЕСТО ПРОЛОГА](#)
 - [Глава 1. «Прошлое – через замочную скважину»](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3. "Десант из будущего"](#)
 - [Глава 4. "Захват плацдармов"](#)
 - [Глава 5. "Визит чародеев"](#)
 - [Глава 6. "Потрясение основ"](#)
 - [Глава 7. "Большая перемена"](#)
 - [Глава 8. "Господин тайный советник"](#)
-

**Александр Михайловский, Александр
Харников**
**В царствование императора Николая
Павловича. Том первый**

*В те времена далекие, теперь почти былинные,
Когда срока огромные брели в этапы длинные.*

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Крестьяне села Заречье, расположенного неподалеку от Шлиссельбурга, не могли не нарадоваться на своего нового барина. Ведь старый барин не баловал их вниманием. Он лишь требовал от управляющего имением побыстрее собрать оброк, продать его, и переслать выручку от продажи даров скудной северной земли в Санкт-Петербург. Старый барин был заядлым игроком, и практически все свои деньги проигрывал в карты. Поговаривали, что и Заречье он продал нынешнему хозяину села, чтобы рассчитаться с карточными долгами.

С первого же своего приезда отставной майор Виктор Иванович Сергеев пришелся по душе всем жителям Заречья. По его внешности и привычке держать себя сразу было видно, что перед ними старый служака. Несмотря на малый рост и изрядный животик, он сохранил военную выправку, которая сразу отличает настоящего боевого офицера от штатского чиновника, просиживающего целыми днями в каком-нибудь присутственном месте за казенными бумагами. Похоже, что отставному майору пришлось немало повоевать – он при ходьбе слегка прихрамывал, а его высокий с залысинами лоб наискось пересекал шрам.

Новый барин сразу же, буквально с первого же своего приезда начал наводить в селе порядок. Для начала он дал хорошую нахлобучку старосте за то, что сельские улицы содержались в неисправном состоянии, а избы крестьян давно не чинились. Влетело старосте и за то, что барский дом, в котором прежний владелец практически не бывал, пришел в запустение, а сад, прилегавший к усадьбе, зарос травой и кустарником, а дорожки в нем были завалены ветками и прелой листвой.

Целую неделю дворня, получившая крепкий нагоняй за лень и небрежение к хозяйскому добру, бегала, словно наскипидаренная. Барин никому не давал спуска. Староста Фома, привычно начавший жаловаться на непогоду и прочие, с его точки зрения, уважительные причины, помешавшие ему содержать в должном порядке барский дом, был с позором изгнан со своего поста, и отправлен работать скотником в хозяйский хлев. А на его место Виктор Иванович поставил конюха Степана, который сразу же понравился барину, показав свои расторопность и хватку.

Скоро мужики поняли, что барина не обманешь, не заговоришь ему зубы, потому что, хоть он и был дворянских кровей, но сельскую жизнь и

крестьянскую работу знал досконально. Он, словно всю жизнь занимался этим, безошибочно угадывал время сева, и время уборки ржи, он мог самолично взять в руки косу-литовку, и пройти вместе с мужиками по лугу, мог сам запрячь лошадь в телегу, и подоить корову.

Правда, всеми этими делами барин особо не увлекался, считая, что у каждого в этой жизни есть своя работа. И мужики с этим были полностью согласны.

Еще умел новый барин работать с железом. Причем, слесарное дело он знал досконально. Сельский кузнец Серафим, в кузню к которому в первый день своего приезда забрел новый владелец поместья, после разговора с отставным майором еще долго восхищенно качал головой, приговаривая: «Да, голова! Сколько он знает-то! Сразу видно – настоящий мастер!».

Барин потом часто захаживал к кузнецу, и они вместе с Серафимом часами возились с железом, изготавливая какие-то чудные приспособления, ремонтировали плуги и бороны, мастерили хитрый слесарный инструмент.

Еще Виктор Иванович Сергеев умел и любил чинить самые тонкие механизмы. Когда в барском доме стараниями нового старосты навели образцовый порядок, барин самолично отремонтировал старинные напольные часы немецкой работы, которые уже многие годы считались безнадежно испорченными. Часы снова начали ходить и отбивать положенное время. Перечинил он и все сломанные охотничьи ружья, оставшиеся в доме в наследство еще от старого владельца имения.

Стрелком барин тоже оказался отменным – сразу видно, старый вояка. Ходил он и на охоту, правда, редко, так как был постоянно занят разными делами по хозяйству. Время от времени уезжал он в Петербург на неделю и более. Крестьяне и дворовые во время его отсутствия не ленились – они знали, что когда барин приедет, то за все упущения будет строго спрошено с нерадивых или ленивых.

Виктор Иванович Сергеев был вдов. Жена его умерла давно, но отставной майор, несмотря на бравый вид и крепкое здоровье, так вновь и не женился. С деревенскими девками он не баловался, хотя порой тайком и заглядывался на ту или иную аппетитную молодницу, строившую ему глазки.

У барина был единственный сын, который, по слухам, так же, как и отец, служил когда-то в армии. Поговаривали, что службу он нес в одном из полков гвардии. О своей службе молодой барин почему-то не любил рассказывать. Сына Виктора Ивановича звали Николаем. Рассказывали, что он поучаствовал в войне на Кавказе с немирными горцами, был там ранен, и по ранению же вышел в отставку.

Ранение у молодого барина было тяжелое – пуля абрека-чеченца выбила ему левый глаз. Николай Викторович выжил, но теперь вынужден был закрывать пустую глазницу черной шелковой повязкой.

Жил он большей частью в столице, и в гости к отцу в Заречье приезжал довольно редко. По какой части служил в Петербурге сын хозяина поместья, никто толком не знал, а он сам об этом не рассказывал. Был он, несмотря на свое увечье, крепок, ловок и силен. Порой, развеселившись, Николай Викторович вызывал померяться силушкой и удалью самых сильных сельских парней. Росту он был среднего, да и на богатыря похож не был, но несмотря на это он ловко укладывал всех своих супротивников на землю какими-то хитрыми приемами. Поговаривали, что научился он им у казаков-пластунов, которые, по слухам, были в этих делах большими мастерами.

Разгорячившись во время борьбы, молодой барин порой скидывал на землю свой сюртук и рубаху, оставаясь в одной исподней сорочке, сплошь расчерченной тонкими синими полосками, и почему-то без рукавов.

Тогда можно было заметить у него руке у плеча странную синюю наколку – рисунок человека, болтающегося на веревках под чем-то, похожим на перевернутую лодку, и еще какие-то буквы. Ивашка Дудкин, который за два лета научился у местного попа читать и писать, сказал, что это были буквы «ВДВ».

Николай Викторович, когда его спросили про это чудное слово, ответил, что буквы означают сокращение слов «Войска дяди Васи», после чего долго и заразительно смеялся. Кто такой этот «дядя Вася», и почему у него есть свои собственные войска, молодой барин так никому и не сказал.

Раз в месяц, а то и реже, в поместье к хозяину приезжали в гости его приятели. Все они были людьми степенными и уважаемыми.

Первым обычно прикатывал на своей двуколке, запряженной одной лошадью, известный столичный лекарь Юрген Готлибович Шмидт. Был он высоким, худощавым и улыбчивым. Одевался Юрген Готлибович скромно, но аккуратно. По его имени и отчеству всем было понятно, что лекарь родом из германской земли. Но по-русски говорил он очень хорошо, и лишь иногда вставлял в свою речь немецкие слова.

Врачом господин Шмидт был отменным. В этом смогли убедиться некоторые хворые жители Заречья, которых, буквально с того света вытащил Юрген Готлибович. Лечил он больных какими-то чудными немецкими пилюлями и микстурами. Но помогали они хорошо. От этих лекарств пропадала и лихорадка, и огневица, и боль в сердце.

Удивительно, но немец хорошо знал лечебные свойства местных трав,

и не раз удивлял сельскую травницу, бабушку Василису, своими рассказами о том, как та или иная травка помогает от разных болезней. Немец знал больше, чем бабушка Василиса, которая свое умение лечить травами получила от своей прабабушки, жившей в этих краях еще со времен царя Петра Ляксеича.

Вторым обычно приезжал в Заречье на собственной карете запряженной четверкой лошадей отставной поручик Александр Павлович Шумилин. Был он живым и подвижным мужчиной с уже хорошо заметной лысиной и седой бородкой. Чем-то он был похож на хозяина поместья – такой же круглый живчик, не по годам шустрый и веселый.

По рассказам барина, когда-то они служили вместе в одном полку, и даже вместе воевали. Но потом Александр Павлович вышел в отставку, получил богатое наследство от своей умершей тетушки, и стал преумножать его, вкладывая деньги в разные торговые операции. Дела у отставного поручика шли неплохо – он обзавелся собственным домиком в Петербурге, выездом, и паровой лесопилкой, на которой работало три десятка душ где-то неподалеку от Тихвина.

В Заречье Александр Павлович появлялся вместе со своим псом немецкой породы – крепким и плотным, как его хозяин, и злым и свирепым, как зимний волк. Пес, которого звали странным заморским именем Сникерс, правда, беспрекословно слушался своего хозяина, и без его команды никого не трогал.

И последним на открытой карете запряженной парой прекрасных коней, приезжал в Заречье мистер Энтони Майкл Корнелл, или, как он сам любил себя называть, Антон Михайлович, коммерсант из Североамериканских Соединенных Штатов. В России у него было торговое дело, которое приносило американцу немалую прибыль. Антон Михайлович по-русски говорил свободно, с небольшим акцентом, был всегда весел, приветлив со всеми, и одевался по последней моде.

Он арендовал неподалеку от Заречья участок земли, построил на нем паровую мельницу, приносившую ему неплохой доход, выкопал пруды в которых разводил карпов, и собрал артель мужиков, изготавливавших для него из дерева разные забавные игрушки. Как рассказывал тароватый американец, эти немудреные изделия пользовались немалым спросом за границей, и приносили ему хорошие деньги.

Но в основном мистер Корнелл вел торговые дела вместе со своим соседом Александром Павловичем Шумилиным. Компаньоны закупали в Англии и Франции много разного ходового товара, быстро раскупавшегося в России. В свою очередь, на корабле, принадлежавшем Энтони Корнеллу,

за рубеж вывозились дары Земли Русской, которые пользовались спросом в Европе и Америке. Американский коммерсант был богат и удачлив в торговых делах, за что пользовался уважением у своих российских коллег.

Собравшись вместе, хозяин поместья и его гости первым делом шли... в баню. Да-да, в настоящую русскую баню с вениками и паром. Только топили ее не по-черному, как окрестные мужики, а по-белому. Баня у помещика Сергеева была просторной, всегда чистой и опрятной, словно справная хозяйка.

Напарившись и намывшись, все пили чай с вареньем и калачами из огромного самовара в беседке, стоявшей в барском саду. А потом, распаренные и довольные, шли в дом. И тут происходило самое удивительное и непонятное.

По приказу Виктора Ивановича все слуги уходили из барского дома, и в покоях хозяина имения оставались лишь он сам, и его приятели. Чтобы никто не мешал им беседовать, у входа на крыльце в качестве сторожа сажали злого пса Сникерса, который никого и близко не подпускал к дверям.

Что же происходило в это время в старом помещичьем доме? А вот что – закрыв на ключ двери своего личного кабинета, Виктор Иванович предлагал своим гостям сесть за большой круглый стол, стоявший в центре.

— Итак, господа-товарищи, почнем помолясь, — обычно этими словами открывалось каждое очередное заседание «Клуба знаменитых капитанов» – так гости этого дома в шутку называли свои собрания, — ну-с, что у нас за отчетный период произошло в веке двадцать первом, и в то же время, в веке девятнадцатом? Чего у нас плохого, и чего хорошего? Кто первый?

И четверо путешественников во времени принимались горячо обсуждать самые насущные свои вопросы, и прикидывать планы своих действий до следующего подобного собрания, через месяц или два.

Глава 1. «Прошлое – через замочную скважину»

А началась эта невероятная история с того, что Антон Воронин изобрел Машину Времени. Нет, к Макаревичу это не имеет никакого отношения. Речь идет о самой настоящей машине времени, с помощью которой можно путешествовать из одного века в другой. Вот так, не больше, не меньше.

Впрочем, к своему изобретению, которое стоило не одну Нобелевскую премию, Антон пришел с помощью коллективного творчества. Разработки нечто подобного давно уже велись в одном из закрытых питерских НИИ. Начались они еще в те светлые годы Советской власти, когда на такие вот не совсем понятные с точки зрения конечного результата исследования заинтересованные ведомства, чаще всего имевшие грозные трехбуквенные аббревиатуры, щедрой рукой сыпали деньги из государственной казны.

Конкретно в этом НИИ разработка шла ни шатко, ни валко лет пять. А потом наступили суровые перестроечные и постперестроечные времена. Финансирование перекрыли, все, что удалось сделать в данной области, от греха подальше засунули в кладовку, и начальник 1-го отдела опечатал дверь в эту кладовку большой мастичной печатью. Самое же обидное заключалось в том, что все случилось именно тогда, когда у группы, в которой трудился Антон Воронин, что-то начало вырисовываться.

Ну а дальше пошли тощие и безденежные годы вялого полусуществования, когда сотрудники группы зарабатывали на жизнь монтажом спутниковых антенн и автомобильной сигнализации. Грех жаловать, на подобных халтурах Антон зарабатывал неплохо. Во всяком случае, пустые бутылки и пивные банки по урнам не собирал, и секонд-хэндом на рынках не приторговывал. Но все же, устанавливая сигнализацию на «мерин» прибалтийского амбала в малиновом пиджаке, ему почему-то вспоминались годы, когда он занимался интересным, творческим делом, и мечтал совершить открытие, которое обессмертит его имя на все времена.

В конце нулевых годов нового тысячелетия, когда пошла новая мода на «оптимизацию производства», его НИИ окончательно пал под натиском рыночных отношений, Антона сократили, как и всех его сослуживцев, и объявили о закрытии их конторы, которой они все отдали столько лет

жизни.

Ликвидация НИИ прошла быстро и как-то безалаберно. Она напоминала что-то среднее, между картиной Брюллова «Последний день Помпеи» и дележом добычи пиратов с острова Тортуга. Команде нового министра обороны по кличке «Фельдмебель», нужно было только «капитальное здание постройки третьей четверти девятнадцатого века, в хорошем состоянии». Вследствие этого путы 1-го отдела пали, и сотрудники смогли беспрепятственно «приватизировать» все что плохо лежало. Куркулистый Антон не остался в стороне. Его интересовали документы и опытные образцы. Он утащил домой почти доработанный блок, который мог со временем стать машиной времени, и толстую картонную папку с грифом «Сов. Секретно». Зачем он это сделал – сам не знал. Скорее всего по привычке, вспомнив крылатое выражение еще советских времен: «Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость».

Ну а дальше, окончательно став на неверный и полный опасностей путь частного предпринимателя, он занялся коммерцией. Сперва это была небольшая фирмочка, состоящая из него самого, которая занималась установкой автомобильной сигнализации, ремонтов компьютеров и изгнанием из них вредоносных вирусов. Дела шли неплохо, у него появилась постоянная клиентура. Со временем Антон поднакопил денег, и купил хорошую двухкомнатную квартиру и машину.

Но занимаясь целыми днями делами своей фирмы, количество сотрудников которой выросло до пяти, он не забывал об увлечении своей молодости. Вечерами он доставал из сейфа заветную папку с грозным грифом секретности, и перечитывал хранившиеся в ней документы, разглядывал чертежи и расчеты. По своим коммерческим каналам он заказывал необходимые для продолжения работы над машиной времени приборы и комплектующие. И вот, через пять лет такой работы на дому, наконец, настал тот, столь долго ожидаемый момент, когда Антон понял, что ему удалось создать нечто, что, теоретически, должно работать.

Правда эта машина времени меньше всего напоминала прибор, с помощью которого инженер Тимофеев отправлял в век XVI управдома Буншу и жулика Милославского. Она была скорее похожа на пульт управления воздушного транспортного средства 50-х годов прошлого столетия. На стенде, рядом с двумя экранами жидкокристаллических мониторов, были установлены датчики, тумблеры и прочие рубильники. Конструкция, скажем честно, была неказистая, но Антон считал, что для первого раза этого будет вполне достаточно, а если машина заработает, то

можно будет потом сварганить нечто более презентабельное.

День первого опытного запуска машины времени стал для Антона настоящим праздником. Еще и еще раз проверив все параметры своего детища, он с бьющимся сердцем начал на кнопку «пуск», и дождавшись полного включения системы, повернул ручку, запускающую контур, создающий пробой во времени.

Все произошло до безобразия спокойно и буднично. В центре комнаты, прямо в воздухе, появилась мерцающая голубоватая точка, которая медленно стала разрастаться, пока не стала размером с куриное яйцо. Из этого отверстия ударил луч яркого света, осветивший комнату, погруженную в вечерний полумрак.

Антон с дрожащими от волнения руками подошел к этому пульсирующему сгустку энергии. Он неподвижно висел в воздухе, словно подвешенный на невидимых нитях. Антон осторожно заглянул в отверстие. Он был удивлен, нет, ошеломлен увиденной им картиной. Отверстие оказалось своего рода замочной скважиной, с помощью которого можно было заглянуть в прошлое.

Он увидел кусочек старой петербургской улицы, какой ее изображали на своих картинах художники середины XIX века. Вот, мимо прошло девушка с пышной юбкой и узкой осиной талией. С ней раскланялся какой-то франт в сером сюртуке и цилиндре. Вот проехала пыльная карета, запряженная четверкой лошадей. Вот прошло несколько мастеровых, в картузах и передниках, о чем-то горячо спорящих.

Сердце у Антона бухало в груди, словно кузнечный молот. На подгибающихся ногах он, словно пьяный, дошел до дивана и плюхнулся на него. «Наконец-то сбылась мечта всей моей жизни», — подумал он. Потом, решив, что на сегодня хватит, Антон подошел к продолжающей работать машине времени, и осторожно ее выключил.

— Вот так, тихо и незаметно, произошло открытие мирового масштаба, — с легкой грустью подумал он. — И самое противное во всем случившемся, это то, что рассказывать кому-либо о моей машине времени мне никому не хочется.

Антон не знал, что вот уже скоро год, как на некогда заброшенном военном аэродроме в Нижней Потье ударно трудится группа молодых энтузиастов под руководством одного его старого товарища по тому же закрытому НИИ.

Когда в конце 2012 года команда «мебельщика» за свои многие неправды и лихоимство угодила в мясорубку «сыскного приказа», всплыли и многие факты ее неблагоприятных дел. А среди них, наряду с военными

госпиталями и нефтебазами, и ликвидация того самого НИИ.

Когда самому главному начальнику в стране доложили о том, что именно умудрился похерить гениальный менеджер, то «группа товарищей» в Кремле дружно схватилась за голову. «Мебельщика» не прибили на месте только потому, что, во-первых, после драки кулаками не машут, а, во-вторых, что с дурака взять.

Потом люди вице-премьера по оборонке нашли Сергея Зайцева, того самого товарища и коллегу Антона Воронина, который не имел ни готовых приборов, ни документации, но тем не менее, слегка ориентировался в самом процессе. И работа началась. На ГНКЦ «Позитрон» – так в документах называлось КБ занимающееся темпоральной тематикой, не жалели денег. Хотя все же у Антона за счет готового блока-преобразователя и документации имелась фора в целых пять лет.

Но речь сейчас совсем не об этой истории, а об Антоне Воронине и его товарищах...

Что такое ТриАда?

На следующий день Антон, словно кот вокруг миски со сметаной, долго бродил вокруг машины времени, борясь с искушением повторить свой экскурс в прошлое. Но он, хоть и с большим трудом, но все же поборол свою страсть к немедленным исследованиям, и стал ломать голову, что ему теперь делать дальше? Подглядывать за обитателями Петербурга, времен царствования императора Николая I, конечно, вещь занятная, но все же ему хотелось большего. Хотелось самому совершить путешествие во времени, чтобы окончательно доказать себе, что переместиться в будущее и вернуться назад – вполне реальная возможность.

Размышления Антона прервало хриплое курлыканье мобильного телефона. На дисплее высветилось, — «Шурик». Это был старый школьный друг Антона. Вообще же в таком возрасте все школьные друзья старые и даже очень.

— Какой сегодня день недели? — со скрипом подумал Антон. — Вроде бы пятница... Вот, засада – чуть не забыл, ведь на субботу у нас назначен «банно-рюмочный» день. Ой, блин, заработался фанатик.

Антон тряхнул головой и нажал на кнопку с зеленой трубкой. — Слушаю вас, гражданин начальник, — его школьный друг Александр Шумилин был пенсионером МВД, и Антон не упускал случая его подколоть, напомнив о прежнем месте работы.

— Алло, Тоха, спекулянт хренов, привет! Надеюсь, ты не забыл, что завтра суббота? — своим, слегка хрипловатым голосом, ответил Александр.

— Не, Шурик, помню, как таблицу умножения. — Антон вздохнул, и потянулся в кресле. — Буду обязательно. С тебя – веник, с меня – коньяк.

Александр рассмеялся. — Ну веник, допустим, у меня для тебя уже давно припасен, а вот коньяк... Ты что, Тоха, решил отправиться в запой?

— Поверь мне, Шурик, у меня для этого есть вполне законный повод, — напустил туману Антон, — приеду, обязательно расскажу. Обещаю, что ты от удивления рот раскроешь...

— Ну если так... — протянул Александр. — Кстати, на завтра ко мне на помывку телесов приедет великий эскулап Леха. У него вроде со временем стало полегче, и он решил предаться вместе с нами сибаритству, обжорству и разврату. Наш «Гиппократ» обещал сегодня вечером замариновать мяско, так что завтра будем вкушать его фирменные шашлыки.

— Это хорошо, Шурик, — вздохнул Антон. — Я Леху сто лет не видел, все дела, да дела, а встретиться со старым другом времени как-то не хватало. Я думаю, что и ему тоже будет очень интересно услышать мои новости.

— Ну пока, до завтра, — задумчиво сказал Александр.

— Пока, жди... — ответил Антон, и сбросил соединение. Положив мобильник на стол, он задумался. В школе он, Александр и Алексей были лучшими друзьями-не разлей вода. Одноклассник за это дали им прозвище – «Три А». Позднее, когда в советских газетах стали печатать жуткие рассказы о китайской мафии, именуемой «Триадой», какой-то острослов переименовал их прозвище, и друзей стали называть «ТриАдой».

Конечно же, к организованной преступности они не имели никакого отношения, но так уж получалось, что почти все школьные шалости не обходились без их участия, за что им от души доставалось от педагогов и родителей.

Окончив школу, каждый из друзей пошел по своей, избранной им дороге. Антон поступил в ЛИСИ, Александр после армии – в школу милиции, именуемую в просторечии «Стрелкой», так как она находилась в Стрельне, а Алексей – в 1-й медицинский институт. Виделись друзья теперь редко, учеба, работа, а потом и семья, отнимали практически все время. Но каждая встреча была для них праздником.

Ну и естественно, когда нужна была помощь, то все дружно помогали другу, попавшему в беду. Антон выручал друзей, когда нужно было разобраться с электроникой, Александр помогал разгребать вопросы,

связанные с правоохранительными органами и криминалом, Алексей – решал все их проблемы по линии здравоохранения. Так шел год за годом.

Отслужив положенные четверть века, Александр вышел на пенсию, и занялся журналистикой. Дело в том, что он еще во время службы в милиции попробовал себя в качестве репортера. Писать было о чем, каждый выезд на место происшествия мог стать готовым сюжетом для газетной публикации. Со временем Александра стали печатать в солидных газетах. Во избежание неприятностей со стороны начальства, которое не жаловало представителей СМИ, писал он тогда под псевдонимом. А выйдя на заслуженный отдых, Александр стал подписывать материалы уже своим именем. Старые связи в уголовном розыске и следствии у него остались, и его приятели-опера время от времени скидывали ему информацию, которая не проходила в официальных сводках пресс-службы ГУВД. За это его и ценили главные редактора изданий разной степени желтизны, и материалы бывшего мента шли на ура.

По наследству от бездетной тетки ему досталась дача в «цыганской столице» Ленинградской области – поселке Пери. Александр отремонтировал старый домик, построил на участке баню, и где-то с конца апреля по конец сентября жил на даче, отдыхая от шумного города.

А старые школьные друзья время от времени навещали его. Александр к их приезду готовил веники, таскал воду, топил баню и ждал гостей. Одноклассники, напарившись от души, споласкивались холодной водичкой, а потом с наслаждением отдыхали на веранде дачного дома, потягивая пиво, или что покрепче. Ну и рассказывали друг другу о своих делах и проблемах.

Так было и в этот раз. Попросив сына соседа по даче, бывшего десантника Николая пожарить шашлыки, друзья отправились в парную, где долго и с удовольствием настегивали свои бледные городские тела душистыми березовыми вениками. Естественно, были и перерывы, когда красные, как раки одноклассники вываливались в клубах пара в предбанник, и там переводили дух, попивая заваренный в термосе духовитый травяной настой. Наконец, когда доносившийся со двора запах жареного мяса стал нестерпимо соблазнительным, они в последний раз вышли из парилки, облились в мыльной холодной колодезной водой, и пошли одеваться.

Выглянув из окна бани, Александр крикнул сидящему на обрубке бревна у мангала Николаю. — Ну как там дела, шашлыки готовы? — и, получив утвердительный ответ, пригласил бывшего десантника присоединиться к старикам, выпить с ними по рюмочке «настоящего

армянского», да послушать о делах давно забытых дней. Николай, которого Александр знал еще безусым пацаном, охотно согласился. К сожалению, его отец, отставной майор-танкист, участник Афганской и 1-й Чеченской войны, был в городе. Он тоже был интересным собеседником, и под шашлычок и коньячок не раз бывало, что засиживался с друзьями до полуночи.

И вот настал настоящий «праздник живота». Шашлык, снятый с шампуров, на тарелках, коньяк разлит по стопкам, и все готовы выслушать первый тост. Но на этот раз ритуал был безжалостно нарушен. Вместо витиеватого и смешного тоста Антон, штатный тамада компании, поднялся со стула, и каким-то будничным, даже скучным, голосом сообщил. — Ребята, а я вот машину времени собрал...

Ответом ему были недоверчивые и недоумевающие взгляды друзей. Вроде не пил человек еще ничего кроме травяного настоя, или это он в парилке перегрелся? Александр недоверчиво хмыкнул, Алексей, профессионально поинтересовался у Антона — не кружится ли у него голова, а Николай хохотнул, и голосом Антон Семеныча Шпака произнес. — А вот у нас инженер Тимофеев живого царя привел...

— Зря вы так, — даже обиделся Антон, — между прочим, я вам истинную правду говорю. Честное доцентское. Правда, пока путешествовать во времени с помощью моей машины нельзя, но взглянуть на то, что было сто семьдесят лет назад, уже можно. — Антон немного помолчал. — Только, знаете, что ребята, я попрошу вас никому не говорить ни слова о том, что я вам рассказал. Сами понимаете, желающих воспользоваться моим изобретением может найтись немало, и не факт, что им захочется иметь дело с самим изобретателем. Как говорится, нет человека — нет проблем! Да и быть на побегушках у какого-нибудь грабителя музеев тоже невелико счастье — рано или поздно грохнут.

— А почему именно музеев? — изумленно спросил Алексей.

— Потому что картины и всякие штучки Фаберже стоят много, а весят мало, — ответил Антон, — а тамошняя полиция нашим бандюкам не авторитет — по克罗шат из автоматов.

— Отставить панику! — вмешался в разговор Александр. — Всем о Тохинном прибаббасе забыть, никому ни слова. А ты Антон, запомни, завтра у нас выходной, сходим к тебе вместе с Лехой и посмотрим, что же ты там наизобретал. И помните все — спички детям не игрушка. А сейчас всем веселиться, и о делах ни слова. А потом уже вполголоса про себя, — пока хохол не помацает — не поверит...

После субботы, весело проведенный на даче у Шумилина, Антон в воскресенье утром приготовился повторить свой опыт с машиной времени. Друзья, как и обещали, составили ему компанию. Антон еще раз посидел за заветной папкой, и снова прикинул варианты увеличения мощности временного портала. Ему показалось, что можно кое-что сделать для этого.

Несмотря на то, что ему уже было известно, как работает его изобретение, Антон все же включал аппаратуру с таким же трепетом и волнением, как и в первый раз. Снова в центре комнаты повисла в воздухе мерцающая голубоватая точка, снова из нее сверкнул луч света, и снова появилось пульсирующее «яйцо» – маленькое окошечко, через которое можно было заглянуть в далекое прошлое.

Полюбовавшись сценами из питерской жизни XIX века, Антон предупредил друзей, что решил еще немного увеличить мощность временного портала. «Яйцо» запульсировало сильнее, и медленно начало увеличиваться в размерах. Скоро оно стало размером с блюдце. Происходящее в прошлом теперь можно было увидеть более отчетливо.

Друзья пододвинули к «экрану» кресла, и с комфортом стали любоваться старинным Петербургом. Скажем прямо, зрелище было весьма занятное. Все происходящее мало походило на сцены из исторических фильмов. Там актеры ИГРАЛИ, а здесь люди – ЖИЛИ. Увиденное было естественно, а потому вдвойне интересно.

Все с интересом изучали моду того времени, так мало походившую на нынешнюю. Мужская одежда была на редкость скучной и однотонной. Представители сильного пола носили сюртуки, преимущественно черного цвета, и темные брюки, чаще всего однотонные, но иногда и в клеточку. Клетчатыми же были жилеты, надетые под сюртук, и галстуки. Антон обратил внимание на то, что почти все мужчины гуляли с тростями, легкими, бамбуковыми, или тяжелыми, выточенными из ценных пород дерева с массивными набалдашниками. У многих на золотой цепочке висел лорнет, а у некоторых в глаз был вставлен монокль.

Куда были ярче представительницы прекрасной половины рода человеческого. Почти все были затянуты в узкие корсеты, широкие юбки раздувались колоколом, с плеч дам спускались мягкие косынки, а шляпы-кибитки закрывали лица кокетливых красавиц. Многие из них в руках носили кружевные зонтики.

Александр, к примеру, обратил внимание, что на улице никто не курил.

Правда, порывшись в памяти, он вспомнил, что император Николай Павлович, дабы предотвратить пожары, губительные для деревянных русских городов, категорически запретил курение на улицах. И надо сказать, этот запрет действовал достаточно эффективно.

Почему он решил, что Антон сумел заглянуть во времена царствования Николая I? — Да все очень просто. Проходившие мимо двое солидных мужчин, переговариваясь, на все корки ругали «этого мерзавца Канкрин с его реформой». Александр вспомнил, что знаменитая реформа министра финансов Российской империи Егора Францевича Канкрин об объявлении серебряного рубля базовой монетной единицей и установлении его твердого курса по отношению к ассигнациям, началась 1 января 1840 года. А поскольку люди на улицах были одеты довольно легко, а на деревьях была свежая зелень, все происходило в конце весны – начале лета 1840 года.

Вволю налюбовавшись снующими туда-сюда петербуржцами, друзья решили провести эксперимент по перемещению из настоящего в прошлое какого-нибудь материального предмета. Посмотрев на огрызок яблока, которое только что прикончил Алексей, Антон взял его со стола, и с видом Ньютона, только что открывшего закон всемирного тяготения, со боевым кличем – Первый, пошел! — бросил его в центр пульсирующего «блюдца».

Вопреки ожиданию, ничего страшного при этом не произошло. Раздался легкий серебристый звук, и огрызок улетел в прошлое. Минут через десять его обнаружил на тротуаре здоровенный бородатый дворник в белом фартуке и с большой метлой в руках. С недовольным ворчанием он смахнул метлой огрызок из будущего в совок, свернутый из куса бересты, и выбросил в ящик для мусора, стоявший у подъезда дома. Хотя, если говорить честно, этому огрызку место было не в мусорном ящике, а в музее, как первому материальному предмету пересекающему границу времен.

Друзья переглянулись... Значит, машина времени, сляпанная их товарищем буквально на коленке, могла не только подглядывать за прошлым, но и беспрепятственно перемещать материальные предметы, по крайней мере, в направлении прошлого.

— Интересно, — задумчиво проговорил Алексей. — Огрызок это хорошо, а вот как насчет чего-нибудь живого?

— Подопытных кроликов и морских свинок у меня нет, — отрезал Антон, не держим-с, тут тебе не зоопарк, — неожиданно взгляд изобретателя остановился на лежащем на диване коте по кличке Мурзик. Он был любимцем хозяина. Этого кошака привезли Антону из тверской деревне уже взрослым. Кот был умным, на удивление чистоплотным и

ласковым животным. Был у него лишь один грех – Мурзик любил подворовывать еду, оставленную без присмотра на кухонном столе. Но с этой криминальной привычкой своего любимца Антон уже давно смирился.

И вот кот был измерен, взвешен и, с помощью Алексея, признан годным как заменитель собак Белки и Стрелки. Мурзику предстояло стать первым в мире живым существом-временапроходцем.

Антон прикинул, что кот свободно пролезет в межвременной портал, и погуляв в прошлом, сможет вернуться назад. Если захочет. Коты они такие. Найдёт себе там хвостатую зазнобу и его гуляния затянутся на неделю, если не больше.

Для того чтобы Мурзик легче нашел дорогу домой, Алексей предложил побрызгать вокруг места перехода из пульверизатора настоем валерианки. А втянуть кота назад, в наше время, Антон решил, используя для этого старый трюк с шарфом.

Перед тем как запустить в прошлое кота, Антон решил еще раз проверить все свои расчеты. Все ж животинка любимая, и случись с ней что, потом места себе не найдешь.

И вот все готово. Включив машину, и дождавшись пока снова откроется портал, Антон взял в руки хвостатого мученика науки, и легким толчком отправил его в 1840 год, в гости к тирану-императору. Кот даже не успел сказать историческое «мяу», как приземлился в прошлом на все четыре лапы.

— Это маленький шаг для одного кота, — торжественно, голосом Левитана сказал Александр, — но великий для всего человечества. Эй, животное – иди обратно.

Но невесть откуда появившийся в девятнадцатом веке кот, не желал его слушать. Мурзик невозмутимо уселся на брусчатый тротуар, и начал вылизывать себя сами знаете где, напоминая присутствующим господам и дамам о важности личной гигиены.

— Давай сюда свою валерьянку, — прошипел Алексей, — ему там понравилось.

Тем временем кот-охальник, яростно надраивающий языком свое нетронутое ветеринаром мужское хозяйство, начал вызывать нездоровый ажиотаж среди чопорных петербуржцев и петербурженок. Покрасневшие от смущения щеки, смешки в кулачок, и прочие признаки смущения были прерваны дворником, замахнувшимся метлой на невоспитанное животное. Эта репрессия наверняка бы навсегда разлучила Мурзика с любимым хозяином и родным временем, но тут через портал наружу вылетел кончик

шарфа, смоченный валерьянкой. Забыв обо всем, кот с диким урчанием вцепился в знакомый предмет, и был утащен обратно в двадцать первый век. Нечаянным свидетелям этого события оставалось только креститься и поминать нечистого.

Антон едва успел выключить свою машину, так как дворник с диким криком. — Изыди сатана, — ломанулся в сторону портала с метлой наперевес. В зрелые годы, видать, этот мужичок был отменным воякой. В общем, кот был спасен от жестокой расправы, а дворник вихрем промчался через то место, где пару секунд назад был временной портал.

Алексей, внимательно осмотрев ошалелого первого в мире хронопутешественника, заявил. — Кот, как кот, ничего особенного, усы лапы и хвост... — вырвавшись из цепких докторских рук, неблагодарное животное намылилось на кухню — планировать набег на оставленные на столе котлеты.

— Итак, друзья мои, — открыл совет Александр, — дело ясное, что дело темное. Объявляю нашу теплую компанию находящееся на военном положении, а наше скромное собрание военным советом. Слово предоставляется мне.

То, что изобрел Тоха, друзья-товарищи, и в самом деле не налазит ни на одну голову. Вижу в этом изобретении, как великие возможности, так и великие неприятности. Последние, потому, что Тохин аппарат позволит сотворить, как великое добро, так и великое зло. Итак, поскольку, кто виноват и так ясно, ставлю на обсуждение второй вопрос повестки дня: «Что делать?».

— Э-э-э, Шурик, — произнес Антон, — не слишком ли резко?

— Не слишком, Тоша, не слишком, — ответил Александр, — промедли ты хоть немного, и мы бы сейчас имели тут во весь рост тамошнего блюстителя санитарии...

— ... и кошачьих нравов, — давась смехом добавил Алексей.

— Точно, — подтвердил Александр. — А, представь, что бы было, если бы тушка того дворника влетел сюда к нам, а голова осталась бы там, как не вместившаяся в твой портал. Или, наоборот. Представляешь класс расчлененки? А кровищи-то было бы не меньше ведра, я на такое по службе насмотрелся, — при этих словах Алексей кивнул, подтверждая слова друга. — Я как-то не горю стать фигурантом уголовной хроники.

— Ну что, вы ребята, — примирительно сказал Анатолий, — ну, не дотумкал я, и что?

— Не дотумкал он, понимаешь... — проворчал Александр. — Значитца так, граждане-изобретатели, правила техники безопасности

гласят, что если ты лезешь в какое-либо опасное место, то рядом должен стоять твой друг, и держать руку на расстегнутой кобуре. А еще желательно иметь рядом готовую к применению медицину. Медицину обеспечит Леха, а руку на оружии, пока ты экспериментируешь, я подержу сам. Завтра же притащу к тебе свою «Сайгу». Всем все понятно?

— Так точно, гражданин капитан запаса МВД, — хором рявкнули Анатолий с Алексеем.

— То-то же, — ответил им Александр. — Покончив с техникой безопасности, перейдем к долгосрочному планированию операции, — друзья тяжело вздохнули, а Александр, сделал вид, что не заметил этого, продолжил. — Любая операция начинается с чего? Правильно, с разведки. А первое правило разведчика состоит в том, чтобы ничем не выделяться в толпе, и быть индифферентным. Поэтому, во-первых, необходимо достать прикиды, аналогичные местным, и научиться их носить. В случае контакта с властями лучше всего косить под иностранцев, предпочтительнее, под североамериканцев. Народ там, по мнению местных, дикий, но добродушный...

— Прививки надо сделать, — вздохнул Алексей, — все, какие возможно. Чуму, коклюш, дифтерит и прочую дрянь... И обязательно грипп.

— А грипп-то зачем? — спросил Александр.

— А грипп — это не для защиты нас от их болезней, а наоборот, — ответил Алексей. — Ты же не хочешь, чтобы, не дай Бог, конечно, после нашей прогулки по столице империи, Петербург вымер бы от эпидемии наподобие испанки?

— Тоже верно, — кивнул Александр, — итак, друзья-товарищи, подготовительный период по освоению позапрошлого века предлагаю считать открытым.

Я, например, возьму на себя построение костюмов. Есть тут у меня одна дамочка — пошьет все от набедренной повязки до космического скафандра. К тому же она, как я помню, шьет реквизит для «Ленфильма» и некоторых театров. То есть, историю костюма она знает.

Тоха ведет наблюдение, только ради бога сделай так, чтобы сюда не залетали посторонние предметы и их владельцы. Леха обеспечивает иммунизацию контингента. Сроку нам, на все про все — десять дней. Вопросы есть? Вопросов нет... Военный совет предлагаю считать законченным. Единогласно? Разойдись!

Поздним вечером, вернувшись домой, Александр Шумилин долго размышлял над тем, чему он оказался свидетелем в квартире старого школьного друга. Его весьма заинтриговала возможность побывать в прошлом, и своими глазами увидеть Петербург XIX века. Дело в том, что еще в бытность его службы в милиции, в свободное от розыска разных мазуриков время, он увлеченно штудировал историческую литературу, пытаясь разобраться в хитросплетениях событий далекого прошлого. Понять, что же произошло на самом деле сотню или более лет назад, было для него не менее увлекательным занятием, чем раскрыть самое запутанное преступление. В общем, к пенсии у него дома собралась довольно обширная библиотека, в которой были книги по истории, сборники документов, мемуары военных и политических деятелей, по истории войн и военной техники.

Поэтому бывший опер воспринял открытие своего школьного друга, как подарок судьбы. По старой привычке он решил составить план грядущей разведывательной вылазки в прошлое.

Прежде всего, надо было экипироваться. Это означало не только добыть одежду того времени, но и придумать соответствующую легенду на случай разных непредвиденных ситуаций. Лучше всего было бы выдать себя за иностранцев – им простили бы незнание местных реалий.

Но, при этом был вполне реальный шанс нарваться на своих «земляков», и быть разоблаченным из-за незнания элементарных вещей. Тут надо продумать все досконально. Проще всего было бы назваться гражданами Северо-Американских Соединенных Штатов. Во-первых, о традициях и обычаях жителей Нового света в России мало кто знал, а во-вторых, народ там был интернациональный, съехавшийся со всех стран Европы, и легко было бы импровизировать, в зависимости от обстоятельств.

Далее, брать или не брать с собой оружие? И какое именно? Вариантов было несколько. Можно взять гладкоствольную «Сайгу» и травматик. Но карабин трудно спрятать под одеждой, а если его носить открыто, то его необычный внешний вид привлечет ненужное внимание. Травматик же на какое-то время сможет вывести из строя оппонента, но против даже тогдашнего кремневого оружия «Оса» или «Макарыч» не потянут. Как быть?

Конечно, можно попытаться нелегально добыть боевой ствол. Такие

возможности у отставного опера были. Но в случае провала это было чревато путешествием не в прошлое, а в места, где люди валят лес и любуются северным сиянием. Такой вариант Александра не устраивал.

Другое дело – создать тайник или, еще лучше, постоянную базу в прошлом. Тогда оружие будет находиться вне юрисдикции российских правоохранительных органов. Над этим стоит подумать. У него остались связи со старым однокашником по «Стрелке», опером Ковальчуком, который впоследствии выехал на историческую родину в одну газопроводную республику бывшего СССР. Недавно Александр с ним встретился, и узнал от него много интересного. Тамошние прапорщики очень любили гроши. И за сравнительно скромную цену у них можно было приобрести все, что угодно... И Шумилин сделал пометку в своем рабочем блокноте.

Теперь насчет того, что можно было приобрести легально. Например, бронежилеты. Хороший «броник» скрытого ношения потянет на несколько десятков тысяч рублей. Деньги немалые. Конечно, Тоха ссудит на парочку бронежилетов, но в дальнейшем надо будет как следует покумекать насчет дополнительных источников финансирования. И найти эти источники нужно в прошлом, чтобы в настоящем закупить все, что им может понадобится во времена Николая Павловича... И Шумилин опять зачиркал ручкой по странице блокнота.

Теперь о базе. Надо ее создавать. Лучше всего завести в Петербурге какой-нибудь бизнес. Или, как говорили в те времена, дело. А еще лучше прикупить недвижимость. Надо порыться в своих архивах, и узнать, как это лучше сделать... Но опять все упирается в деньги. Причем, не наши родные российские рубли, и даже не заморские баксы. Надо раздобыть деньги того времени, и в рабочем блокноте появилась еще одна строчка.

А теперь о самом главном – для чего все это? Как говорили гаишники: «Если вы хотите перейти улицу, то, прежде всего, подумайте – а надо ли ее вообще переходить?» Путешествовать во времени лишь для удовлетворения собственного любопытства? Или для того, чтобы сделать что-либо полезное для России?

Например, расстроить дуэль Лермонтова и Мартынова. Она состоится в Пятигорске на будущий год, а зимой 1840–1841 года поэт будет в Петербурге... И Александр снова взялся за ручку.

Возможно мягкое вмешательство извне и в политические вопросы. Но для этого необходимо найти доступ «к телу». По мемуарам и документам того времени Александр знал, что по натуре своей император Николай I был чрезвычайно недоверчивым и скрытным. К нему было трудно

подобрать ключик.

Но он не был тупым ретроградом, как часто его изображали и в советской и в либеральной исторической литературе. Николай Павлович чутко реагировал на информацию, поступающую из самых различных источников. У него была привычка лично вникать во все, что вызывало интерес и являлось из ряда вон выходящим. Значит, надо найти подходы ко двору императора.

Для этого есть несколько вариантов, над которыми еще стоит как следует подумать. А поводы для вмешательства во внешнюю политику были. К примеру, в 1841 году Российско-американская компания продала свои владения в Калифорнии. Форт Росс, который находился в 89 километрах от нынешнего Сан-Франциско. Причем, скорее, даже не продали, а отдали даром, потому что покупатель не доплатил Российско-американской компании три четверти обещанной цены... И Александр опять сделал пометку в блокноте.

Так, мало-помалу его блокнот стал заполняться все новыми и новыми записями. Оказывается, нелегкое это дело – путешествие во времени!

На следующий день он отправился к своей знакомой Ольге Румянцевой, которая зарабатывала на жизнь тем, что шила костюмы для питерских театров и для реконструкторов, обожающих устраивать посиделки с выпивкой в стиле Николая I или Александра II. У нее он хотел проконсультироваться по поводу моды того времени, и заказать костюм для себя.

Ольга Валерьевна Румянцева была дамой бальзаковского возраста, одинокой и бездетной. Вообще-то у нее был закончен в свое время Санкт-Петербургский государственный институт экономики и финансов. Но заниматься бумагами, и сводить дебет с кредитом ей не захотелось. Скучно и неинтересно.

Еще в юности Ольга обожала шить. Причем, такие платья и костюмы, которые носили когда-то ее любимые герои исторических романов. Через несколько лет она могла уже вполне профессионально сварганить фрак, вицмундир или кафтан. Особенно Ольга любила период, когда жили и творили свои нетленки великие Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев, Крылов и Жуковский. Поэтому лучшего специалиста в этой области Шумилин вряд ли мог найти.

Ольга Румянцева жила в старой однокомнатной квартире на Лиговке. Ее жилище напоминала одновременно и ателье и костюмерную «Ленфильма» (как-то раз Александр побывал там). Повсюду на плечиках висели готовые или только начатые костюмы времен «Пиковой дамы» и

«Героя нашего времени». Шумилин с интересом оглядел несколько сюртуков и гусарских мундиров, которые уже были, как тогда говорили, «построены», и ждали своих хозяев.

— Чем обязана твоему визиту, — кокетливо спросила Ольга, — если мне память не изменяет, последний раз мы виделись...

— ...два года назад, — ответил Шумилин. — Да, как быстро летит время...

— И не говори, — хозяйка дома смахнула со старинного венского стула какие-то лоскутки, и изящной ножкой, обутой в мягкую туфлю, подвинула к нему стул, предлагая садиться.

— Спасибо, — поблагодарил Александр. Он присел, немного подумал, и перешел к делу.

— Ольга, не могла бы ты сделать несколько мужских костюмов, которые носили где-то в начале 40-х годов XIX века?

— А зачем они тебе? Ты что, под старость лет записался в реконструкторы? — подозрительно спросила Ольга.

— Ну что-то вроде этого, но не совсем, — ответил Александр. — Видишь ли, мы тут с приятелями решили снять любительский фильм о временах императора Николая I. Хотим, чтобы все было натурально. Заплатим хорошо, не обидим. Но сделать надо побыстрее... Так как ты, возьмешься?

— Гм, темнишь ты что-то, — ухмыльнулась Ольга, — ну да ладно... «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы», — хозяйка процитировало Святое Писание.

— «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги», — ответил Александр ей фразой из Екклесиаста. — Итак, с чего начнем?

Ольга улыбнулась, и с видом маститого преподавателя начала свою лекцию.

— Итак, что же носили в начале 40-х годов XIX века? О женских костюмах разговор отдельный, а вот мужчины тогда выглядели весьма импозантно. Люди из «приличного общества» носили фраки и сюртуки. Цвет их обычно был черный. К ним надевали темные брюки, а к цветным сюртукам — светлые гладкие и цветные клетчатые брюки.

Кстати, брюки тогда называли панталонами, — улыбнулась Ольга. — Панталоны держались на вошедших тогда в моду подтяжках, а внизу оканчивались штрипками, что позволяло избегать складок на брюках.

Для мужского костюма использовали дорогостоящие шерстяные ткани, тонкие льняные. Бальные фраки шили из бархата, жилет – из разноцветной парчи.

Ну а жилеты, галстуки и носовые платки были исключительно в клеточку. Впрочем, существовали и другие варианты. Например, у императора Николая Павловича была гражданская пара, которую он надевал в зарубежных поездках. Так вот, как вспоминали современники, жилет императора был расшит синими цветочками. А что, очень оригинально и креативно?!

А вообще же пестрота в мужской одежде считается признаком дурного вкуса. Считалось, что это чисто дамские выверты, и не для солидных мужчин. — Ольга заговорщицки подмигнула. — Впрочем, сие не касалось российской творческой интеллигенции. К примеру, Иван Тургенев наносил визиты одетый в синий фрак с золотыми пуговицами в виде львиных головок, серые клетчатые панталоны, белый жилет и цветной галстук.

Да, и еще вот о чем надо помнить, — Ольга взяла стоявшую в углу комнаты щегольскую трость с набалдашником, инкрустированным стразами, и ловко крутанула ее перед носом своего гостя,

— Запомните, в то время повсеместно носили трости. К примеру, если человек был в цилиндре и фраке, то без трости он просто не мог выйти из дома. Трости были разные – от простых деревянных палок, до комбинированных устройств. В продаже были трости-палатки, трости-портсигары, трости-гаммаки, трости с компасом и географической картой, трости с часами, трости с высотомером. Трости были тонкими с круглым набалдашником, толстые бамбуковые и деревянные, «бальзаковские».

— А вы не смейтесь, — нахмурилась Ольга, увидев, как развеселился Шумилин, наблюдавший за ее экзерцициями с тростью, — это очень важно, как человек держит трость в руках. Бальзак говорил, что по тому, как вы держите трость, можно сделать выводы о вашем характере.

— А были трости-оружие? — поинтересовался Александр.

— Естественно, были, — ответила хозяйка дома, и ловко встала в фехтовальную позицию, оперев левую руку в бок, и выставив трость, как рапиру, — трости служили ножнами для стилетов и даже шпаг. Массивную трость использовали как палицу.

— Да, вот еще что, — добавила Ольга, — надо уметь правильно держать руки. На прогулке не занятые тростью и не поддерживающие даму руки закладывали в карманы редингота, сюртука или за спину.

Запомните, что в те годы, независимо от остроты зрения, было принято носить с собой лорнет, лучше складной. Оправа его могла быть

изготовлена из золота, бронзы, или панциря черепахи. Лорнет носили на цепочке на шее, и закладывали за вырез жилета или в горизонтальный карман на брюках чуть ниже пояса, или прикрепляли к пуговице фрака. На балу этот лорнет доставался, и кавалеры с его помощью разглядывали дам – «лорнировали».

— Да, кстати, — заметила Ольга, — за слишком явное «лорнирование» девицы на балу или на спектакле, ее воздыхатель, если таковой, конечно, имелся, мог послать нахалу с лорнетом вызов на дуэль.

Примерно тогда же в моду стал входить монокль. Он мог быть, как овальной, так и прямоугольной формы. Монокль носили на шнурке или цепочке, прикрепляя к верхней пуговице фрака или сюртука. Употребление этого прибора требовало немалого искусства. Полагалось, элегантно приподняв надбровие «принять стекло», а затем небрежным движением выбросить стеклышко из глаза...

Ну а люди пожилые и консервативные носили обычные очки в металлической или роговой оправе.

Тогда же в моду вошли вышитые бисером кошельки, и бисерные цепочки для часов. На бисерных цепочках носили часы в жилетных карманах. Концы незавязывающегося галстука – если бы вы знали, сколько труда и умения требовалось его завязать по моде 30-х годов! — вздохнула Ольга, — галстук скалывали на груди булавками с жемчужиной, камеей или драгоценным камнем на конце.

Последней «вольностью» для мужчин того времени были пуговицы на рубашках и жилете, которые делались либо из подлинных драгоценностей, либо из подделок под жемчуг, золото и бриллианты.

Впрочем, провинция была консервативной, и люди там донашивали костюмы, сшитые по моде предшествующего десятилетия. Особенно это касалось отставных военных. Они долго еще носили свои мундиры, «времен очаковских и покоренья Крыма».

— Ну что еще добавить? — сказала Ольга, — непременно атрибутом человека «из общества» были карманные часы. Их носили либо на короткой цепочке с брелоками, висящей из жилетного кармана, либо на длинной цепочке, которую надевали через голову.

— А что в те годы носили на голове, — поинтересовался Шумилин, машинально поглаживая свои редющие волосы с довольно приличной уже лысиной на макушке.

— Самым распространенным тогда головным убором был цилиндр, — ответила Ольга. — Он появился в XVIII веке и позже не раз менял цвет и форму. Существовал и складной цилиндр-шапокляк, на стальной

пружинный каркас натягивался кусок шелковой материи. Особенно удобным было в театре сложить цилиндр и убрать под кресло. А во второй четверти XIX столетия в моду вошла широкополая шляпа-боливар, названная в честь южноамериканского военного и политического деятеля Симона Боливара. Такая шляпа означала не просто головной убор, она указывала на либеральные общественные настроения ее владельца.

— Впрочем, — сказала Ольга, — боливары носили чаще всего люди молодые, фрондирующие, поэтому для твоего возраста он вряд ли подойдет.

— Да, — озадаченно проговорил Шумилин, — сложная эта наука — история костюма.

— А ты думал, — подмигнула ему Ольга, — но нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики! Итак, приступим, — хозяйка дома взяла с полочки у швейной машины матерчатый метр, и властным жестом указала гостю на коврик рядом с ней.

Александр вздохнул, покорно снял пиджак, и приступил к самой неприятной для него процедуре — снятия мерки для шитья костюма...

Итак, что же происходило в 1840 году в России и не только? Ведь именно в это время нашим героям и предстояло отправиться.

Российской империей правил вот уже пятнадцать лет император Николай Павлович. Было ему тогда 44 года. Государь был еще полон сил и здоровья. После достопамятного восстания мятежных гвардейских полков на Сенатской площади, Николай подозрительно посматривал на любые попытки вольнодумства, и строго карал всех смутьянов.

Для того в 1826 году при Императорской канцелярии было создано III-е отделение, своего рода тайная полиция. Круг ее задач в указе был определен следующим образом:

1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей Полиции;

2) Сведения о числе существующих в Государстве разных сект и расколов;

3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и пр. коих разыскание и дальнейшее производство остаются в зависимости Министерств: Финансов и Внутренних дел;

4) Сведения подробные о всех людях, под надзором Полиции состоящих, равно и все по сему предметы распоряжения;

5) Высылка и размещение людей подозрительных и вредных;

6) Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения, в коих заключаются Государственные преступники;

7) Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из одного выезжающих;

8) Ведомости о всех без исключения происшествиях;

9) Статистические сведения, до Полиции относящиеся".

И всеми этими делами в огромной Российской империи занималось всего двадцать восемь человек. Правда, год назад к III-му отделению ЕИВ канцелярии присоединили Корпус жандармов, причем оба управления, III-е отделение и Штаб Корпуса жандармов, под главным ведением генерал-адъютанта графа Бенкендорфа подчинялись генерал-майору Леонтию Дубельту. Но численность жандармов тоже была небольшой – чуть менее трех тысяч человек.

В 1826–1828 году Россия провела победоносную войну с Персией, после которой к империи отошла Восточная Армения. Сразу же после заключения мира с Персией началась война с Турцией. В 1829 году в Адрианополе был подписан мирный договор, по которому к России перешла большая часть восточного побережья Черного моря и дельта Дуная. Турция признавала переход к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии.

В 1832 году, после очередного мятежа в Царстве Польском это уродливое детище Венского конгресса было объявлено "органической частью Российской империи". А 18 июня 1840 года по указу императора запретят использования в официальных документах терминов "Белоруссия", "Литва", "белорусская", "литовская" губернии и вместо них введут название "Северо-Западный край".

На Кавказе уже который год шла война с упрямыми горцами, которых поддерживали Турция, и та же Великобритания. Шамиль, став имамом Дагестана и Чечни начал готовится к долгой и бескомпромиссной войне с "неверными".

В Средней Азии неудачей закончился зимний поход на Хиву отряда Оренбургского военного губернатора генерала Василия Алексеевича Перовского. Понеся большие потери из-за холода и болезней русские войска не дошли до Хивы и вернулись назад в Оренбург.

В царствование Николая I открываются новые учебные заведения, строятся фабрики и заводы. В 1837 году началось движение по первой в России железной дороге Петербург – Царское село. В 1839 году начались две важнейшие реформы Николая Павловича – Финансовая, которой руководил министр финансов Канкрин, и Крестьянская, проводимая

министром государственных имуществ Киселевым.

А что же творилось в это время в Новом и Старом свете?

В Британии правила юная – всего 21 год – королева Виктория. Год назад у нее был бурный роман с цесаревичем Александром Николаевичем, который путешествовал по Европе в поисках невесты. Но брак между королевой и русским принцем не состоялся. Цесаревич Александр женился на гессенской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе – в крещении Марии Александровне. А королева Виктория вышла замуж за своего кузена, герцога Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Британия, еще не став империей, вела активную колониальную экспансию по всему миру. В недавно заселенной Австралии колонисты истребляли тысячами аборигенов. В феврале 1840 года Британия наложила свою тяжелую руку на Новую Зеландию. Солдаты в красных мундирах вломились в Афганистан, но в Парванском ущелье были разбиты воинственными пуштунами.

В Китае началась 1-я Опиумная война. Англичане занимались тем, что сейчас называется наркоторговлей. За полновесное серебро они ввозили в южные провинции Поднебесной опиум, за которые китайцы, пристрастившиеся к наркотикам, готовы были отдать последнее. Власти Китая, защищаясь от британской наркомафии, сожгли партию опиума, которую доставили в Гонконг англичане. В отместку воины королевы Виктории начали уничтожать китайские джонки и жечь прибрежные деревни.

А во Франции правил "король-груша" Луи Филипп I, представитель Орлеанской ветви Бурбонов. Это был король банкиров, а не аристократов. Именно при нем французская армия вторглась в Алжир. Правда, война по полному подчинению упрямых арабов шла еще более десяти лет.

В Пруссии правил король Фридрих Вильгельм III, точнее, доживал последние дни. Он умрет в июне 1840 года, и новым королем Пруссии станет его сын, тоже Фридрих Вильгельм, только под номером IV.

А будущая звезда германской политики Отто фон Бисмарк, был еще совсем юнцом, и в своих померанских поместьях занимался повышением их доходности, не помышляя пока о карьере политика и дипломата.

Австрийским императором был тогда Фердинанд I, страдающий эпилепсией и водянкой головного мозга. Он был недееспособен, и потому, руководил всей внутренней и внешней политикой империи канцлер

Меттерних. Это был ярый русофоб, и политика его была нацелена на создание максимальных неприятностей Российской империи. Но, что самое странное, рьяным поклонником австрийской политики, и лично Меттерниха был российский канцлер Нессельроде.

Италии, как таковой, еще не было, но уже созданная политэмигрантом Мадзини организация "Молодая Италия", вовсю готовила восстания против королей, герцогов и графов. Джузеппе Гарибальди в это время воевал в Южной Америке, на стороне мятежных бразильских и уругвайских провинций.

Испанией формально управляла малолетняя наследница престола Изабелла II, а фактически, военные хунты, сменявшие друг друга.

В САСШ В 1840 была достроена одна железная дорога, был один торнадо, после чего были выборы, на которых Гаррисон и Тайлер от Партии Вигов выиграли у Ван Бьюрена и Джонсона от Демократической Партии, причем Ван Бьюрена обвиняли в том, что экономика при нем пришла в упадок (отсюда прозвище Ван Бьюрена – Ван Руин, от ruin – руина). Вице президентом при нем был некий Ричард Джонсон – убийца легендарного Текумзе – вождя индейцев шауни.

Кстати, после него ни один президент САСШ, избранный в год с нулем на конце, не доживал до конца своего президентства. Этот феномен был известен, как "Проклятие Текумзе". Цепочка прервалась при Рейгане, на которого было совершено покушение, но он выжил после ранения.

До него: Гаррисон (избрали в 1840, умер в 1841), Линкольн (избрали в 1860, убит в 1865), Гарфилд (избрали в 1880, убит 1881), МакКинли (избрали в 1900, убит в 1901), Хардинг (избрали 1920, умер при весьма подозрительных обстоятельствах в 1923), Франклин Рузвельт (избран в 1940, умер в 1945), Кеннеди (избран в 1960, убит в 1963). Причем, только Гаррисон и Рузвельт умерли своей смертью. Другие все умерли при весьма странных обстоятельствах, или были убиты, (хотя, в случае с Гарфилдом, адвокаты убийцы утверждали, что президент умер от сепсиса, вызванного неумелыми действиями врача...)

Так вот, в 1840 на выборах большинство получил некий Вильям Гаррисон, "герой" войны с индейцами шауни. Именно он был командующим американских войск в Битве при Типпекану (за что получил прозвище "Старый Типпекану"). А в битве на Темзе (Темза на Ниагарском полуострове, а не та, о которой все подумали) его войска побили англичан и индейцев, и именно там был убит Текумзе. С него и начало действовать проклятие вождя шауни. Во время инаугурации в марте 1841 года он подхватил простуду, переросшую в воспаление легких, и умер от нее в

апреле 1841 года. Президентом стал Джон Тайлер, ненавидимый всеми.
В общем, время было веселое...

Колдуй баба, колдуй дед...

Попрощавшись с друзьями, Антон еще раз осмотрел свое детище. Ему хотелось понять, на что еще способна его машина, и как с ее помощью можно перемещать крупногабаритные грузы.

Остаток вечера и половину ночи он провел за компьютером, просчитывая разные варианты режимов работы машины. Прорисовывались кое-какие новые возможности. Кроме того в голове у изобретателя возникла мысль сделать что-то "времендетектора" – прибора, с помощью которого можно было бы обнаруживать работу портала. Такой прибор помог бы путешественникам во времени на расстоянии обнаруживать место "пробоя" и находить кратчайший путь к этому месту.

"Времендетектор" он собрал на следующий день. Прибор получился компактным, и внешне он был похож на небольшой тестер. Включив на пару минут машину времени, Антон вышел на лестницу и попробовал оттуда работу "времендетектора". Он четко обнаружил портал и стрелкой, похожей на стрелку компаса, указал направление, где находилась машина времени. Похвалив самого себя, Антон спрятал прибор в дорожную сумку. Он собрался навестить одного своего приятеля по НИИ, который одно время работал с ним по этому проекту.

Приятель жил в Кировске – райцентре Ленинградской области. Город этот расположен на берегу Невы, недалеко от Шлиссельбурга. Добраться до него можно было по трассе "Кола". На автомашине – всего ничего, если конечно, не угодишь на въезде и выезде из Питера в автомобильную пробку.

Юрий Тихонов – так звали старого знакомого Антона, был рад встрече. Он был старше и уже вышел на заслуженный отдых. Все свободное время Юрий посвятил истории Кировска и его окрестностей. Ну и занимался ремонтом разного рода электронной аппаратуры, что давало немалый приварок к не такой уж большой пенсии.

С его помощью Антон сумел найти несколько интересных решений, которые существенно повысили бы мощность машины времени. Естественно, он не стал раскрывать свои карты, сказав лишь, что хотел бы воплотить в жизнь кое-что из задумок молодости. Ну а потом они сели пить чай, а Юрий с увлечением стал рассказывать Антону о

достопримечательностях Шлиссельбурга и его окрестностей.

Как человек любознательный, Антон с удовольствием слушал друга. Тем более, что тот рассказывал кое-что для него интересное. Особенно заинтриговало Антона сообщение об объекте на окраине Кировска, носящем название "Красные сосны". Юрий прочитал отрывок из книги Михаила Пыляева "Петербург и его окрестности". Вот, что там было написано:

"В верстах двенадцати от Шлиссельбурга находится одно из урочищ, известное по пребыванию здесь великого преобразователя России. Стоить оно не遠далеке от Невы; на лужайке, посреди некогда густого соснового леса, название ему "Красные сосны". Здесь останавливался Великий Петр на походе из Шлиссельбурга к Ниеншанцу; самые сосны, составлявшие круга, были посажены тогда солдатами на расчищенном месте для палатки Петра.

О Красных Соснах есть и древнейшие предания и даже одно легендарное, относящееся ко временам язычества. Древние финны совершали жертвоприношение своим богам Перкелю и Юмале в священных рощах. Под Красными Соснами, на высоком берегу Невы, и была такая священная роща; где чинится суд старшин; собиралось народное вече и приносились жертвы.

За несколько десятков лет тому назад Красные Сосны были обнесены забором и одна из них росла посреди луга. Одинокую сосну тамошние жители признавали священным деревом. Кем была посажена эта сосна, предмет обожания? — предание не отвечает. Существует еще и другое предание, что на месте Красных Сосен, по водворении в земле финнов христианства, был сооружен храм — это подтверждает Павел, абовский епископ, который писал; что близь дороги в Нотебург, в лесу, находился монастырь.

Вот и существующая у финнов легенда о здешней местности. Когда, несколько сот лет назад, между Швецией и Россией происходила кровавая война, русские постоянно побеждали; неожиданно к шведам прибыл новый полководец Понтий Делагарди. Это был человек необыкновенный и находился в тайной связи с духами, при участии которых и стал побеждать русских. Делагарди проходил леса, горы и болота, с невероятного быстротою. Одно имя его приводило в ужас на неприятелей. Однажды после побоища Делагарди расположился на отдых, избрав место у Красных Сосен. Когда вождь заснул, у него мгновенно выросло на шее огромное дерево. Сильная тяжесть заставила Делагарди проснуться. Хотя ему трудно было сдвинуть с себя чудное дерево, однако он успел сделать это при

помощи злого Перкеля. Это происшествие Делагарди приписал божескому гневу. Собрав свое войско, он немедленно отправился в дорогу и исчез. С тех пор его никто не видал".

С наибольшим интересом Антон выслушал историю о чудо-дереве и о странной судьбе Делагарди. Было в услышанном нечто, что заставило Антона восторгнуться и почувствовать, что эта информация окажется для него очень нужной и полезной. Он расспросил Юрия о том, как добраться до этого места, попрощался с ним, обещав заглянуть снова в самое ближайшее время, и сев в машину отправился в сторону Красных сосен.

Свернув на Набережную улицу, он доехал до угла улицы Победы. Здесь, у памятника Петру, Антон припарковал машину.

Достав из сумки "времядетектор", он включил его и направил в сторону деревьев, росших на берегу Невы. Прибор ЗАШКАЛИЛО! Если верить его показаниям (а не верить Антон не мог), где-то здесь находился пробой во времени. Неизвестно, можно ли было с его помощью попасть в прошлое или будущее, но рассказ о старинном капище ижоры и о таинственном происшествии с Делагарди, возможно были не выдумкой. Обойдя с "времядетектором" в руках местность, прилегающую к памятнику Петра I, Антон определил участок, где прибор показывал наибольшие отклонения стрелки.

Всю дорогу до Питера он молчал, осмысливая увиденное и услышанное. В голове его появился план по использованию "Кировского феномена"...

Береженого и Бог бережет...

Ну а Алексей Кузнецов, как человек самой гуманной профессии, занялся медицинским обеспечением экспедиции. Для начала он поднял историческую литературу, где описывались самые известные эпидемии в Петербурге и его окрестностях во времена правления императора Николая I.

Конечно, самой известной была эпидемия холеры, пиком которой стал холерный бунт 1831 года. Смертельное заболевание начала свой путь в 1821 году из Индии. Затем она проникла в Китай, а через год – в Персию, Турцию, Аравию, Закавказье. В некоторых городах вымирало до половины населения.

В 1823 году случаи этой болезни были зарегистрированы в Астрахани. Власти карантинами сумели сдержать ее распространение. Но в 1827 году

холера снова пришла в Россию из Азии. На этот раз борьба с ней была тяжелой. Миновав карантин, она уверенно зашагала по России. Власти вели борьбу с этим бедствием, но так, что старания медиков вызвали народные бунты.

Причин для недовольства было много. Например, неумеренное употребление врачами хлорной извести. Стараясь обеззаразить воду, эскулапы и их помощники сыпали горстями хлорку в колодцы, да так, что потом, употребляя воду из этих колодцев, люди получали отравления, часто смертельные. Учитывая, что значительная часть врачей были немецкого происхождения, поползли слухи о том, что "лекари-немцы специально травят православных".

Холерные бунты вспыхнули в Тамбове, Новгородской губернии, Севастополе и Санкт-Петербурге. Часто они сопровождались убийствами медиков. Во время холерного бунта в Старой Руссе было убито 18 офицеров, врачей, фельдшеров и даже священников. Толпа подвергала пыткам офицеров, заставляла их признаваться в "отравлениях" и подписываться под этими "признаниями".

Первые случаи заболевания холерой были отмечены в Санкт-Петербурге в июне 1831 года. Очевидцы вспоминали, что столица Российской империи являла тогда собой страшное зрелище. По пустынным безмолвным улицам катились зловещие холерные возки. На мостовой и тротуарах лежали трупы, которых еще не успели убрать. На кладбище везли и везли гробы, а в день умирало по 600 человек.

При первых признаках холеры Николай I и его двор выехали в Петергоф, люди состоятельные тоже поспешили покинуть столицу.

Ну а простой народ был предоставлен самому себе. Поползли слухи, что "холеру в Питер завезли иностранцы, чтобы известить простой народ, и сделать город сплошь немецким".

Со второй половины июня в разных концах Петербурга начались погромы: толпы обезумевших людей останавливали и разбивали санитарные кареты, в которых везли больных, и выпускали их. Народ, дошедший до полного озверения, вступал в схватку с полицией.

Настоящий разгром был устроен на Сенной площади, где находилась временная холерная больница. Озверевшая толпа ворвалась в здание, во всех этажах выбила стекла в окнах, выбросила мебель, разогнали больничную прислугу, убили двух врачей. Кстати один из них, Дмитрий Дмитриевич Бланк, был родным братом дедушки Владимира Ильича Ленина по материнской линии.

Перепуганные столичные власти решили применить военную силу.

Дело могло закончиться большим кровопролитием. Но его предотвратил император Николай I, спешно прибывший в столицу из Петергофа. Въехав в открытой коляске на Сенную площадь, окруженную войсками, царь прямо из экипажа обратился к народу: "Учинены были злодеяния, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов, подражать буйству французов и поляков...". И чтобы успокоить народ, он решил лично продемонстрировать всем, что лекари не давали им отраву.

Он взял склянку со ртутью (было такое, этот жидкий металл в те годы использовали в качестве лекарства), и приготовился ее выпить. Лейб-медик царя Арендт, присутствовавший при этом, бросился к Николаю и предупредил его: "Ваше Величество, лишитесь зубов!", на что Николай спокойно ответил: "Ну так вы сделаете мне челюсть". И спокойно, словно стакан любимой минеральной воды, государь император выпил ртуть. Увидев это, народ повалились на колени, а Николай закончил все тем, что подозревал какого-то старика, трижды облобызал его и уехал. Таким образом, царь достаточно мирным путем усмирил народ на Сенной площади, хотя волнения в городе продолжались еще некоторое время.

Но это все касалось холеры. Алексей знал, что предохраниться от этого заболевания можно соблюдая элементарные правила гигиены. Некоторые болезни можно предотвратить сделанными прививками. Надо будет сказать будущим хронопутешественникам, чтобы они зашли к нему в больницу, и подставили для уколов те части тела, которые обычно не показывают посторонним. Алексей мерзко ухмыльнулся.

Потом он сел за стол и стал набрасывать на листке бумаги список лекарств, которые следовало бы иметь при себе тем, кто отправится в далекий XIX век...

Глава 2

"По одежке встречают"

О быте, "вокзалах" и князе Одоевском...

После визита к Ольге Румянцевой, Шумилин спровадил к ней и всех прочих кандидатов в путешественники по времени. Каждый должен был заказать себе костюм с учетом своих вкусов и той легенды, под которой он появится в первой половине XIX века.

На общем собрании друзья решили изображать из себя среднестатистических представителей той группы населения, которую сегодня принято называть средним классом. То ли дворян среднего достатка, то ли дельцов, с претензией на "благородство". Или "почетных граждан" – существовала в то время такая прослойка среди жителей российских городов.

Александр Шумилин, к примеру, решил, что он назовется отставным поручиком, всю жизнь тянувшим армейскую лямку в одном из провинциальных гарнизонов. Отсюда у него и некоторая неловкость в ношении партикулярного костюма, и незнание многих реалий столичной жизни.

Антон, главное действующее лицо в будущем межвременном путешествии, решил, что он появится в прошлом, как негоциант из САСШ, приехавший в Россию для налаживания торговых связей. Английский язык Антон знал неплохо, во всяком случае, за типичного янки того времени он вполне мог сойти.

Пока неутомимая Ольга Румянцева шила для них костюмы, и обеспечивала весь необходимый реквизит, Антон и Александр старательно штудировали книги об императоре Николае I и его времени. А также о том, как жили не только всем известные исторические личности, но и обычные люди в славном граде Петра.

А жили они, надо сказать, совсем нескучно. Конечно, тогда еще на Руси не существовало таких повседневных радостей нынешних граждан Российской Федерации, вроде интернета, видео и мобильных телефонов, дискотек и спортбаров. Но зато люди больше общались лично, посещали театры, балы, места увеселений. Последние же, как ни странно, назывались в ту пору "вокзалами". Но к железной дороге, или, как ее тогда называли, "чугунке", эти заведения никакого отношения не имели.

Вокзалы – это сады, городские и загородные, в которых владельцы организовывали концерты и дивертисменты с танцевальными вечерами и маскарадами. Само же понятие "вокзал" произошло от названия небольшого британского поместья расположенного недалеко от Лондона, и принадлежавшего Воксу де Броте, в котором устраивались балы, спектакли и фейерверки.

В России первые вокзалы появились еще при императоре Петре Великом. Они были платные и бесплатные. А в 1836 году в Павловске был построен первый "вокзал" в том виде, в котором мы сегодня называем подобные станционные сооружения. Именно в этот год в России была открыта первая железная дорога, соединяющая Павловск и Царское село с Петербургом.

Общество Царскосельской железной дороги выстроило в Павловске в числе прочих сооружений и залы для балов и концертов, а также с общей столовой. В самом большом зале даже находился фонтан, построенный одним заморским умельцем.

Весной 1837 года, согласно утвержденному императором Николаем I проекту, на территории Павловского вокзала появились открытые концертные площадки и места для танцев с эстрадой. Здесь выступали известнейшие музыканты и певцы. Например, в Павловке в течение нескольких сезонов выступал с симфоническим оркестром сам король вальсов Иоганн Штраус. Правда, это было уже во времена царствования императора Александра II.

Таким образом, Павловский музыкальный вокзал служил не только, как пункт посадки пассажиров в поезда, но и как место народных гуляний и концертов. Тогдашние вокзалы были чем-то вроде нынешних парков культуры и дискотек.

Надо сказать, что полезная привычка гулять на свежем воздухе была распространена среди столичной знати. Даже сам император Николай Павлович любил поутру прогуляться по дорожкам Летнего сада, причем безо всякой охраны. В простой шинели он шел, вежливо раскланиваясь с теми, кого он знал лично. Погуляв часик-другой, царь отправлялся по Дворцовой набережной в Зимний дворец, и занимался там государственными делами. Времена тогда были патриархальные, и никто еще слыхом не слыхивал про террористов с зарядом динамита в руках. Ну а в нашей истории правитель, имеющий подобные привычки, быстро бы переселился в мир иной, а его место занял бы более осторожный преемник.

Александр и Антон "вживались" в избранные им образы, как разведчики перед заброской в страну пребывания. По сути дела, они и

были такими разведчиками. Первое их посещение Петербурга XIX века было чем-то вроде разведывательного поиска. Только вот задача "взять языка" пока перед ними не ставилась. Впрочем, сама мысль о "языке" Антону и Александру очень понравилась. Вот, только кого взять, и утащить с собой в будущее? И зачем?

И тут Шумилин вспомнил одну фамилию. Князь Владимир Федорович Одоевский был одним из умнейших и образованнейших людей того времени. Все в детстве, наверное, читали его сказку "Городок в табакерке"? Даже был мультфильм, поставленный по этой сказке. Та вот, это была лишь одна из многих сказок, написанных Одоевским для детей.

Но мало кто знает, что князь был еще и одним из первых русских фантастов. Им был написан утопический роман "4338-й год", в котором Одоевский попытался заглянуть в далекое будущее. И это ему удалось сделать довольно достоверно. Во всяком случае, описанный им мир был удивительно похож на наш XXI век. Князь писал о путешествиях в космос, полет на Луну. Среди описанных им изобретений были приборы, похожие на телефон, кондиционер, ксерокс и многое другое. Одоевский додумался даже до таких, весьма специфических изобретений, "изобретений", как "сыворотка правды"! И откуда он только об этом узнал?

В своей неоконченной книге (интересно, почему он ее так и не окончил?) князь рассказывал еще об одном изобретении, удивительно похожем на интернет. В тексте его романа были такие строки: "между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии общаются друг с другом". Кстати, упоминались в его романе и некие "зеленые человечки", прилетевшие на неизвестном летательном аппарате в Лондон. Так вот, откуда пошла мода на "летающие тарелки" и прочие "чудеса уфологии".

Ну а геополитические прогнозы Одоевского были просто удивительны. В его романе центрами мирового могущества в будущем стали Россия и... Китай. Одним словом, субъект этот весьма любопытный, и надо будет, попав в прошлое постараться поближе с ним познакомиться.

Антон предположил, что именно Одоевский мог стать тем "языком", которого можно было прихватить с собой, возвращаясь в наше время. Шумилин прикинул, что в будущее князя даже не придется тянуть силком. Достаточно будет предложить ему своими глазами взглянуть на то, о чем он совсем недавно (роман был начат в 1837 году) писал, и Одоевский сам помчится в наше время. Вот вам и готовый "язык". В свою очередь, князь, принадлежавший к сливкам столичного общества и имевший огромные связи при царском дворе, мог серьезно помочь нашим

хронопутешественникам обустроиться в XIX веке.

А его знакомства в литературном и музыкальном мире Санкт-Петербурга?! Среди них были такие литераторы как Белинский и Соллогуб, к которым позднее присоединятся Достоевский и Гончаров. Из музыкантов же в его дом были вхожи Глинка и Алябьев...

Шумилин перечитал всю информацию об Одоевском, которая была в его домашних архивах. В 1840 году князь жил на набережной реки Фонтанки в доме N 35. Александр хорошо знал это старинное здание, выстроенное в стиле классицизма. Оно принадлежало в середине XIX века Его Императорского Величества Канцелярии, и было расположено всего в двухстах метрах от Невского проспекта. Надо будет попозже еще раз тщательно обдумать этот вопрос, и нанести визит князю...

"

Он сказал, поехали..."

Итак, настал, наконец, день, который все так долго ждали и которого, если сказать честно так боялись. К тому времени "кузина-белошвейка" Ольга Румянцева сделала два костюма, для хронопутешественников, и им предстояло хоть немного их обносить.

Антон еще и еще раз проверил и перепроверил всю свою аппаратуру. Работала она безукоризненно. Явных багов он не обнаружил, все технические параметры были в норме. К тому времени Антон научился немного управлять своей машиной, и вместо Гагаринской улицы, куда первоначально был пробит временной тоннель, он вывел выход из портала в Летний сад, здраво решив, что там, среди кустарников и зеленых лабиринтов появление людей из ниоткуда будет менее неожиданным, чем их появление на оживленной улице.

Шумилин, который шел в прошлое в качестве подстраховки, приволок наградной пистолет ПСМ, одолжив его у одного своего коллеги, пообещав ему, что в сводке происшествий по городу его ствол стопроцентно не всплывет. Кроме того, Александр взял в путешествие электрошокер и баллончик с газом. А для психологического воздействия на предков он приготовил нетбук, упрятав его в небольшой саквояж. Подстраховать путешественников во время пробного выхода в прошлое, взялся Алексей, получивший от Антона подробнейший инструктаж, и без запинки ответивший изобретателю машины времени, что ему следует делать в

случае непредвиденной ситуации.

Вроде бы все должно пройти нормально, но друзей бил внутренний мандраж. Для того чтобы хоть немного успокоиться они решили выпить для храбрости по сто грамм хорошего дагестанского коньяка. Ну и заодно за удачу, чтобы первое путешествие в прошлое не стало последним.

— Крайним, — Александр осторожно поправил Антона.

Потом, все облачились в непривычную и неудобную одежду – накинули сюртуки, натянули узкие штаны – панталонами их назвать ни у кого язык не повернулся, примерили смешные цилиндры, и, покрутившись у зеркала, полюбовались на себя. Выглядели они, конечно, смешно, но как будто все было на месте. Значит, пора в путь дорогу.

Антон включил аппаратуру перемещения на полную мощность. В центре комнаты появился голубоватый мерцающий круг. Сияние стало сильнее, и прибор загудел, как детский волчок. Еще одно нажатие на кнопку, и яркий, переливающийся всеми оттенками синего и изумрудного цвета круг превратился в нечто вроде окна, за которым зеленела листва, и был виден кусочек утреннего неба.

Вздохнув, как перед прыжком в ледяную воду, Антон сказал сакраментальное: "Поехали!", взял за руку Шумилина, и шагнул в неизвестность...

Петербург 1840 года встретил путешественников во времени ярким солнцем и легким ветерком. Антон и Александр вынырнули из будущего, как и рассчитывал изобретатель, в одном из гротов Летнего сада. В это время знаменитый парк был практически безлюден. Лишь единожды наши друзья заметили на одной из его дорожек силуэт всадника, мелькнувший из-за зеленых шпалер. Кому-то в такой ранний час не спалось, и он совершал утреннюю конную прогулку.

Часы Петропавловской крепости пробили семь раз. Друзья вышли из ворот сада, полюбовались на знаменитую фельтеновскую ограду, и побрели по набережной Невы в сторону Адмиралтейства. Вид на Петропавловскую крепость и правый берег Невы показался им непривычным. Многих зданий на другой стороне реки, которые были для жителей ХХI века с детства знакомыми и привычными, не было и в помине. Не было "Дома политкаторжан", знаменитого "Обкомовского" дома и крейсера "Аврора". Не было и Троицкого, или как его называли по старинке, Кировского моста. А на его месте через Неву был переброшен наплавной Троицкий мост. Правда, выглядел он очень нарядно. Порталы, ограждения перил, фонарные столбы были чугунные, художественного литья. Фонарные столбы сделаны в виде пучков пик, средние из которых были увенчаны

двуглавыми орлами с венком. Декоративные чугунные и медные детали моста были позолочены.

Времени до визита к князю Одоевскому у Антона и Александра еще было предостаточно, и они решили немного побродить по родному, но сейчас совершенно чужому для них городу.

Они неторопливо пошли по набережной, с любопытством осматривая Петербург 40-х годов XIX века. Все для них было в диковинку: и медленно плывущие по Неве парусные корабли, и цокающие копытами по булыжной мостовой кони-тяжеловозы, везущие огромные фуры с грузами, и мастеровой люд, спешащий на работу. Но и люди, принадлежащие к так называемому "приличному обществу" тоже были видны на улицах Северной столицы в этот ранний час.

На Дворцовой набережной, неподалеку от Мраморного дворца, навстречу им не спеша шагал высокий военный, в темно-зеленом форменном сюртуке с золотыми эполетами и высокой фуражке с белым верхом и красным околышем. Военный выгуливал собаку – черного пуделя с белой манишкой и белыми передними лапами. Подбежав к ним, пудель стал с любопытством обнюхивать хронопутешественников.

— Гусар, ко мне, быстро! — громким командным голосом позвал его хозяин, — господа, — обратился он к нашим друзьям, — не бойтесь, он не кусается...

Шумилин, у которого дома был пес, двухлетний ротвейлер по кличке Сникерс, собак не боялся. Поэтому он улыбнулся, и, нагнувшись к пуделю, почесал ему за ухом. Пес дружески замахал хвостом с кисточкой на конце.

— А мы и не боимся, — Александр с улыбкой ответил военному, — хороший у вас пес, умный, и совсем не злой.

Военный внимательно посмотрел на Антона и Александра своими голубыми глазами, улыбнулся им уголками губ, слегка кивнул головой, и продолжил прогулку.

— Антоха, ты знаешь, а ведь я его раньше где-то видел, — Шумилин озадаченно посмотрел на своего друга.

— Шурик, а ты случайно не перегрелся? — поинтересовался Антон. — Ну где ты его мог видеть? — немного подумав, он тоже пробормотал. — Хотя и мне его лицо показалось знакомым...

Шумилин, пройдя еще шагов пять, неожиданно встал, как вкопанный. — Тоха, а ведь это был царь! — изумленно сказал он.

— Точно, сам государь император Николай Павлович! — воскликнул Антон, и смущенно прикрыв себе рот ладонью, добавил вполголоса. — Сказал бы мне кто с месяц назад, что я буду лицезреть самого императора

Николая I, ни за что бы не поверил!

— Между прочим, — уже спокойно сказал Шумилин, — я читал, что у Николая была отличная память на лица. Это значит, что он нас "срисовал", и при следующей встрече обязательно вспомнит нашу беседу с его пуделем

Продолжая беседу, Антон и Александр не спеша дошли до недавно отстроенного после пожара Зимнего дворца. Он блистал свежей краской, и трудно было поверить, что всего год с небольшим дворец представлял собой обгорелую коробку, с обуглившимися рамами и кучей головешек внутри.

Друзья прошлись по Дворцовой площади, полюбовались на Александрийскую колонну. Потом они прогулялся по бульвару, разбитому перед Адмиралтейством (помните, у Пушкина – "Онегин едет на бульвар"), и с любопытством осмотрели практически достроенный, но еще не освященный Исаакиевский собор – бессмертное творение Огюста Монферрана.

У Медного всадника они немного задержались, вспомнив события, произошедшие здесь пятнадцать лет назад. Да, государь император Николай Павлович был абсолютно прав, разогнав картечью сборище тогдашних "несогласных". Какую бы новую кровавую заваруху устроили бы эти "борцы за свободу", дорвись они до власти! Учитывая наш российский размах и широту души, Великая Французская революция показалась бы тогда в сравнении с Великой Российской смутой веселым водевилем.

Нагулявшись вволю по утренней площади, на которой еще не стоял конный памятник императору Николаю I работы барона Петра Клодта, они свернули на Большую Морскую улицу, а с нее – на Невский проспект.

Главная магистраль города выглядела непривычно широкой. Вдоль мощеных плитами тротуаров в двух-трех метрах друг от друга стояли невысокие чугунные тумбы, выкрашенные в черный цвет. По проспекту в разных направлениях двигались дрожки, коляски и кареты самых разнообразных видов. Кареты были в основном четырехместными, на рессорах, с высокими козлами и откидной ступенькой у дверцы. Площадка сзади кузова чаще всего была утыкана острыми гвоздями, на некоторых были закреплены обручи с остроконечными зубьями. Все это делалось для того, чтобы вездесущие уличные мальчишки не катались, на задках карет.

В Питере уже начался обычный трудовой день. Друзьям сразу же бросилось в глаза обилие военных: солдат в мундирах и офицеров в форменных сюртуках. Высшие армейские чины выделялись своими высокими треуголками с пучком черных или пестрых перьев наверху.

По проспекту сновали слуги, приказчики, куда-то спешили кухарки и горничные, коробейники на углах бойко рекламировали свой товар. Перед Гостиным двором на углах стояли продавцы калачей и саяк, дешевой черной икры (осетры и белуги в то время еще водились в Неве), рубцов и вареной печенки. У некоторых на головах были лотки с товаром, большие лохани с рыбой и кадки с мороженым. Торговцы открывали двери своих лавок и магазинов.

От шума и выкриков торговцев у них с непривычке заболела голова. Антон и Александр решили немного отдохнуть, и зашли в садик перед Александринским театром, где позднее появился памятник Екатерине Великой работы скульптора Микешина. Они решили посидеть на лавочке и обсудить план дальнейших действий.

Гости из будущего

В тени деревьев Антон и Александр стали прикидывать, как им построить предстоящий разговор с князем Одоевским. Ведь друзьям надо было ни много ни мало, а завербовать князя для того, чтобы что-то значить в здешнем мире. Ведь даже прочтихоть вагон книг об эпохе Николая I, все равно они так и остались бы чужеродным телом в здешнем петербургском обществе. И светила им роль, в лучшем случае, забавных иностранцев.

Чтобы стать в этом обществе своими, надо родиться, вырасти, быть воспитанным английскими боннами и французскими гувернерами. А самое главное, быть своим по происхождению. Ведь все знатные дворянские фамилии Российской империи давно уже перероднились и перекумились друг с другом.

В этом отношении князь Одоевский мог стать идеальным ключиком, с помощью которого пришельцам из будущего сумели бы проникнуть в салоны петербургской знати, где, собственно, и решались все важные дела в государстве. Поэтому, как решили друзья, надо играть с князем в открытую, и прямо рассказать ему, кто они такие и откуда явились. А дальше должно сработать природное любопытство и пытливый ум Владимира Федоровича, которых, судя по его книгам, у Одоевского было в избытке.

Антон и Александр встали со скамьи, и уверенным шагом пошли по Невскому в сторону Фонтанки. Пройдя мимо Аничкова дворца, они свернули направо и, отойдя пару сотен метров от уже воспетого Гоголем проспекта, увидели дом номер 35. Переглянувшись,

хронопутешественники решительно вошли в парадный подъезд. Выскочившему им навстречу швейцару с огромными бакенбардами Шумилин коротко бросил. — К их сиятельству князю Владимиру Федоровичу. Проводи нас, любезный.

Швейцар, профессионально оценив одним быстрым взглядом нарядные, пошитые по последней европейской моде костюмы незнакомцев, (Ольга Румянцева молодец, хорошо знает свое дело!) почтительно поклонился и резво засеменял впереди них по мраморным ступенькам парадной лестницы.

— Вот здесь и живет их сиятельство, — сказал швейцар, остановившись у мощной дубовой двери одной из квартир. Антон кивнул стражу барских дверей, и сунул в подставленную ладонь швейцара медный алтынник.

— Премного благодарен, барин, — поклонился ливрееносный "секьюрити", и радостно зашпешил по ступенькам вниз. Шумилин несколько раз дернул за медную пупочку, которая заменяла в те времена звонок. За дверью брякнул колокольчик. Вскоре щелкнула задвижка, и дверь приоткрылась. На лестничную площадку вышел слуга.

— Как изволите доложить, их сиятельству, Владимиру Федоровичу, господа хорошие? — позевывая поинтересовался он. — И по какому делу вы изволите его беспокоить?

Антон, весело глядя на опухшую от безделья рожу лакея, с легким оттенком пренебрежения сказал. — Передай князю, что пришли два почитателя его таланта. И непременно добавь, что приехали они издалека.

Лакей впустил гостей в прихожую, и принял у них трости, цилиндры и перчатки. Потом он скрылся за дверью гостиной, и через пару минут вернулся, сообщив нашим друзьям, что "их сиятельства просят господ зайти".

Антон и Александр вошли со вкусом обставленную гостиную. Князь Одоевский, мужчина средних лет, плотный, с мужественным волевым лицом, встретил их, стоя у большого стола, заваленного газетами. Похоже, что к моменту их прихода он читал местную свежую прессу.

— Добрый день, господа, — сказал князь, с любопытством, и в то же время, слегка настороженно, разглядывая незваных визитеров. — С кем имею честь?

— Антон Михайлович Воронин, инженер, — представился Антон;

— Александр Павлович Шумилин, отставной капитан, — коротко кивнул головой Александр.

— Итак, господа, как мне доложил Иван, вы прибыли в Петербург

издалека? — полувопросительно, полуутвердительно произнес Одоевский. — И при этом вы нашли время, чтобы зайти ко мне, и поблагодарить меня за мои более чем скромные труды на литературном поприще?

— Именно так, ваше сиятельство, — сказал Шумилин. — Моим племянникам очень нравятся сказки, написанные вами. И если вы соблаговолите поставить свой автограф на вашем произведении, то они будут в восторге...

С этими словами Александр открыл свой саквояж, и достал оттуда тонкую детскую книжку. Это была сказка "Городок в табакерке", которую Шумилин купил два дня назад на "Крупе" — так в Питере попросту называли городскую книжную ярмарку, расположенную в ДК им. Крупской.

Одоевский с интересом взял яркую книжку в синей обложке, с улыбкой прочитал ее название, и начал бегло листать. Но тут же нахмурился, заметив, что с точки зрения тогдашней орфографии текст в книге набран ужасающе безграмотно.

— Господа, да что же это? — растерянно бормотал он, перелистывая книгу. И тут, наконец, он увидел год издания книги — 2011-й. Князь вздрогнул, словно его ударил электрический ток, и перекрестился. Лицо его побледнело. Казалось, еще чуть-чуть, и он хлопнется в обморок. Он хотел что-то спросить у Александра, но вместо слов из его горла вырвалось лишь какое-то сипение. Наконец, Одоевский сумел взять себя в руки.

— Господа, ради всего святого, скажите — что все это значит? — жалобно, словно ребенок, потерявший свою любимую игрушку, спросил он гостей. — Откуда у вас ЭТА КНИГА? И откуда взяли вы сами?

— Да, ваше сиятельство, вы правильно все поняли, — кивнул князь Антон, — мы действительно пришли в ваше время из будущего. С помощью изобретенной мною особой машины, которая может переносить людей из одного времени в другое, мы шагнули из 2013 года в год 1840-й. Мы ваши потомки, князь, мы люди XXI века.

Одоевский хотел сесть, и чуть не промахнулся мимо кресла. В последний момент Шумилин успел поймать его за рукав. Плюхнувшись в большое, обитое кожей кресло, князь лихорадочно переводил взгляд с одного своего гостя на другого. Потом он снова схватил детскую книжку, оставшуюся лежать на столе, и стал ее лихорадочно листать.

— Да, именно так... — бормотал он, — нынче ничего подобного напечатать не могут... Какие краски, какие рисунки... Господа, а вы меня не разыгрываете? — со слабой надеждой в голосе спросил князь, — может

быть это все мистификация?

— Нет, ваше сиятельство, — ответил Шумилин, — все обстоит именно так, как мы вам сказали. Мой друг, — Александр жестом указал на Антона, — действительно сумел изобрести машину времени. И мы теперь можем путешествовать из прошлого в будущее. Помнится, вы совсем недавно напечатали роман "4338-й год". Точнее, отрывок из него вы в 1835 году напечатали в "Московском наблюдателе", а второй отрывок должен выйти в альманахе господина Владиславлева "Утренняя заря"...

Одоевский, слушая Александра, снова побледнел. Антон, внимательно наблюдавший за лицом князя, взял со стола графин с водой, наполнил стакан и протянул его Одоевскому. Тот машинально сделал несколько глотков, и благодарно кивнул Антону.

— Так вот, ваше сиятельство, — продолжил Шумилин, — многое из того, что было написано вами в этом романе, существует в нашем времени. Но у нас есть еще много того, о чем даже вы, с вашим умом и фантазией не смогли придумать. Хотя... Возьмем, к примеру, ваш рассказ "Косморама". В этом году он должен быть опубликован в "Отечественных записках"... — Одоевский, внимательно слушавший Александра, машинально кивнул, — в этом рассказе речь идет о некоей таинственной детской игрушке, с помощью которой герой этого рассказа заглядывает в какой-то другой мир, и видит различные сценки из жизни своей семьи... Я не ошибся? — Князь снова кивнул, и Александр продолжил. — Ваше сиятельство, если вы хотите, мы можем показать вам нашу "космораму"? Правда, она называется по-другому.

Одоевский вскочил на ноги так стремительно, что чуть не опрокинул графин с водой.

— Господа, я буду очень рад увидеть все собственными глазами! Скажите, где она, и я велю послать людей, чтобы ее принесли сюда!

— Она здесь, — сказал Шумилин и, с видом графа Калиостро, проводящего сеанс гипноза и спиритизма, расстегнул саквояж, достав из него свой нетбук. Положив его на стол, он поднял крышку-монитор и включил питание. Одоевский наблюдал за манипуляциями Александра круглыми от удивления глазами. Ну а когда на мониторе появилась яркая заставка – взлетающий в небо истребитель МиГ-29, князь даже невольно вскрикнул от удивления.

Шумилин стал по очереди показывать князю Одоевскому фотографии Петербурга 2013 года, старта космической ракеты на Байконуре, нашу планету, снятую из космоса, невиданные в XIX веке вещи – автомобили, самолеты, корабли без парусов...

Князь, как замороженный смотрел на фотосессию. Лицо его, обычно суровое, сейчас светилось от счастья. — Господи... Это правда... Восхитительно... Какая красота... — бормотал он при виде все новых и новых фотографий.

Минут через двадцать Шумилин прервал показ. — Ваше сиятельство, извините, но нам пора... — сказал он. — Мы должны откланяться, чтобы успеть вернуться в наше время.

— Как, вы уже уходите? — воскликнул изумленный и огорченный князь, — а может, вы еще погостите у меня, и расскажите о вашей жизни в далеком будущем?

— Ваше сиятельство, — сказал Антон, пожимая плечами, — к нашему величайшему сожалению это невозможно. Мы уже сегодня должны быть уже у себя, в 2013 году. Впрочем... — Антон вопросительно посмотрел на Александра, — если вы хотите, то мы можем вас взять с собой. Короткое путешествие всего-то пара дней. Посмотрите на все своими собственными глазами, а потом мы вас снова вернем в 1840-й год. Ну как, князь, рискнете?

Разговор, с попыткой взять князя "на слабо", был отрепетирован друзьями заранее. И Одоевский "клянул". Он, почти не задумываясь, согласился на предложение гостей из будущего проследовать вместе с ними в 2013 год.

Быстро одевшись, и взяв по совету Александра, несколько книг и журналов, изданных в 1840 году, князь оставил записку своей супруге, которая гостила неподалеку от Гатчины в имении своих родственников. Потом они втроем вышли из дома, и пошли по Фонтанке в сторону Летнего сада.

Возвращение в XXI век прошло на удивление буднично. Зайдя в грот, друзья дождались появления голубоватого мерцающего круга. А немного погодя, они увидели интерьеры квартиры Антона и встревоженно-счастливые лица своих друзей...

"

Уважаемые товарищи потомки..."

Прибывших из прошлого путешественников их друзья встретили, как космонавта Юрия Гагарина после его знаменитого полета. Алексей бросился обнимать Антона и Александра, а Коля Сергеев, который был

вместе с Кузнецовым на подстраховке, и сидел в кресле у машины времени с "Сайгой" в руках, от волнения даже стал заикаться, приговаривая. — Это блестяще, эт-то восхитительно, эт-то...

Ошеломленный всем происходящим князь Одоевский скромно стоял в сторонке, с любопытством оглядываясь по сторонам. Его удивляло все, и яркий свет люстры, и непривычная мебель, а главное, машина времени, которая уже свернула временной портал, но продолжала еще работать, мигая светодиодами и издавая чуть слышное гудение.

Первым опомнился Антон. Он решительно остановил восторг своих приятелей и, повернувшись к Одоевскому, произнес. — Друзья, хочу представить вам нашего дорогого гостя из эпохи императора Николая Павловича, человека замечательных моральных качеств и выдающегося ума, его светлость князя Владимира Федоровича Одоевского. Он любезно согласился стать нашим гостем, чтобы посмотреть на мир XXI века.

Во время такого пышно, как кавказский тост представления, Одоевский, стоял, скромно потупившись, а потом, сделал полупоклон. Алексей и Николай смотрели на князя, словно папуасы на телевизор. В обычной питерской квартире – живой человек из XIX века, лично знавший Пушкина и многих других знаменитостей того времени. Это звучит фантастически, но, однако – это истинная правда...

— А теперь, князь, позвольте представить вам моих друзей, — с полупоклоном сказал Антон. — Прошу любить и жаловать, Алексей Игоревич Кузнецов, врач-хирург. У него воистину золотые руки. Он может не только сделать то, что даже и не снилось вашим эскулапам, но и знаком со многими секретами восточной медицины, а также, владеет гипнозом.

Князь с интересом посмотрел на Алексея, а Антон уже повернулся к бывшему десантнику. — А вот, князь, разрешите представить, Николай Викторович Сергеев, боец специального подразделения. В наше время это что-то вроде ваших казаков-пластунов. Николай храбро воевал на Кавказе с немирными горцами, был ранен, потерял глаз. Сейчас он продолжает служить, но уже не в государственной, а в частной структуре...

Князь Одоевский, сочувственно покачав головой, сказал. — Это же надо так, сто шестьдесят лет прошло, а на Кавказе до сих пор воюют! За такое время не сумели замирить горцев...

Антон горько усмехнулся. — Князь, война на Кавказе в нашей истории прекратилась пленением Шамиля в 1859 году. Он сдался князю Барятинскому в дагестанском ауле Гуниб. А в наше время первая война с чеченцами началась в 1994 году, после того как повинуюсь легкомысленному приказу преступных правителей наша армия оставила

Чечню. Николай воевал во вторую чеченскую войну, когда нам пришлось вернуться в горы чтобы восстановить порядок и пресечь разбои. И он был тяжело ранен в 2000 году под Аргуном.

Шумилин, наблюдавший за всем происходящим, вмешался в этот сумбурный разговор. — Князь, у нас тут несколько другие обычаи, а потому, я хотел бы предложить вам обходиться в разговорах без титулования. В наше время это не принято. Чтобы выказать уважение к человеку, достаточно назвать его по имени и отчеству. — Владимир Федорович, как вы относитесь к моему предложению?

— В чужой монастырь со своим уставом не лезут, — полушутливо сказал Одоевский. — Александр Павлович, вы и дальше не стесняйтесь, подсказывайте мне, как надо вести себя в вашем времени.

— Вот и отлично, — сказал Антон. — Владимир Федорович, скажите, вы не сильно устали? — Одоевский отрицательно покачал головой, и тогда Воронин продолжил, — если вы не возражаете, то мы переоденем вас в то, что носят в нашем времени, и мы совершим небольшую прогулку по Санкт-Петербургу 2013 года.

Все чудесатее и чудесатее...

Переодевание князя прошло довольно быстро, хотя Одоевский вдоволь поудивлялся и потешился над тем, что носят потомки. Наконец, экипировавшись должным образом, все вышли на улицу. Антон жил в центре города, на Гагаринской улице, называвшейся совсем недавно улицей Фурманова. Выйдя на набережную Кутузова, Антон и Александр попрощались с Кузнецовым и Сергеевым-младшим, и втроем пошли в сторону Летнего сада.

Одоевский удивлялся всему. И потоку машин, двигавшихся по набережной, и откровенным нарядам питерских дам, которые по теплоту летнему времени щеголяли в топиках и коротеньких шортах, открывавших животики и стройные ножки. Князь отчаянно краснел, и старался отводить взгляд от наиболее откровенно одетых прелестниц.

Пройдя по Фонтанке, наши друзья и Одоевский остановились у цирка Чинизелли, который появился здесь лишь в 1877 году. А до того на его месте находился цирк Турнера, который в основном использовали для театральных представлений. Князь полюбовался на фасад здания, украшенный лепниной и скульптурами.

Одоевский жадно расспрашивал Антона и Александра о том, как

живут нынче люди, какие у них развлечения, верят ли они в Бога, и кто правит в России. Он был обрадован, узнав, что Петербург уже почти сто лет не является столицей России. Одоевский был москвич, и хотя он уже пятнадцать лет прожил в Петербурге, все равно он так и остался патриотом Первопрестольной.

На Аничковом мосту князь долго любовался бронзовыми скульптурами юношей, укрощающих коней, работы барона Петра Клодта. В его время их еще не было. Одоевский не удержался, и прошел по набережной Фонтанки до дома № 35, из которого они в 1840 году отправились в путешествие из прошлого в будущее.

— Невероятно, — сказал Одоевский, глядя на окна дома, из которых он смотрел на Фонтанку всего несколько часов, или сто шестьдесят лет назад. — Я ни за что бы не поверил в это, если бы не увидел все своими собственными глазами.

У Гостиного двора князь долго расспрашивал про пикет каких-то обормотов с радужными флагами, которые призывали выступить в защиту "угнетенных геев, стонущих под пятой кровавого путинского режима". Антон объяснил Одоевскому, кто эти "протестуты", и чего они добиваются. Князь впал в ступор. Он слышал о содомитах, которые были и в его время, но у него не укладывалось в голове, что эти самые содомиты могут гордиться своим грехом, и призывать нормальных людей присоединяться к ним.

В начале Невского проспекта на доме 14 он увидел надпись, сохраненную с блокадных времен о том, что "...при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна". Одоевский попросил своих новых знакомых рассказать о том, что означает эта надпись. Александр, чьи родители провели в городе на Неве все 900 дней Блокады, стал рассказывать князю о событиях Великой Отечественной войны. Одоевский был потрясен всем услышанным.

— Боже мой, как страшно! Артиллерийские снаряды, рвущиеся на улицах Петербурга... Люди, умирающие от голода десятками, сотнями тысяч... Германцы, захватившие Павловск, Царское Село, Гатчину и Петергоф, и разрушившие великолепные дворцы... Это уму непостижимо!

— Да, Владимир Федорович, все было именно так, — сказал Антон. — Это была самая страшная война в мировой истории. Но мы, наш народ, наша страна, победили врага и заставили его подписать капитуляцию в Берлине.

— Господа, — тихо сказал Одоевский, — я преклоняю голову перед вашими родными, жившими и умиравшими в те страшные годы. Но это

было через сто лет после нашего знакомства. А что происходило в России после 1840-го года? Поверьте, этот вопрос все время вертелся у меня на языке, но я боялся вас спросить, чтобы не услышать что-то ужасное.

— Владимир Федорович, — сказал Шумилин, — судьба Российской Империи в годы правления государя Николая Павловича будет изобиловать многими драматическими моментами. И самое тяжкое испытание нашей стране выпадет в 1853 году, когда на Россию нападет вражеская коалиция, в которую войдут Франция, Британия, Турция и Сардинское королевство. Неприятель атакует владения российской короны на Балтике, на Севере и на Тихом океане. Но самые кровопролитные сражения развернутся в Крыму, где будет осажден Севастополь. Дело было даже не в численном превосходстве врагов, а в том, что они куда лучше подготовились к этой войне технически, а также в сочувственном одобрении коалиции всей прочей Европой в любой момент готовой присоединиться к дележу добычи. Австрия, которую государь опрометчиво спасет от распада в 1848 году, пригрозит России ударом в спину. Вам, Владимир Федорович, знакомо такое слово как русофобия?

— Это произойдет через целых тринадцать лет, — воскликнул Одоевский, — значит, у нас еще есть время, чтобы подготовиться к вражескому нашествию.

— Да, но как сообщить это государю? — с горечью спросил Антон. — Ведь вы, Владимир Федорович, прекрасно знаете, что после событий на Сенатской площади Николай Павлович крайне подозрителен, из-за чего в штыки принимает любые прожекты, вызывающие у него неприязнь. Господа декабристы умудрились привить ему стойкую антипатию к слову прогресс. Честно сказать, этот революционный пыл всяческих прогрессистов, будет аукаться нам еще много лет подряд — вплоть до самого нашего времени.

— Это конечно так, господа, — задумчиво произнес Одоевский. — Но я действительно мог бы попробовать довести ваши сведения до государя. Поверьте, у меня много близких родственников и хороших знакомых в окружении императора и цесаревича Александра Николаевича.

Антон и Александр переглянулись. Похоже, что князь искренне был готов к сотрудничеству. Надо было ковать железо, пока оно горячо. Поэтому Антон Воронин предложил Одоевскому прервать прогулку и вернуться к нему домой, чтобы в спокойной обстановке, за чашкой чая, более предметно переговорить о возможной легализации гостей из века XXI в веке XIX.

Вы поможете нам?"

Всю дорогу до дома Антона Воронина князь Одоевский задумчиво молчал. Наверняка он погрузился в себя, переваривая все то, еще вчера невероятное, что ему сегодня довелось увидеть и услышать. Действительно, для человека из века XIX-го, обыденная жизнь петербуржцев века XXI-го – настолько сильный психологический стресс, что не каждый его сможет выдержать без ущерба для здоровья. Как говорится: "Не каждый возвращается обратно даже из учебного полета воображения".

Понимая все это, Шумилин сразу же по приходу в холостяцкую квартиру Антона, полез в бар, достал бутылку армянского коньяка и набулькал по рюмке всем троим. На закуску он порезал лимон и принес большую плитку шоколада.

Одоевский, Антон и Александр выпили бархатистый янтарный напиток. Князь выдохнул, слегка порозовел, и взгляд его снова стал осмысленным.

— Господа, что вы мне посоветуете сделать? — спросил он у друзей. — Вы прекрасно понимаете, что когда я вернусь в свой мир, то просто буду обязан доложить обо всем случившемся государю. Ведь я обладаю знаниями о будущем, о том, что должно произойти в самое ближайшее время.

— Владимир Федорович, — сказал Александр, поглаживая свою седую бородку, — а вы уверены, что вам поверят? Ведь после ваших фантастических произведений, на вас многие смотрят как на чудака, который вроде бы не от мира сего. Допустим, мы дадим вам вещественные подтверждения того, что вы действительно побывали в будущем. Ну и что это изменит? Рассеются одни подозрения, возникнут другие.

— Так как же мне быть?! — в отчаянии воскликнул Одоевский, — нельзя же сидеть сложа руки, и смотреть, как наша матушка Россия катится к поражению в этой, как вы сказали, Крымской войне!

— А вот насчет сидения сложа руки, вы правильно сказали, Владимир Федорович, — ответил Антон. — Нельзя сидеть, надо действовать. Надо убедить государя принять все надлежащие меры для того, чтобы, во-первых, суметь не вляпаться в эту войну, которая, честно говоря, вовсе и не неизбежна. Тут нужно немного подкорректировать внешнюю политику

империи, которая не всегда учитывает ее интересы. Ну а, во-вторых, следует настолько усилить наши армию и флот, чтобы у наших врагов и мысли бы не появилось напасть на Россию. На сильных не нападают, с сильными договариваются. — Антон прошелся по комнате из угла в угол. — Только, как все это сделать, Владимир Федорович? Как подступиться к государю и убедить его в необходимости экстренных мер? Ведь тринадцать лет, оставшихся до начала войны в историческом масштабе это очень мало. У вас есть какие-либо предложения?

— Сталину за тринадцать лет удалось многое, — неожиданно заметил Шумилин. — Считайте сами: с двадцать восьмого по сорок первый.

— Так, то Сталин, — снова назвал неизвестное для князя имя Антон Воронин. — Тогда Англия тоже спала и видела, чтобы к нам пришел "полярный лис". Вот он и торопился.

— Погодите, господа, — князь Одоевский задумчиво потер переносицу. Владимир Федорович был человеком хотя и творческим, с развитой фантазией, но, в то же время, энергичным или, как тогда говорили, предприимчивым. Он быстро просчитал все варианты, и с ходу предложил свой вариант решения проблемы.

— Господа, — сказал он, — если я вас понял правильно, вы хотите вмешаться в наши дела, чтобы мы не сделали те ошибки, которые были сделаны в вашем будущем? Но для этого вам нужно будет перебраться в век XIX, суметь стать там людьми, к которым прислушивались бы в самом высшем свете. И я использую все свои связи, чтобы поспособствовать этому.

Антон, как человек более деловой и пробивной, первым оценил предложение князя. Он вскочил со стула и стал взволнованно расхаживать по комнате.

— Владимир Федорович, — сказал он, — мы рады, что вы готовы нам помочь. Нам потребуется, как у нас сейчас говорят, легализация. То есть, мы должны придумать себе биографии, в которых никто бы не подумал бы усомниться. И заняться бизнесом. Или, по-вашему, коммерцией. Нужно основать свое дело. Не знаю, сможете ли вы мне помочь, Владимир Федорович, но я уверен, что у вас есть знакомые, которые разбираются в этих вопросах.

Одоевский, внимательно слушавший Антона, кивнул головой. — Да, у меня есть несколько знакомых, весьма искусных в торговых делах. Думаю, что вы, Антон Михайлович, быстро найдете с ними общий язык.

— Вот и замечательно! — Воронин азартно потер руки. — Я думаю, что каждый из моих товарищей найдет себе нишу, которую сумеет занять,

используя знания и опыт ХХІ века. Александр, к примеру, может стать фотографом. Владимир Федорович, вы слышали о недавнем изобретении француза Луи Дагера? Да-да, того самого, который сумел с помощью своей камеры сохранять изображения людей и пейзажей, на соответственно обработанных фотопластинках. И потом печатать с них "дагерротипы".

— Я слышал об этом изобретении, — сказал князь, — в этом году в Петербурге открылся художественный кабинет, в котором владелец этого кабинета Алексей Греков делает портреты, весьма похожие на оригиналы.

— Ну вот и замечательно, — обрадовался Антон, — значит, моему другу будет проще найти тех, кто захочет запечатлеть себя во всей красе. У нас имеется такая техника, которая и не снилась здешним фотографам.

Ну а Алексей, с которым я вас уже познакомил, прекрасный врач. С помощью наших лекарств мы можем лечить многие заболевания, которые в вашем времени считаются неизлечимыми. К тому же он знает восточную медицину, с которой ваши лекари вообще незнакомы.

И еще, Владимир Федорович, мне хотелось бы узнать, кто в вашем времени владеет местностью, носящей название Красные сосны. Это в двенадцати верстах от Шлиссельбурга. Нам очень бы хотелось приобрести эту местность, или земли, прилегающие к ней. Я не буду сейчас рассказывать, для чего это надо. Пока я и сам еще не до конца разобрался во всех тонкостях, но если дело выгорит, то это будет весьма выгодное приобретение. Скажу только, что если все мои предположения подтвердятся, то владение этой местностью поможет нам перебрасывать из будущего в прошлое, и, наоборот, достаточно объемные и тяжелые предметы.

Одоевский внимательно слушал Антона, запоминая его слова, и время от времени кивая головой. Когда же Воронин замолчал, князь задумчиво сказал,

— Господа, вы задумали большое дело. И вам и мне будут нужны помощники. Вы вольны выбирать их среди своих знакомых и друзей. Мне же будет непросто найти среди своего окружения тех, кто сумеет сохранить тайну, в которую вы меня посвятили.

Задача, которую вы задали мне, непростая. Не обессудьте, но я не обещаю вам быстрого ее выполнения. Если бы вы знали, как медленно работают наши столоначальники. Чиновники – это просто проклятие нашей Империи. Боюсь, что они ее, в конце концов, погубят.

Господа, может быть для начала вам стоит перебраться в имение родственников моей супруги. Ольга Степановна, как известно, происходит из рода Ланских. И у нее есть весьма влиятельные родственники. Может

быть, посвятить ее во все наши дела?

— Простите, Владимир Федорович, — поинтересовался Шумилин, — а ваша супруга кем приходится Петру Петровичу Ланскому, служащему ныне в кавалергардах?

— Она его кузина, — Одоевский с удивлением посмотрел на Александра, видимо, удивленный тем, что люди из будущего так хорошо знают его современников.

— Я спросил потому, — ответил Шумилин на немой вопрос князя, потому, что в нашей истории Петр Петрович Ланской через четыре года женится на Наталье Николаевне, вдове великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. И вы, Владимир Федорович, через свою супругу породнитесь с семейством вашего трагически погибшего друга.

— Вот как, — изумленно произнес князь, — а я этого и не знал. Впрочем, я и не мог знать то, что произойдет через несколько лет.

— Я хорошо изучил в свое время родословную Ланских, — сказал Шумилин, — и знаю, что среди них немало влиятельных лиц, с помощью которых мы могли бы легко решать сложные вопросы. Так что вы можете осторожно посветить свою супругу в наши тайны, а если ей захочется, то мы организуем ей путешествие в наше время. Думаю, она с радостью согласится побывать в будущем.

За разговорами незаметно пролетело время. Уже начались знаменитые белые ночи, и когда Антон взглянул на часы, он с изумлением увидел, что наступил вечер, и пора было подумать об отдыхе. Да и перекусить бы не мешало – с утра у путешественников не было во рту и маковой росинки.

Втроем они отправились на кухню, где Антон на скорую руку сварганил привычное холостяцкое блюдо – пельмени. Попив чайку с бутербродами, и поговорив еще немного, Антон, Александр и Одоевский стали готовиться ко сну. Завтра утром предстояло провести операцию по возвращению князя XIX век. Одоевский перед сном попросил у Антона что-нибудь почитать о событиях середины XIX века. В отличие от Шумилина, у Воронина была небольшая библиотека, в которой было больше книг по электронике и физике, чем по истории.

Но тут он вспомнил о том, что среди его коллекции DVD-дисков, у него есть один, который наверняка заинтересует князя Одоевского. Антон включил видеоплеер и поставил фильм "Адмирал Нахимов" с Алексеем Диким в главной роли.

Князь, увидев на экране движущиеся фигуры людей и идущие под всеми парусами корабли, даже вскрикнул от удивления. Но, потом, увлеченный сценами героической обороны Севастополя в Крымскую

войну, он уже не отрывал глаз от экрана.

Антон же на цыпочках вышел из комнаты, оставив Одоевского наедине с фильмом о его современниках. Он пошел на кухню, где его ждал Александр, чтобы поговорить с ним о "делах их скорбных"...

Вернуться и остаться

— Ну что скажешь, Тоха? — поинтересовался Шумилин у своего друга зайдя на кухню. — Как ты думаешь, князь созрел, или еще нет?

— Думаю, что да, — сказал Антон, наливая себе и Александру кофе. — Одоевский искренне хочет помочь России и своему монарху. Только он пока не знает, как. Кстати, и мы тоже пока еще не решили — что именно нам следует предпринять в первую очередь.

— Тут все упирается персонально в царя, — задумчиво сказал Шумилин, — если верить современникам, Николай Павлович был чертовски самоуверенным и упрямым человеком. И убедить его изменить что-либо в установленном им порядке очень сложно, а практически и невозможно. Тут даже чудеса с нашими гаджетами и видеофильмами мало помогут делу. Посмотрит, поудивляется, и снова будет гнуть свое. Узнает про наши нонешние "прелести" с "несогласными и гей-парадами, и зажмет гайки вообще до упора. Надо придумать какой-то нетривиальный ход. Но вот какой?

— Может быть вытащить его в наше время? — хитро прищурившись, сказал Антон, — тут уж точно он проникнется и задумается. Но ты прав, действовать надо осторожно, не стоит давать поводов к усугублению того что и так не слава богу. Но, Шура, пока, я думаю, с этим спешить не стоит, легализуемся в прошлом и будем планомерно обкладывать его со всех направлений. Со стороны его супруги, со стороны цесаревича. А сами, тем временем, будем в том мире постепенно нарабатывать себе авторитет и вес в обществе.

Кстати, я подумал — не стоит ли нам подтянуть до кучи Сергеева-старшего? Все равно Николай наверное уже рассказал отцу о нашем госте. А Виктор нам здорово бы помог. Руки у него золотые, бывший военный, и повоевать ему довелось — в Чечне, да и Афган краешком достал.

— А что, правильно, — на лету подхватил Александр идею друга. — Я думаю, что Иваныч сам с удовольствием отправится в прошлое. А что, собственно, его тут держит? Супруга у него умерла год назад, Николай уже взрослый мужик, а с его автомастерской вполне справляется племяш. Да и

на наших дачных посиделках я по его настроению вижу, что мужику просто скучно. Знаю я старых вояк – им без адреналина, как пьянице без выпивки. Готов поспорить с тобой, что завтра, после того, как сын ему все расскажет, он будет у тебя в квартире.

— Спорить не буду – проиграю, — весело ответил другу Антон. — Так, наверное, и будет. А пока надо спать ложиться. Завтра будем возвращать князя домой. Кстати, как он там?

— Сейчас загляну, — Шумилин приоткрыл дверь в коридор. Он заметил, что в спальне, где они оставили Одоевского, горит свет. — Наверное, не нашел выключателя, — сказал Александр, пойду, выключу.

Но, заглянув в спальню, он увидел, что князь и не думал ложиться. Фильм давно кончился, экран телевизора давно погас, а Одоевский сидел в кресле у окна, завернувшись в плед, и задумчиво смотрел на пустынную улицу, по которой, разбрызгивая воду, ехала поливальная машина.

— Владимир Федорович, — сказал Шумилин, — а вы почему не спите? Ведь время уже позднее...

— Александр Павлович, а как вы полагаете, можно ли уснуть после того, что я увидел? — вздохнув, вопросом на вопрос ответил ему Одоевский. — Бедная Россия, сколько ей досталось в XIX веке – нашествие Наполеона, войны с Персией и Турцией, мятеж в Польше... А тут еще эта несчастная Крымская война. Неужели все и было на самом деле, как показано в этом, как вы его назвали, фильме?

— В жизни было еще страшнее, — тихо сказал Александр. — У сестры вашего деда, Ивана Васильевича Одоевского, у Варвары Ивановны Трубецкой, двенадцать лет назад родился правнук, Левушка Толстой. В конце ноября 1854 года он добровольно отправился в Севастополь, где почти полгода провоевал на знаменитом 4-м бастионе. О своих впечатлениях Лев Толстой напишет позднее в "Севастопольских рассказах", которые будут напечатаны в журнале "Современник". Я дам вам их почитать. В его рассказах запечатлена страшная правда той войны, о которой еще никто никогда так не писал.

— Да, это очень интересно, — оживился князь, — надо будет обязательно съездить в гости к Толстым, и посмотреть на будущего писателя.

— Только вот как сделать, чтобы Россия обошлась без этих новых потрясений? — задумчиво сказал Александр. — Ведь самой Крымской войной ужасы того времени не исчерпываются. Ведь была и угроза войны со всей Европой, и признание поражения, и позорнейший Парижский трактат, на долгих пятнадцать лет, выбивший Россию из числа ведущих

европейских держав. Были и потом несчастья, о которых вам пока лучше не знать.

Вообще Крымская война внушила нашим армейским некоторый пиетет перед Европой. На целых девяносто лет воцарилось мнение, что лапотная Россия никогда не сможет победить цивилизованную Европу. В победном мае сорок пятого эти иллюзии были развеяны в прах. Но, знали бы вы, Владимир Федорович, чего нам это стоило. Представьте, двадцать семь миллионов погибших на войне, умерших от голода и ран, замученных в плену. От Петра Великого и до наших дней Россия вынуждена содержать несуразно большую армию только потому, что из Европы в любой момент может прийти беда. То Карл XII, то Фридрих Великий, то Наполеон I, то его сводный племянник Наполеон III, вкупе с королевой Викторией, и все время на горизонте маячит ненасытный, как крокодил, Стамбул, подпираемый с тыла Великими Европейскими державами.

Потом опять немцы с австрийцами, потом снова они, потом господа англосаксы науськивающие своих европейских шавок, — Шумилин махнул рукой. — Знаете, иногда мне кажется, что Европа так любит воевать, что только под скипетром русского царя в ней наконец настанет мир, вечный мир.

Одоевский вздрогнул. — Так вы хотите сказать... что мы должны...

— Ничего я не хочу сказать, — вздохнул Александр. — Во-первых, решать такие вопросы может только государь, а он пока вполне удовлетворен существующим положением дел. Когда же он поймет, что на самом деле в империи дела обстоят не так блестяще, то будет уже поздно.

Ну а, во-вторых, ресурсы нашей компании весьма ограничены. Ведь мы не представляем государство, и за нашей спиной не встанут блистая оружием ряды преданных полков. При наличии определенных количеств презренного металла, конечно можно набербовать специалистов и закупить некоторое количество современного оружия, но мне кажется, что в случае действительно серьезных испытаний даже это не поможет. Проблемы России куда фундаментальней. Я вот уже битый час сижу, гадаю, как решить и первый и второй вопросы, но пока ничего придумать не могу.

— Владимир Федорович, — присоединился к разговору пришедший с кухни Воронин, — дело это сложное, тяжелое и чреватое большими неприятностями, если о нашем иновременном происхождении узнают. Например, кто-нибудь из учреждения, возглавляемого Леонтием Васильевичем Дубельтом. Еще хуже, если о нас пронюхают заморские любители совать нос в чужие дела.

Я полагаю, что нам необходимо найти дорожку к сердцу государя. Это

сложно, но это возможно. Николай Павлович помнит добро, и не чужд благородства. Но, время, время... Это только кажется, что его много. При той чиновничьей волоките, которая царит в присутственных местах Империи, любой, даже самый неотложный вопрос будет решаться годами. Поэтому и надо получить доступ к государю. И в то же время, сохранить в секрете все, что с нами будет связано.

— Да, господа, и задали вы мне задачу, — с грустной улыбкой сказал Одоевский, — но, с божьей помощью мы попытаемся ее решить.

Что вы можете дать мне с собой в прошлое? Я понимаю, что многие сложные механизмы у нас просто не будут работать. Да и пользоваться ими можно будет с оглядкой, дабы не привлечь к ним лишнего внимания. Но, может быть, я захвачу несколько книг, те же, еще не написанные "Севастопольские рассказы", например.

— Хорошо, я соберу вам "посылочку" от потомков, — улыбнувшись сказал Антон. Он отправился в гостиную, где стоял книжный шкаф.

А Шумилин, порывшись в своей сумке, достал гелевую ручку и набор открыток с видами Петербурга. Он купил их несколькими днями ранее, чтобы послать своему знакомому в Махачкалу. Но так и забыл их выложить из сумки. Протянув все это Одоевскому, Шумилин сказал. — Эта ручка намного лучше тех перьев, которыми вы пишете. А открытки пусть напомнят вам, Владимир Федорович, о нашем сегодняшнем путешествии по нашему городу.

Из гостиной пришел Антон, с большим пластиковым пакетом, набитым книгами. — Вот, Владимир Федорович, читайте, — сказал он. — Правда орфография у нас несколько отличается от вашей, но, я думаю, вы разберетесь.

И еще вот вам на память. — Антон протянул князю несколько фотографий, сделанных на цифровую "мыльницу" во время сегодняшней прогулки. Князь, одетый в джинсы и футболку с надписью "Зенит", в синей бейсболке был заснят на Дворцовой площади, и у клодтовских коней на Аничковом мосту. Одоевский так увлекся созерцанием неизвестных ему питерских достопримечательностей, что не заметил, как "папарацци" запечатлел его на память. Антон успел сбросить отснятое на комп и распечатать фото на цветном принтере.

Князь с удивлением посмотрел на свое изображение, потом улыбнулся, и бережно спрятал фото в пакет.

Ну а потом, началась подготовка к эвакуации в прошлое. Одоевский переоделся, взял подарки в руку и стал ждать, когда в воздухе появится изумрудный сгусток, постепенно превращающийся в межвременной

портал.

В последний раз пожав руки потомкам, князь решительно шагнул в прошлое, и уже оттуда помахал им рукой.

— До встречи, господа, — услышали они его голос, — жду вас завтра у себя дома, думаю, что сумею уже чем-нибудь вас порадовать!

Потом портал захлопнулся, и Антон с Александром остались вдвоем в питерской квартире XXI-го века.

Муж да жена – одна сатана

Князь увидел, как сияющий овал, через который он только что перешагнул из будущего в свое время, потускнел и исчез. Он оглянулся, и обнаружил, что находится в полутьме одного из гротов Летнего сада. Одоевский внимательно прислушался. В саду было тихо.

Князь осторожно выглянул из грота. Было раннее петербургское утро. В кустах чирикали птицы, над Невой кричали чайки. На главной аллее Летнего сада показался дворник с метлой в руке. Одоевский посмотрел на мешок, в который его новые знакомые сложили свои подарки, и прикинул, что идти с ним домой было как-то не совсем удобно и прилично. Любой знакомый, которого он встретил бы по дороге, был бы очень удивлен тем, что князь, словно простой мужик, тащит под мышкой обычный полотняный мешок немалых размеров. Одоевский подозвал дворника. За пятак тот согласился отнести мешок в дом князя на Фонтанку. Благо, идти было недалеко.

На выходе из сада они неожиданно нос к носу столкнулись с государем, который в этот ранний час выгуливал своего пуделя.

— Доброе утро, Владимир Федорович, — вежливо поздоровался император, — коснувшись пальцами козырька своей фуражки.

— Доброе утро, ваше величество, — ответил Одоевский, снимая цилиндр. — Не правда ли, сегодня превосходная погода?

— Вы правы, князь, действительно погода просто замечательная, — ответил государь, — я вижу, что вы тоже любите ранние прогулки. Это хорошее дело – с утра, перед началом работы совершить небольшой променад.

Дворник, тоже узнавший царя, положил на землю мешок, и проворно сняв с головы картуз, почтительно поклонился самодержцу.

— А что это у тебя, братец, такое? — поинтересовался государь у дворника.

— Так это, ваше величество, — браво ответил ему дворник, — значит, их сиятельства попросили отнести к ним домой...

— А, ну тогда ладно, — ответил царь, находящийся с утра в хорошем расположении духа, — тогда ступай. — И вы, Владимир Федорович, тоже ступайте. Вижу, что вы спешите домой. Да, и передайте мой поклон вашей супруге, Ольге Степановне.

Царь подобрал с земли веточку, и, помахав ею перед носом заскучавшего было пуделя, широко размахнувшись, забросил ее за зеленую шпалеру. Гусар с веселым лаем помчался искать веточку, а царь, кивнув на прощание головой, отправился вслед за пуделем.

— Фу... Слава Богу, обошлось, — подумал Одоевский, вытирая тонким батистовым платочком вспотевший лоб, — ведь если бы государь поинтересовался — что это у меня в мешке, я бы не посмел сказать ему неправду. И, тогда... — что было бы тогда, Одоевскому даже думать не хотелось. Он в любом случае собирался посвятить императора в эту историю, но без предварительной подготовки последствия царского вмешательства могли быть прямо противоположные. Так что князь еще раз возблагодарил Господа за проявленную к нему милость.

Дойдя до парадного подъезда своего дома, князь велел дворнику подняться по лестнице и занести мешок к нему в квартиру. Потом он дал ему обещанный пятак, дождался, когда за дворником захлопнется входная дверь, и только тогда почувствовал, как он устал. Вчерашние открытия нового мира, дневная прогулка по Петербургу ХХI века, а самое главное, бессонная ночь, и раздумья о судьбах России, не могли не отразиться на его самочувствии.

Лакей, с удивлением наблюдавший за всем происходящим, почтительно сообщил князю, что, "княгиня вчера приехала, и очень удивилась, не застав ваше сиятельство дома". Горничная же княгини, вышедшая из спальни, сказала, что Ольга Степановна уже проснулась, и скоро выйдет к нему.

Князь ждал свою супругу в гостиной. Машинально он посмотрелся в большое зеркало, висевшее в комнате. Внешностью своею он остался недоволен. Выглядел князь неважно — лицо осунувшееся, бледное, глаза красные. Все это должно было насторожить и встревожить княгиню. Ольга Степановна была старше мужа на семь лет, и ее чувства порой были не только супружескими. Иногда она относилась к князю, как старшая сестра, и даже, как мать.

Впрочем, княгиня, несмотря на свои сорок три года, выглядела еще очень молодо. За южную красоту ее часто называли "прекрасной креолкой".

До того, как она вышла замуж, Ольга Степановна была фрейлиной вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны.

Женщина умная и образованная, она любила бывать в обществе писателей и музыкантов, для которых весьма весомым было ее мнение об их произведениях. Не далее, как несколько недель назад опальный поэт и поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов, перед отъездом на Кавказ подарил ей первую часть своего романа "Герой нашего времени" с посвящением, в котором он благодарил княгиню за помощь и внимание к его литературным трудам.

Княгиня Одоевская была с утра удивлена и немного рассержена. Неожиданный отъезд супруга с какими-то незнакомыми людьми, оказался для нее сюрпризом. Она, в общем-то, совсем не подозревала мужа в измене. Но ей все же было очень неприятно, что у князя появились от нее какие-то тайны. Поэтому, Ольга Степановна решила немедленно откровенно поговорить с мужем, и узнать, где он был и что делал. И князь Одоевский не нашел в себе мужества солгать супруге. На ее прямой вопрос он рассказал ей без утайки о событиях последних суток.

Поначалу княгиня посчитала, что ее супруг просто переутомился от литературных трудов, или вообще тронулся умом и принимает свои фантазии за реальность. Но князь, закончив рассказывать, сделал лицо как у Святого Николая Угодника в ночь на Николу Зимнего, и развязал горловину своего мешка. На стол в гостиной посыпались вещи, которые не могли, просто не имели права существовать...

Сказать, что княгиня была потрясена – это значит, ничего не сказать. Особенно ее удивили открытки с видами хорошо знакомых ей мест, которые были абсолютно не похожи на то, что она видела каждый день. А окончательно добили княгиню фотографии ее мужа в немного смешной и, с ее точки зрения, не совсем приличной одежде, на фоне Зимнего дворца (его она узнала это место), и у незнакомых, но очень красивых скульптур, изображавших юношей, укрощающих коней.

Ольга Степановна с удивлением листала книги с красивыми иллюстрациями и странной, и непривычной орфографией. Авторы этих книг были княгине незнакомы.

— Этого не может быть, — бормотала она, но разум подсказывал ей, что все происходящее – реальность. А князь, тем временем, продолжал свой рассказ о своих новых знакомых, жителях XXI века. Чем больше он говорил, тем больше княгине хотелось самой увидеть все, о чем он рассказывал своими глазами. И, приняв решение, Ольга Степановна, дождавшись, когда князь сделает паузу, чтобы перевести дух, твердо

заявила ему. — Дорогой, я должна обязательно побывать в том мире! Когда ты говоришь, они снова появятся у нас? — Завтра? — Так вот, завтра же мы с тобой отправимся в будущее.

Князь от таких слов своей супруги даже поперхнулся. — Душа мой, — сказал он, — но ведь там свои порядки, отличные от наших, другие моды, другие нравы. Многие из них совсем даже неприличные.

Тут Одоевский вдруг вспомнил вчерашних содомитов у Гостиного двора, которые обнимались и целовались друг с другом на виду у проходящих мимо людей. Его даже передернуло от отвращения от воспоминания об этом мерзком зрелище.

— Ну и что, — капризно надула свои прекрасные губки княгиня, — ведь ты же сам говорил, что люди из будущего, с которыми ты познакомился, воспитанные и очень умные. Думаю, что они не позволят себе вести себя неприлично в нашем присутствии.

Одоевский вдруг вспомнил восточную пословицу: "Тот, кто спорит с женщиной, тот укорачивает свой век". Он махнул рукой, и сказал, что пусть будет так, как хочет его супруга. Тем более что без ее помощи его новым знакомым будет очень сложно устроиться в их мире.

Радостная Ольга Степановна чмокнула мужа в щеку, и начала снова расспрашивать его о том, как живут люди в Петербурге XXI века...

Глава 3. "Десант из будущего"

Что бы мы делали без армии...

Как и предполагал Антон, едва наши друзья попрощались с князем (впрочем, ненадолго), и едва кемарнули на диване часа два, как в дверь раздался звонок, и перед их мутными спросонья глазами нарисовался сам Виктор Иванович Сергеев, собственной персоной. Отставной майор-танкист, бывший зампотех танкового батальона, успевший хлебнуть лиха за четверть века своей службы Родине. Он повоевал и в Афгане, и даже успел поучаствовать в 1-й Чеченской. На память о ночном штурме Грозного у Сергеева остался шрам на лбу и пара осколков в ноге, из-за чего бывалый вояка ходил слегка прихрамывая.

Похоже, что Никола раскололся напрочь, как орешек, на две половинки, и слил папаше всю информацию об изобретении Антона, и о визите в наше сумасшедшее время живого князя Одоевского. И Виктор Иванович с утра пораньше, умирая от любопытства, примчался на квартиру Антона.

Но князя уже не было. А единственными документальными свидетельствами о его визите была стопка литературных журналов издания 1839–1840 годов, да сборник сказок Одоевского, с длинным и малопонятным для человека XXI века названием "Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гамозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданныя В. Безгласным". И, что самое ценное, с автографом князя, написанным, правда, не гусиным пером, а обыкновеннейшей шариковой авторучкой.

Сергеев долго листал журналы, даже почему-то принялся к запаху, исходившему от их страниц, потом полюбовался на автограф князя, после чего сказал категорическим тоном. — Ребята, как хотите, но я должен побывать ТАМ!

— Мы и так все там будем, — зевая, философски изрек Шумилин, с утра выпивший рюмочку коньяка, и настроившийся было на минорный лад.

— Да ладно тебе, балабол, — буркнул Сергеев, — я о другом. Мне надо побывать в прошлом. Колька сказал, что вы попали в 1840-й год. А там рукой подать и до Крымской войны.

— Угу, — сказал Александр, — недолет в два лаптя по карте. До 3-го

Восточного кризиса и начала боевых действий еще лет двенадцать. И, кстати, что тебя в той войне так заинтересовало?

— Знаешь, Шурик, — сказал уже спокойным тоном Виктор, — у нас в роду вот уже в течение полутора веков все мужчины – военные. Могу всех поименно перечислить. А началась наша династия служивых из рода Сергеевых с фельдфебеля Селенгинского пехотного полка Харитона Осиповича Сергеева, который дрался в Крыму с англо-французами при Инкермане, а потом, в Севастополе под знаменами генерала Хрущева.

— Ты, Тоха, морду-то не криви, — сказал Сергеев, заметив брезгливую ухмылку на физиономии Воронина. — Хрущевы-то были разные. Александр Петрович Хрущев за проявленную храбрость на поле боя был награжден золотым оружием с бриллиантами, а это, если бы ты знал, редкая награда.

Так вот, о моем предке. При битве за Селенгинский редут он получил ранение в грудь, и чудом остался жив. Спас его замечательный доктор Николай Иванович Пирогов. Наверное слышал о таком. А фельдфебель тот, награжденный за храбрость двумя солдатскими Георгиями, как "севастополец" получил льготы, и сын его окончил начальную школу и реальное училище. И дослужился потом до "мокрого прапора" – был такой чин в Морском ведомстве. Иван Харитонович Сергеев поучаствовал в войне 1877–1878 годов. Служил на пароходе "Великий князь Константин" под командованием самого Степана Осиповича Макарова. Вот так и началась наша военная династия.

— М-да-с, — занимательно, — сказал Шумилин, — только я не совсем понял, ты, Витя, хочешь в прошлом найти своего предка? А зачем?

— Хочу посмотреть на него, понять, что это были за люди, такие, — задумчиво сказал Сергеев, — ведь все, что у нас, и в нас – это их заслуга. Знаешь, Шурик, я человек военный, и не люблю разглагольствований, которых наслушался от наших замполитов, начиная с военного училища. Только вот запомнились мне, дружище, слова, кровью сердца написанные замечательным писателем и участником войны Валентином Саввичем Пикулем. Запомнились так, что я их выписал, и перечитываю время от времени, чтобы не впасть в наше нынешнее всеобщее обыдление.

Сергеев достал из кармана куртки записную книжку, раскрыл ее, и стал читать, хотя по лицу его было видно, что эти слова он выучил наизусть:

Никогда не думай, читатель, что история – это только история. Давнее нашей земли и нашего народа удивительно

сопряжено с нашим сегодняшним днем.

Не верь тому, кто скажет тебе: – Это нам не нужно... Это история!

Иногда люди не понимают, что история – это и есть наша современность. Нельзя изучить современную жизнь и познать ее политические требования к нам – без знания истории! Если человек говорит: "Я знаю историю", — это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: "Я знаю только современность", — это значит, что он не знает ни истории, ни современности!

Из ничего ничто и не рождается.

Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом – это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе – это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском – это воин на Шипке. Воин на Шипке – это защитник Брестской крепости...

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна – это мать-Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного – во имя русского Отечества. Мы не провожали в поход павших на поле Куликовом. Не нас разбудили рыдания Ярославны. Мы не знаем имен замерзших на Шипке...

И все-таки мы их – знаем! Да, мы их помним, мы их видим, мы их слышим, мы их никогда не забудем. Ибо это наши предки, читатель. В истории есть голос крови.

Этот голос ко многому нас обязывает. Не будем искать славы для себя.

Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

Сергеев захлопнул блокнотик, спрятал его в карман, и тихо сказал, — вот видишь, Тоха, почему мне надо быть ТАМ. Как аввич говорил – "голос крови"? Считай, что это он...

— Да, Иванович, — сказал Шумилин, — ты прав, как всегда. И что бы мы делали без нашей армии? В общем, давай подумаем как следует, что и как мы можем сделать в прошлом. Чем мы сможем быть полезными

предкам?

— Шурик, ты меня извини, — сказал Антон, — но сделать что-то полезное можно лишь после того, как мы переберемся туда на ПМЖ. Так набегам, наездам мы ничего путного не сделаем. Межвременной туризм с элементами межвременной фарцовки. Это не по мне. Конечно, связь с нашим временем терять нельзя, но придется нам стать "засланными казачками" в XIX век.

— В общем так, ребята, — сказал Сергеев, подводя черту этой, несколько сумбурной дискуссии, — давайте сядем рядком, поговорим ладком. Антон, достань лист бумаги, завари кофе покрепче, сейчас наведем резкость, покумекаем, и составим план дальнейших действий. Мы, люди военные, планировать любим больше, чем бывшие партийные чиновники. Кстати, Антон, когда у тебя следующая встреча с Одоевским?

— Завтра ждем их сиятельство, — ответил Воронин, — обещал быть, как штык. С нетерпением готовимся к новой встрече с предком.

— Вот и замечательно, — сказал Виктор, — попили кофе? — Тогда почнем помолясь. — Антон, давай пиши: пункт первый — наладить надежную работу машины времени. Протекспериментировать — какую максимальную массу может пропустить портал в один замес... Ответственный — Антон Воронин.

Пункт второй — о финансировании наших работ... Запомните, ребята, — никакая это не фарцовка, а самая настоящая операция обеспечения...

Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!"

"Мозговой штурм" на квартире Антона продолжался часа три. Потом его участники выдохлись и еще раз попили кофейку. Ну а затем, Сергеев, как инициатор всего происходящего, подвел черту. Он разложил на столе исписанные и исчерканные шариковой ручкой листы бумаги, и сказал, обращаясь ко всем участникам совещания.

— Итак, что мы имеем в остатке? Начнем по порядку. Пункт первый — машина времени. Кстати, Антон, звучит это как-то... Давай будем ее называть по-другому. Например: аппарат, агрегат, прибор, установка... Выбирай сам.

— Пусть будет агрегат, — ответил Антон, — вроде вполне нейтрально, и для постороннего достаточно непонятно — о чем собственно идет речь.

— Хорошо, — согласился Виктор, — установлено опытным путем, что

агрегат имеет возможность перемещать во времени три человека зараз. А больше может?

— Ну может, еще одного, но больше – вряд ли, — сказал Антон, — и так машина, извини, агрегат, работает на пределе мощности. Тут все упирается в проводку. В самый ответственный момент могут накрыться предохранители, или полетит что-то в энергопитании дома. И будет мне в дверь квартиры ломиться местный управдом Бунша с воплями: "Товарищ Воронин, прекратите свои хулиганские опыты..."

— Угу, — сказал Сергеев, — а если тебе перевести твой агрегат в мою автомастерскую. Там у меня с энергопитанием получше. Сам знаешь, у меня там тельферы, станки, мойка, в конце концов. Освобожу для тебя один ангар, и будем работать оттуда. Ну это если понадобится перебросить в прошлое что-то габаритное.

— Шурик, ты помнишь, где находится моя мастерская, — спросил Сергеев и Шумилина.

Тот кивнул головой и ответил, — на Энгельса, рядом с парком Лесотехнической академии. А что, это важно?

— Важно, мой друг, важно, — с улыбкой ответил Виктор, — а ты помнишь, какая станция пригородной электрички находится поблизости?

— Вроде, Ланская, — ответил Шумилин, — и тут до него дошло. — Витек, ты гений! В 40-е годы XIX века эта местность принадлежала графам Ланским. А жена князя Одоевского, Ольга Степановна, в девичестве – Ланская!

— Именно так, воскликнул довольный Сергеев, — можно построить что-то вроде амбара на землях ее кузена, и без лишнего шума принимать габаритные грузы из будущего. А у меня в мастерской ты можешь сварганить и агрегат помощнее, и завозить ко мне любые вещи, естественно, с моего разрешения, — Виктор хитро прищурился.

— Вы все такие умные, а я, выходит, дурак, — язвительно сказал Антон, — есть и меня мысль, как перебрасывать в прошлое крупные вещи. Помните, я ездил к своему знакомому в Кировск? Ну он мне еще помог советами по нашему агрегату...

— Помним, — ответил за всех Шумилин, — только ты, Тоха, не тяни кота за хвост, говори прямо, а то и так от говорильни голова уже болит...

— Так вот, рассказал мой знакомый о феномене, который существует в окрестностях Кировска. Дескать, есть там роща, бывшее языческое капище, в которой порой происходят странные вещи. Ну люди пропадают, а потом появляются в другом месте, на сотни верст от этой рощи. Ну и все такое прочее из репертуара журнала "Тайны XX века".

Незадолго до этого я сделал прибор, который назвал его "времендетектор". Он фиксирует места, где имеются природные "пробои во времени". Я не поленился, и проверил "кировский феномен". Оказывается, там есть некий канал между прошлым и будущим, который можно будет использовать для мобильной переброски предметов из XXI века в век XIX, и, наоборот. Допустим, устанавливаем агрегат в фургончик, типа "Газели". Работать он будет от бортовой сети. И вместе с грузовиком, в котором складированы товары, которые надо отправить в прошлое, мы подъезжаем к этим Красным Соснам. Включаем агрегат, получаем пробой во времени, и оказываемся там, где нам надо. Конечно, надо будет проэкспериментировать еще над всем этим, но по моему разумению, все должно быть именно так.

— Ладно, Тоха, — давай, действуй, — сказал после некоторого раздумья Сергеев, — если будет так, как ты думаешь, то все будет замечательно. Можно будет доставлять в прошлое многое, что нам понадобится там для выполнения своей миссии.

— Ну а теперь переходим ко второй фигуре Марлезонского балета, — финансы, как известно — узкое место для всех широких натур. Конечно, мы кое-что поднакопили, и если надо, то можем потряхнуть мощной для благого дела, но на одном энтузиазме далеко не уедешь.

В процессе обсуждения прозвучало много самых экзотических проектов добычи первоначального капитала — от разработки золотых приисков на Колыме, до экспроприации банков в Англии и Франции. Все это, конечно, замечательно, но к реалиям никакого отношения не имеет.

Что же мы имеем в сухом остатке? Один лишь вариант — межвременная торговля. Причем, с определенными ограничениями, чтобы не переполошить спецслужбы и криминал ни в прошлом, ни в настоящем.

Как ты понимаешь, Антон, твои компьютеры и прочие электронные девайсы там будут не востребованы. Хотя бы из-за отсутствия электросетей. Правда, в 1800 году итальянец Вольта изобрел первую батарейку, а в 1832 году наш соотечественник Павел Львович Шиллинг продемонстрировал государю императору изобретенный им электромагнитный телеграф. Но это пока все на уровне балаганных бородатых дев и заспиртованных русалок. Забавно, занятно, но...

Мои авто, тоже пока не катят. Паровые дилижансы уже, правда, разъезжают по дорогам Британии, но это тоже, больше экзотика. А вот локомотивы — то есть, стационарные паровые машины, приводящие в действие, к примеру, мельницу, или пилораму, уже существуют. Я думаю, что нам они будут необходимы хотя бы для того, чтобы получать

электроэнергию для наших приборов. В конце концов, для динамо все равно – кто вращает его вал – бензиновый двигатель, или локомобиль. Да и для нашего хозяйства – а мы обязательно его там заведем, механизация не помешает.

— Ясно, — сделал пометку в своем блокноте Шумилин, — насчет генераторов я кое с кем переговорю. А вот насчет торговли здесь и сейчас. Есть у меня одно предложение.

Знаете, я изучая роспись государственных расходов Российской империи в годы царствования императора Николая I был просто ошеломлен тем, сколько его дражайшая супруга Александра Федоровна, в девичестве принцесса Шарлотта Прусская, тратила на всякие там парфюмы, модные наряды и украшения. А сколько уходило на те же цели средств из личных сумм великих княжон? Я уже не говорю о том, сколько тратили на заморские духи, помады и прочие там пудры представительницы высшего света Российской империи, так сказать ее помпадурсы и помпадурши?

Вот я и подумал, что можно будет ввозить в прошлое современные нам парфюмы. Шампуни, дезодоранты, духи, туши и тени, помада – да за это за все любая тамошняя кокетка отдаст не только кошелек, но и душу. Я, конечно в этом деле разбираюсь не очень, но у нас есть одна представительница слабого пола, которая сможет стать нам бесценной помощницей во всех наших делах...

— Уж не об Ольге Румянцевой ты говоришь? — спросил у Шумилина Антон, — а что, идея интересная, надо будет с ней переговорить. Думаю, что она не откажется оказаться во времени, о котором мечтала всю свою жизнь.

— Нам без нее все равно не обойтись, — сказал Сергеев, — ведь нам еще понадобится одежда того времени. А бабешка она сообразительная, и без нас обо всем догадается. Так что лучше будет подключить ее к нашему делу как можно быстрее.

— Знаешь, Шурик, — сказал Виктор, — твоя идея со всеми этими дамскими штучками мне нравится еще и тем, что именно через женщин надо выходить на сильных мира того. Естественно, что когда с государем или его наследником будет налажен прямой контакт, это направление станет вспомогательным. Но пока оно даст нам возможность неплохо заработать, обозначится в XIX веке, завести нужные знакомства и быть готовым к переходу на новый уровень.

И еще. Я считаю, что мне в самое ближайшее время следует отправиться в прошлое, чтобы легализоваться там и начать создавать базу. Собственно говоря, здесь меня уже ничего не держит. Колька уже

взрослый, Маша моя умерла, Царствие ей Небесное, — тут Сергеев достал платок, и шумно высморкался, заодно смахнув предательски набежавшую слезу, — с автомастерской пока вполне справится сын и племяш. А посмотреть на нынешний наш бардак мне уже, если честно сказать, поднадоело.

Думаю, что с князем мы вполне поладим, он сведет меня с нужными людьми, и я смогу там сделать кое-что нужное для нашей последовательной амбаркации в прошлое.

— Так тому и быть, Иваныч, — сказал Шумилин, — давай, приходи завтра, познакомишься поближе с князем, переговоришь с ним. Думаю, вы друг другу понравитесь. С Ольгой я встречу и побеседую. Наверное, даже сегодня.

А у меня еще одно предложение. Забыли вы все о другой нашей задумке. Надо будет переговорить с Лешей, и предложить ему тоже перебираться в прошлое. Я слышал, что у него сейчас нелады с начальством, и работать в клинике стало совсем невмоготу. Пусть он отправляется в XIX век вслед за Виктором, и там займется врачебной практикой. Я думаю, что с его знаниями и опытом он станет кем-то вроде Парацельса и Авиценны в одном флаконе. Многие его будущие пациенты окажутся из тех, кто решает многие вопросы в империи. Думаю, что никто не будет возражать мне, что это очень важно?

— Есть одно маленькое "но", Шурик, — сказал Сергеев, — если мне память не изменяет, в то время право быть лечащим врачом имели только немцы. Для русских дорога была наглухо закрыта. Сам Николай Иванович Пирогов вынужден был заниматься медициной в Медико-хирургической академии, которая по сути своей была ведомственной, так как содержалась на деньги Военного министерства.

— Ну так мы сделает Леху немцем! — воскликнул Шумилин, — ты же помнишь, что он родился и вырос в ГДР, и разговорный немецкий язык знает в совершенстве. Придумаем ему какую-нибудь легенду поскладнее, и пусть он станет немцем, приехавшим в Россию за длинным рублем.

— Отлично, — сказал Антон, — разговор с Алексеем я беру на себя. Вроде все утрясли, ничего не забыли... А теперь, как говорили раньше на партсъездах: "Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!"...

Шерше ля фам!

Как Шумилин и обещал друзьям, сразу же после конца совещания он отправился на Лиговку к Ольге Румянцевой, своей "кузине-белошвейке". По дороге он забежал в магазинчик на Владимирском, и купил небольшой тортик к чаю.

Ольга встретила его радушно. Помимо чисто коммерческих взаимоотношений их связывала дружба, правда, пока не доходившая до совместного возлежания в постели. Хозяйка дома тут же подхватила из его рук тортик, унесла его на кухню, и там загремела посудой и чайником.

Потом она вышла в комнату, и с любопытством стала наблюдать за тем, как Шумилин рассматривает развешенные на манекенах костюмы-новоделы.

— Что, нравится? — с гордостью спросила она, а потом поинтересовалась, — да, кстати, а как там мое шитье, пригодилось?

— Угу, — буркнул гость, вращая манекен, наряженный в гусарский мундир, — это ты кому красоту такую построила?

— Да есть тут один, реконструктор, — хихикнула Ольга. — Хочет выглядеть, как поручик Ржевский, только ни осанки у него, не выправки. В мундире смотрится, как клоун коверный. Шпоры носит, а к лошади не знает с какой стороны подойти. Правда, денег у него куры не клюют.

— Да, кстати, — сказал ей Шумилин, — я тут тебе подарочек принес, — и он достал из дипломата несколько литературных журналов, подаренных князем Одоевским.

— Ой, Саша, да это подлинный "Современник", а это "Отечественные записки"! — воскликнула удивленная Ольга, — спасибо тебе большое! И состояние у них замечательное, словно их только вчера напечатали, а не сто пятьдесят лет назад! Слушай, а может это репринтное издание?

— Нет, не репринтное, подлинное, — с усмешкой ответил ей Шумилин, — а вот ты еще на это взгляни, — и он протянул Ольге сборник сказок Одоевского с автографом князя.

— Да где ты взял все это?! — удивленно сказала хозяйка. Потом она еще раз внимательно посмотрела на обложку, прочитала то, что на ней было написано, и глаза ее стали по девять копеек.

— Слу-у-шай, да ты что, в прошлом побывал... — изумленно пробормотала Ольга. — Я вообще-то подумывала о чем-то подобном еще когда ты у меня те костюмы заказывал... Ой, Сашка, да что ж теперь будет-то?!

— А ничего и не будет, — спокойно ответил ей Шумилин. — Ты права, Антоха — ты должна его помнить, и в самом деле изобрел машину времени. И испытал ее. Причем, успешно. Мы с ним позавчера побывали в 1840

году, а потом князь Одоевский нанес нам ответный визит. Вчера мы с их сиятельством гуляли по Питеру. Впечатлений у него было выше крыши. Обещал нас завтра навестить...

На кухне засвистел закипевший чайник. Ольга бегом бросилась туда, крикнув на ходу Александру. — Пошли пить чай, заодно мне расскажешь, как вы дошли до жизни такой...

После того, как торт был съеден, чай выпит, а Шумилин закончил свое повествование, воодушевленная донельзя Ольга немедленно потребовала, чтобы ее срочно отправили в прошлое. Хоть с князем вместе, хоть одну.

— Терпение мой друг, терпение, и ваша щетина превратится в золото, — попробовал пошутить Александр. Но Ольга была упряма, как все женщины.

— Ты должен обязательно познакомить меня с князем и его супругой, — твердила она. — Я хочу увидеть своими глазами то время...

— Вообще-то, Ольга, я для этого к тебе и пришел, — сказал Шумилин. — Дело в том, что мы: я, Антон, Виктор и, возможно, Алексей собираемся, если так можно выразиться, "эмигрировать" в XIX век. И ты должна нам в этом помочь.

— Я, вообще-то, никогда не отказывала в помощи своим друзьям, — сказала Ольга, только, что я могу. Ну сшить костюмы, проконсультировать вас насчет одежды. И все, пожалуй...

— Ну скажем, и это для нас немало, — ответил ей Шумилин, — но к тебе есть другое предложение. Мы тут прикинули, что нам без финансов там делать нечего. А где деньги взять? Посему решили заняться межвременным "контрабасом", и ввозить туда парфюм и прочие женские штучки из нашего времени. Ну ты сама понимаешь, что мы, мужики, в этом ни в зуб ногой. Только на тебя вся надежда.

— А, вот ты о чем, — задумчиво проговорила Ольга, — идея, конечно, богатая, но не такая уж простая. Дело в том, что уже тогда в Петербурге были торговцы, которые имели свою клиентуру из дам высшего света, и вклиниться в их бизнес будет не так-то просто. Хотя...

— Что, "хотя", — поинтересовался Шумилин, — ты нащупала брешь, через которую мы начнем наступление на тамошних модниц?

— Ты говорил, что у князя есть супруга, не старая еще? — спросила Ольга, — если бы мне с ней переговорить кое о чем, а еще лучше, доставить ее в наше время...

— Ага, — сразу въехал в тему Шумилин, — женщина всегда поймет женщину, даже если их разделяет полтора столетия. Я обещаю тебе, что с княгиней Одоевской ты познакомишься в самое ближайшее время. Так что

там у нас с парфюмом XIX века? С чего начнем?

Ольга уселась в кресле поудобнее, и начала посвящать Александра во все тонкости тогдашней моды.

— В первой половине XIX века, куда нам предстоит просунуть свой любопытный нос, у представительниц прекрасного пола наибольший интерес вызывали парфюмерные произведения, созданные на основе цветочных запахов с примесью амбры и мускуса. Не менее популярным было и розовое масло. Запах пачулей к тому времени стал приедаться.

Очень популярны были духи. Но помимо них для создания в помещениях приятного запаха жгли курительные свечи из ладана, стираксы, амбры, мускуса. Благовонные курительные порошки продавались в парфюмерных лавках под пышными названиями, типа, "Венский" или "Французский королевский". Чаще всего они состояли из смеси высушенных розовых лепестков, стираксы, фиалки, гвоздики. Также использовали и жидкие смеси – благовонные уксусы. Популярными были "лимонный", "бергамотовый", "розовый" и "лавандовый". Уксус капали на специальную курительницу с металлической пластиной, которая подогревалась свечкой. Ну что-то вроде наших нынешних аромаламп. Или этот уксус просто брызгали на угли камина.

Нюхательные соли тоже часто использовали как ароматизаторы. Их составляли из равных частей нашатыря и душистых масел. Оставались еще в моде и саше – сухие благовонные смеси для ароматизации белья, шкафов и карет. Саше делали в виде шелковых подушечек.

Кстати, имейте в виду, что тогдашние мужчины не отставали от женщин, и тоже всю пользовались услугами парфюмеров, — Ольга хитро посмотрела на Шумилина, — по всей Европе гремела слава знаменитой "Воды из Кельна" – "Eau de Cologne", или по-русски – "Одеколон". Тогда это было не общее название спиртовых ароматизированных настоек для мужчин, а вполне конкретная туалетная вода, в компоненты которого входили бергамот, лимон, грейпфрут и еще некоторые добавки. Изобрел "Воду из Кельна", как ни странно, итальянец – Джованни Мария Фарина. И назвал он ее в честь своей новой родины, Кельна, где уроженец Апеннин основал фирму, которая существует до сих пор. "Одеколон" воспевали Вольтер, Гете, а Наполеон даже в походе носил бутылочку с "Водой из Кельна" за голенищем своего сапога, чтобы всегда благоухать, как майская роза.

Правда, стоило это удовольствие немало – за один флакончик средний российский чиновник того времени должен был отдать свое полугодовое жалование. Так что не каждому парфюм будет по карману.

Как я уже говорила, в Петербурге обосновались уже представители нескольких парфюмерных домов Европы, и нам придется побороться с ними за место под солнцем.

— А каким парфюмом пользуется император Николай I, — спросил Шумилин, — мы с Антоном, кстати, встретили его на Дворцовой набережной. Он гулял своего пуделя. Импозантный, надо сказать, мужчина.

— Даже так? — удивилась Ольга. — Ну да, ладно, дойдет и до него очередь. А Николай Павлович, насколько мне известно, пользовался духами "Parfumdela Cour" ("Придворные духи"). Но в своих вкусах он был достаточно консервативен, и поэтому подобраться к нему будет нелегко...

— Хорошо, Ольга, — сказал ей Шумилин, — давай подумай над тем, что я тебе сказал. Голова у тебя светлая, думаю, что ты еще чего придумаешь. Про то, что надо держать язык за зубами, я тебя предупреждать не буду. Ну и завтра с утра жду тебя у Антона. Увидишь наших предков, так сказать, живьем...

— Саша, если я до завтра не умру от любопытства и нетерпения, то обязательно буду, — сказала Ольга, провожая своего гостя до выхода. — Ну а про то, что надо молчать, мог бы мне и не напоминать — не маленькая, чай...

Давайте дружить семьями...

В урочный час в квартире у Антона снова собрались все причастные к ТАЙНЕ... Тут был Виктор Сергеев, Шумилин и Ольга Румянцева, которая всю ночь промучившись от нетерпения и любопытства, чуть свет примчалась к Антону на Гагаринскую. Ну и, конечно, Антон, который в данный момент священнодействовал над своим детищем.

Все шло как обычно. Жужжание, гудение, в центре комнаты появился светящийся изумрудно-голубой круг, в котором все увидели кусочек грота Летнего сада и две фигуры. Странно, князь должен был придти на встречу с ними один. Но присмотревшись, те, кто находился в квартире, увидели, что за Одоевским стоит, испуганно прижавшаяся к его боку приятной наружности темноволосая женщина средних лет.

Шумилин понял, что князь решил взять с собой в будущее супругу, Ольгу Степановну. Что ж, это просто замечательно. Вон и Ольга Румянцева сделала стойку, увидев даму из столь любимой ей эпохи.

— Доброе утро, Владимир Федорович, доброе утро, Ольга Степановна, — сказал Антон, приветствуя гостей из прошлого, — мы рады

видеть вас.

Князь по-свойски поздоровался со всеми, с особым чувством пожал руку Сергееву, почувствовав в нем старого вояку, и галантно расшаркался перед польщенной Ольгой, которая впервые видела перед собой живого князя, а не "месье Журденов", выдающих себя за потомков знатных родов.

Потом Одоевский представил свою супругу, которая чувствовала себя явно не в своей тарелке. Княгине было все удивительно и чуждо: и одежда людей ХХI века, и их несколько свободные, даже порой слишком, манеры общения, комната, заставленная необычной мебелью.

Удивила ее и женщина, которая оказалась ее тезкой. Она была одета в легкое платье, с точки зрения Ольги Степановны, слишком откровенное, открывавшее не только ступню, но и (о, ужас!) ногу до самого колена. Княгиня даже немного покраснела, но женщина из будущего, казалась, даже не замечала, что выглядит просто неприлично. И, что самое удивительное, на это не обращали ровно никакого внимания, и присутствующие в комнате мужчины.

— Владимир Федорович, — обратился к князю Антон, — с вашего позволения, пусть Ольга Валерьевна побудет с вашей супругой, а то наши, чисто мужские разговоры, вряд ли будут им интересны. А женщины всегда найдут друг с другом общий язык.

Одоевский кивнул головой, и Ольга Румянцева, улыбнувшись, пригласила княгиню пройти в соседнюю комнату. Та, робко посмотрев на мужа, покинула мужскую компанию, поддерживаемая под локоток своей новой знакомой.

Когда дверь за дамами закрылась, Шумилин, обратился к Одоевскому,

— Владимир Федорович, мы провели в течение минувших суток своего рода совещание, и решили отправить на постоянное жительство нашего уважаемого Виктора Ивановича. Он хочет обосноваться в Петербурге, и подготовить плацдарм для перехода в ваше время всех нас. Дело это сложное, но другого выхода мы не видим. Вы не могли бы ему помочь в первое время?

Одоевский, внимательно слушавший Шумилина, согласно кивнул головой. — Господа, я готов оказать вам всю возможную помощь, зная, что ваша деятельность будет исключительно полезна нашему Отечеству. Вы только скажите, чем я могу вам помочь?

— Владимир Федорович, — сказал Сергеев, — мне нужна легализация в вашем времени. И возможность работать, создавая новые образцы вооружений, которые могли бы усилить русскую армию. По роду моей службы в армии, я имел дело с достаточно сложной техникой, так что в

нынешней я могу разобраться легко. О более конкретных предложениях мы поговорим с вами позже, а пока я хочу попросить вашего разрешения немного пожить у вас, скажем, в качестве вашего дальнего родственника, приехавшего в столицу из провинции.

— Что ж, Виктор Иванович, — ответил князь, я почту за честь оказать вам гостеприимство. Ну, а о прочих вещах, как вы правильно заметили, мы поговорим попозже.

— Вот и отлично, — сказал Шумилин, — пусть наш друг побудет у вас, посмотрит на вашу жизнь, заведет нужные знакомства. Надо только будет попросить Ольгу подобрать для Виктора соответствующий костюм. А вот, кстати, и она!

В комнату вошла Ольга Румянцева, вместе с княгиней, которая, кажется, уже немного освоилась, и перестала дичиться.

— Антон, — сказала она, — ты не мог бы на своей машине отвезти меня домой. Дело в том, что Ольга Степановна хочет посмотреть на наш Петербург. Сам понимаешь, что в одежде XIX века на улице она будет выглядеть несколько экстравагантно. Я прикинула, что у меня найдется платье, соответствующее размерам нашей гостьи. Надо все быстренько привезти сюда.

— Хорошо, — сказал Антон, — но, в свою очередь, ты поищи что-нибудь из одежды для Иваныча. Он вместе с князем отправится в прошлое, и его надо соответствующее экипировать.

— Найдем, — коротко ответила Ольга, — сама я вряд ли успею сшить для него костюм. Но можно кое-что одолжить на время в костюмерной Ленфильма. У меня там есть знакомые.

— Вот и отлично, — подвел черту этому разговору Шумилин. — Тоха, давай, вперед – одна нога здесь, другая там. Не заставляй нашу гостью долго ждать.

Когда Ольга, Сергеев и Антон ушли, Александр, чтобы как-то немного развлечь гостей, предложил им послушать музыку. У хозяина была неплохая подборка CD-дисков с современной и классической музыкой. Порывшись, Шумилин нашел диск с музыкой Петра Ильича Чайковского из балета "Щелкунчик". Вставив сидюк в дисковод музыкального центра, он предупреждающе поднял руку, словно предупреждая гостей из прошлого быть готовыми к чему-то удивительно-тревожному.

Зазвучавшая музыка, наполнившая чудесными звуками всю комнату, поначалу удивила и даже немного напугала супругов Одоевских. Они завертели головами, словно пытаясь обнаружить, где, в такой небольшой комнатухе спрятан целый оркестр. Но мало-помалу они погрузились в

очаровательную музыку Петра Ильича. Особенно впечатлил их "Вальс цветов" и Па-де-де.

— Боже мой, Александр Павлович, — воскликнул в восхищении Одоевский, — когда замолкла музыка Чайковского, — откуда это чудо? Кто сочинил это?

— Он родился несколько недель назад в городе Камско-Воткинском заводе, в семье горного инженера подполковника Ильи Петровича Чайковского. Позднее он закончит в Петербурге Императорское училище правоведения. Но всему миру он будет известен как великий композитор.

Кстати, Владимир Федорович, в нашей истории именно вы немало сделаете для того, чтобы молодой начинающий музыкант сумел стать тем, кем он стал. Зовут этого человека Петр Ильич Чайковский. А музыка, которую вы слушали, он написал для балета "Щелкунчик". Вы, наверное, читали сказку Эрнеста Теодора Амадея Гофмана "Щелкунчик и Мышиный король"?

Князь и княгиня кивнули головами. А Шумилин продолжал, — наша Матушка Русь всегда была богата на великих людей. Но, к сожалению, они часто уходили из жизни в расцвете сил и таланта. Вот и Петр Ильич Чайковский умер в Петербурге в ноябре 1893 года от холеры. И было ему всего 53 года.

— Да, это судьба, — печально сказал Одоевский, — к сожалению, вы правы. Александр Павлович, вы не могли бы еще раз дать мне послушать эту чудесную музыку.

Но в это самое время вернулись Ольга, Виктор и Антон, нагруженные сумками с одеждой. Княгиня тут же ушла вместе с Ольгой Румянцевой примеривать привезенную ей одежду. А мужчины стали соображать — чем им заняться сегодня. Одоевский попросил показать ему метро, о котором он там много слышал, но еще не видел своими глазами, а также сводить его в Музей артиллерии, чтобы посмотреть своими глазами на образцы военной техники, которая появилась в XX веке.

Сопровождать Одоевского решил Виктор, который хотел поближе познакомиться с князем, и сдружиться с ним. Минут через пятнадцать в комнату вошли дамы. Князь, увидев свою супругу, не мог удержаться от восхищения. Ольга Степановна выглядела ослепительно красивой. Наша "кузина-белошвейка" нарядила ее в ярко-синее приталенное платье, довольно длинное для моды XXI века, но слишком откровенное для 40-х годов века XIX-го. Ольга с помощью умеренного макияжа сделало и без того симпатичное лицо княгини очаровательным. На ее голове лихо сидела пестрая панاما, подчеркивающая смуглость лица гостьи из прошлого.

Антон, старый сердцеед и бабник, закатил глаза кверху, и "запустил жалом" при виде супруги князя. Но, вовремя спохватившись, не стал перед ней "звенеть шпорами", и заговорил о чем-то с Виктором.

Ольга Румянцева с гордостью посмотрела на окружающих – мол, полюбуйтесь на дело рук моих. Все оценили и впечатлились. Одоевский, вдоволь налюбовавшись на супругу, отпустил ее вместе с Ольгой на прогулку. А сам пошел переодеваться, чтобы отправиться в очередной вояж по городу с Виктором Сергеевым.

Дамский вояж

Выйдя из дома на Гагаринской, две Ольги направились в сторону Пантелеймоновской церкви. Поначалу княгиня очень стеснялась своего внешнего вида. Ей казалось, что все прохожие смотрят на нее и на ее ноги, которые были до неприличия обнажены.

Но через минут десять она убедилась, что ее наряд не вызывает у встречных мужчин особого интереса. К тому же навстречу попадались и дамы, одетые, ну уж совершенно непристойно. Одна из них, лет двадцати, не больше, шла, весело щебеча, разговаривая, как показалось княгине, сама с собой. При этом она прижимала к уху какую-то блестящую на солнце пластинку. На девице были одеты коротенькие панталоны (такие в ее времени дамы носили под нижней юбкой), и рубашечка, открывающая половину живота. К тому же она была без шляпки, а ее длинные волосы спадали с плеч, словно девица готовилась причесаться перед сном.

— Ольга Валерьевна, — жалобно спросила княгиня у своей спутницы, — что же это такое? Кто разрешил ей выйти в таком виде на улицу? И почему эта юная мадемуазель все время разговаривает сама с собой. Может быть, она тронулась умом?

Ольга взглянула на девушку, слегка усмехнулась и ответила. — Это, Ольга Степановна, у нас такая мода. Шорты и топик. Если фигура у девушки хорошая, то очень даже ничего – мужчинам нравится. А разговаривает она не сама с собой, а по мобильному телефону, скорее всего с подружкой.

Увидев недоумение на лице своей собеседницы, Ольга пояснила. — Милая Ольга Степановна, мобильный телефон – это такой аппарат, с помощью которого люди могут разговаривать с нужным им собеседником почти на любом расстоянии. Если вы хотите, то прямо отсюда мы можем связаться и переговорить с вашим супругом?

Княгиня кивнула, и Ольга, достав из сумочки небольшую коробочку красного цвета, откинула крышку и стала нажимать на ней какие-то кнопки. Потом прижала коробочку к уху, и стала ждать.

— Алло, Антон, — сказала она, — да, это я. Нет, ничего не случилось. Просто я решила показать княгине наше чудо техники. Дай трубку Владимиру Федоровичу. С ним хочет переговорить его супруга.

Княгиня прижала к уху коробочку, и вздрогнула, услышав голос мужа. — Милая, с тобой все в порядке?

Мадам Одоевская робко ответила. — Да, Володя, все хорошо. Это милая Ольга Валерьевна решила продемонстрировать мне возможности одного из своих чудесных устройств.

Закончив говорить, княгиня отдала коробочку своей спутнице, и та спрятала ее в сумочку. Так за разговорами две Ольги дошли до Пантелеймоновской церкви, а потом повернули к Михайловскому замку. Княгиня все время крутила головой, напоминая растерянную провинциалку, первый раз в жизни попавшую в большой город. А, в общем, так оно и было. Тогдашний Петербург по своему размеру примерно соответствовал небольшому городку Центральной России. Но главное не это, а кипящий ритм жизни большого современного мегаполиса, несопоставимый с сонным и патриархальным XIX веком, когда император сам выгуливает на улице любимую собаку, а встречные прохожие с ним раскланиваются.

Но, постепенно княгиня освоилась, и стала засыпать Ольгу вопросами. Ее интересовало все: как дамы в XXI веке проводят время, какие театры посещают, часто ли у них бывают балы?

Ольга отвечала, стараясь подобрать слова, понятные княгине. Та очень была удивлена, когда узнала, что женщины больше не сидят дома, а учатся и работают, причем, работают часто там, где совсем недавно трудились исключительно мужчины. Словно подтверждая слова Ольги, мимо них прошла симпатичная курсантка училища МВД. Княгиня, узнав, что эта девица, закончив свое учебное заведение, станет служить в полиции, была так удивлена, что даже на пару минут потеряла дар речи. — Женщина! — воскликнула она, едва отойдя от шока. — Служит в полиции?! Это же ужасно!

По набережной они вышли к Невскому. Княгиня попросила проводить ее к дому 35 на Фонтанке. Ольга поняла ее, и перешла с ней через Невский, попутно объяснив, что такое светофор, и как надо им пользоваться, чтобы не попасть под самодвижущиеся кареты, сплошным потоком с ревом мчащиеся по улицам. У своего дома княгиня остановилась, и с изумлением

долго смотрела на него.

— Ольга Валерьевна, — сказала она, — я знаю, что попала в будущее, а вот умом как не могу еще понять, что сегодня утром мы с мужем вышли из этого дома, но вокруг все было совсем по-другому. Удивительно и странно все это...

Они вернулись назад, и пошли по Невскому. Ольга рассказывала княгине о главной улице Северной столицы XXI века, а та, в свою очередь, рассказывала своей новой подруге о Невском проспекте века XIX.

Потом, как это часто бывает, женщины стали беседовать о том, что их больше волнует. Естественно, о семье, о доме. Ольга Степановна была очень удивлена, что ее тезка не замужем.

— Ольга Валерьевна, да как же это так! — воскликнула она, — вы, такая красивая и умная дама, и живете одна?

— Лучше бы я была просто красивой, — с кривой усмешкой сказала Ольга Румянцева, — с умными мужчины любят общаться, а вот женятся они почему-то на красивых. К слову сказать, я все-таки была замужем. Но с мужем мы развелись через два года совместной жизни. Я оказалась для него слишком умной. Разошлись мы мирно, без скандала. Детей, слава Богу, у нас не было...

Княгиня неожиданно разволновалась. — Ольга Валерьевна, да что же вы такое говорите! Да как же можно так о детях-то! Мы с мужем который уже год мечтаем о ребеночке. Но не дает нам Бог сына или дочку. А Володя так любит детей! Он пишет для них сказки, при этом страстно желая, когда-нибудь прочитать написанное им своим крошкам. К тому же муж переживает, что с его смертью мужская линия князей Одоевских прервется. Только, похоже, что мы так и не станем счастливыми родителями. Да и стара я для того, чтобы быть матерью. Ведь мне уже сорок три...

Княгиня тяжело вздохнула. Ольга остановилась, посмотрела на нее, и воскликнула, — Ольга Степановна, да вы еще совсем молодая! Вы выглядите лет на тридцать! Какая же вы старая? Да и в сорок три года у нас многие становятся матерями. Хотя, конечно, лучше рожать лет в тридцать.

Ольга подумала еще немного, а потом воскликнула. — Вспомнила! Дорогая Ольга Степановна, вы слышали о друге Антона и Александра, докторе Кузнецове? Вот, кто наверняка может вам помочь!

Княгиня остановилась, как вкопанная, и удивленно-растерянно посмотрела на свою спутницу. — Ольга Валерьевна, голубушка, неужели нам с Владимиром Федоровичем можно помочь в эдаком-то деле?! Скажите мне правду!

— Ну обещать на все сто процентов нельзя, — ответила Ольга, — но у

вас появится шанс, причем, весьма солидный. Я не буду сейчас рассказывать вам о чудесах нашей медицины, скажу только, что многое из того, на что она способна, вам покажется просто чудом.

— Боже мой, — воскликнула обрадованная княгиня, — милая Ольга Валерьевна, наверное, мне сам Господь вас послал! Когда, когда я могу встретиться с доктором Кузнецовым?! Нельзя ли ему прямо сейчас сообщить по этому, вашему... — княгиня замялась, — сотовому телефону?

— Ольга Степановна, — строго сказала Ольга, — не суетитесь. Мы обязательно свяжемся с доктором Кузнецовым. Но хочу вас сразу предупредить – дело это сложное, требует длительных врачебных исследований, причем, не только вас, но и Владимира Федоровича. Ведь надо определить – из-за чего у вас не может наступить беременность. А ведь, как известно, в этом деле участвуют оба супруга.

Непривычная к таким откровенным разговорам княгиня залилась краской. Но ей очень хотелось услышать у себя дома детские голоса и ощутить счастье материнства. И она кивнула головой, соглашаясь с Ольгой.

Потом на Невском и на прилегающих к нему улицах женщины посетили несколько довольно дорогих магазинов, торгующих косметикой и парфюмерией. У княгини глаза разбегались при виде коробочек, скляночек и прочих душистых вещичек, которые были разложены на прилавках. Они накупили множество пробничков, коробочек с тушью, тенями и пудрой, цилиндриков с губной помадой. Ольга истратила почти все деньги, которые были у нее на карте. Но она не расстраивалась, ведь ей так хотелось, чтобы эта, сегодня утром еще совершенно не знакомая ей женщина, была счастлива.

А княгиня, обрадованная новым впечатлениями и надеждой, которую ей подарила эта удивительная женщина из будущего, смеялась, как девчонка, и в этот момент выглядела еще моложе.

Ольга прихватила с собой фотоаппарат. Она попросила одного юношу снять их у шара-фонтана возле Елисеевского магазина на Малой Садовой, и у памятника фотографу, почесав "на счастье" нос и мизинец бронзовой скульптуре.

Домой они вернулись веселые и счастливые. Но мужчин там еще не было – видно их прогулка была более долгой...

Когда женщины ушли, мужчины тоже стали собираться в дорогу. Антон и Александр решили заняться текущими делами, связанными с будущей командировкой Сергеева в прошлое, а князь, переодевшись, ждал, когда Виктор закончит разговор по мобильнику с сыном, и отправится вместе с ним в прогулку по городу.

Неожиданно у Антона в смартфоне запиликала мелодия из "Раммштайна". Князь вздрогнул. Антон нажал на дисплей, и после нескольких слов, передал трубу князю. Одоевский приложил ее к уху, как это сделал несколько секунд назад Антон, и стал говорить с женой. Впрочем, разговор был недолгим. Похоже, что Ольга Румянцева просто решила продемонстрировать достижения современной науки своей спутнице.

Но князь был удивлен не мобильниками – их он увидел еще во время своего первого посещения Питера, а звуками, которые раздались из смартфона Антона.

— Скажите, Антон Михайлович, — спросил он, — а то, что играло внутри вашего прибора, это что – тоже музыка?

— Гм, — замялся Антон. — Владимир Федорович, видите ли, музыка сейчас разная. Есть похожая на ту, что существует в вашем времени, а есть и такая, которая музыкой называется лишь по недоразумению. Впрочем, о вкусах не спорят. Многие мои знакомые, как ни странно, любят и "Раммштайн".

— Вы мне потом предоставите возможность послушать ее? — спросил князь.

Антон пообещал удовлетворить любопытство Одоевского. Тем временем Виктор закончил свой разговор с сыном.

Князь и Виктор вышли из дома и отправились в сторону станции метро "Чернышевская". По дороге они миновали Литейный и зашли на несколько минут в Спасо-Преображенский собор. Князь помнил его – храм был перестроен после пожара архитектором Стасовым еще в его бытность. Одоевский с грустью посмотрел на ограду собора, сооруженную из стволов более сотни трофейных турецких орудий, захваченной русской армией в качестве трофеев в войну 1828–1829 годов. Потом они с Виктором зашли в храм. Там шла служба, и они, приложившись к иконам Божьей матери и Спаса Нерукотворного, вышли из собора, и пошли дальше. Свернув на Кирочную, они вскоре дошли до проспекта Чернышевского, во времена Одоевского называвшегося Воскресенским проспектом.

Пока они шли, Виктор подробно рассказывал Одоевскому о том, как надо вести себя в метро, и как пользоваться жетонами для прохода через

турникет. Князь внимательно слушал, но зайдя в вестибюль станции, немного оробел. Впрочем, посмотрев, как лихо суют жетоны в щель турникета пассажиры, князь собрался с духом, и прошел через, казалось бы непреодолимое для него препятствие.

А впереди был еще эскалатор. На всякий случай Виктор взял Одоевского под ручку, и помог ему сделать первый шаг на движущуюся вниз лестницу. Дальше было проще. Они сели на подошедший к перрону поезд, услышали предупреждение: "Осторожно, двери закрываются", и электричка умчала их в темноту тоннеля. Но "Пушкинской" они вышли, перешли на "Звенигородскую", и доехали до станции "Спортивной".

Поднявшись наверх, князь и Виктор вышли к Князь-Владимирскому собору. Неспешным шагом они отправились в сторону Петропавловской крепости. Одоевский лишь теперь поделился с Сергеевым своими впечатлениями о путешествии под землей. Он с трудом поверил, что поезд проехал под Невой, и Малой Невкой.

— Виктор Сергеевич, это просто фантастика какая-то! — воскликнул князь, — как удобно с помощью вашего метро путешествовать по городу! Но, у нас, несмотря на все старания государя, такое вряд ли можно построить. А жаль... Я описывал нечто похожее в своем романе "4338-й год", но даже мои фантазии не могли предположить то, что я сегодня увидел.

Мы подошли к ограде зоопарка и увидели красные стены "Русской Бастилии". В это время неожиданно раздался грохот полуденной пушки, а вслед за ним, на колокольне Петропавловского собора пробили часы. Сергеев машинально посмотрел на часы. — Полдень, — сказал он, — все точно...

— Виктор Иванович, — спросил несколько удивленный этим выстрелом Одоевский, — а что сие означает? В наше время пушки стреляли лишь при рождении у государя ребенка, или когда вода поднималась в Неве, и начиналось наводнение.

— Владимир Федорович, — ответил князь Сергеев, — с первых лет существования Петербурга, по личному распоряжению царя Петра Алексеевича, пушка, установленная на Государевом бастионе Петропавловской крепости, подавала сигнал к началу и прекращению работ. Однако в конце XVIII века император Павел I повелел прекратить утреннюю и вечернюю пальбу.

И лишь в 1865 году пушечный выстрел, возвещающий наступление полудня, прозвучал из центрального двора Адмиралтейства, а в 1873 году сигнальные пушки перенесли на Нарышкин бастион Петропавловской

крепости.

— Вот как, — удивился Одоевский, — а я и не знал это. Значит, ваши власти чтят заветы Петра Великого.

Вскоре они увидели величественное здание Кронверка. В нем, собственно, и находился Артиллерийский музей. А, точнее, Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. У Сергея появилась в голове шальная мысль – вытащить из прошлого Николая I, и обязательно сводить его сюда. Государю будет очень интересно пройтись по залам этого музея.

Сергеев и Одоевский у входа в музей увидели огромные 203-мм гаубицы Б-4. Они, словно грозные стражи, стояли у входа, охраняя здание, в котором хранились реликвии ратной славы русского оружия.

А когда они вошли в ворота... Князь просто ахнул от удивления. Его можно было понять – весь огромный двор музея был заставлен пушками, ракетами, самоходными орудиями, системами залпового огня. Был здесь танк Т-80Б и образцы инженерной техники.

Виктор Иванович подошел к "восьмидесятке", и ласково погладил танк по броне. — Вот, Владимир Федорович, у меня были такие машины. Наша 171-я отдельная мотострелковая бригада новогодней ночью вошла в Грозный... — тут Сергеев тяжело вздрогнул, и потер шрам на лбу – память о том страшном Новом годе. — Ладно, давайте, пойдем в музей. Там тоже есть что посмотреть.

Сергеев долго водил князя по залам Артмузея. Одоевский с интересом изучал экспонаты. Особенно долго он стоял стендов, посвященных Крымской войне. Фотографии и портреты многих ее участников были ему знакомы. Князь потрогал стоявшую в зале огромную крепостную бомбическую пушку, и тяжело вздохнул. — Если бы тогда у нас были орудия, подобные тем, которые мы видели во дворе, — сказал он.

— Вот и мы, Владимир Федорович, хотим, чтобы у русской армии и флота было лучшее в мире оружие, — ответил Сергеев, — и не только хотим, но и приложим все силы, чтобы так оно было.

Потом они пошли в залы, посвященные Великой Отечественной войны. Потрясенный Одоевский стоял у витрины, где лежали искореженное оружие защитников Брестской крепости, и на фотографии была запечатлена надпись на стене казармы, где квартировался 132-й отдельный батальон конвойных войск НКВД: "Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина..."

— Боже мой, — шептал князь, — какие герои... Это как спартанцы царя Леонида в Фермопилах. Какое страшное время... Какие люди...

А у стенда, посвященного Блокаде Ленинграда, Одоевский расплакался. Его потрясли фотографии, запечатлевшие трупы на заснеженных улицах города и листочки из блокнота простой девочки Тани Савичевой: "Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.", "Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.", "Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.", "Умерли все", "Осталась одна Таня"...

Потом были залы, в которых рассказывалось о разгроме немцев под Москвой, Сталинградской битве и штурме Берлина. Одоевский, как губка впитывал информацию о далеком и во многом непонятном для него будущем. Он задавал вопросы Сергееву, получал ответы, потом спрашивал еще и еще.

Одоевский и Виктор еще долго потом бродили по двору музея, разглядывая выставленную там боевую технику. Отставной майор со знанием дела рассказывал князю о зенитных ракетах (правда, перед этим ему пришлось прочесть небольшую лекцию об авиации), о системах залпового огня, которые могли смести с лица земли целые полки, и чудовищных размеров ракеты, каждая из которых могла уничтожить город.

От рассказов Сергеева Одоевскому стало не по себе. У него в голове не укладывалось, как можно одним нажатием кнопки (во всяком случае, так ему объяснил Виктор Иванович), убить в течение нескольких секунд тысячи людей. Какой страшный мир у жителей будущего!

Полные впечатлений, беседуя о жизни в прошлом и будущем, они перешли через Неву по Троицкому мосту, и дойдя до Летнего сада, постояли некоторое время на гранитном спуске, любуясь панорамой города.

— А все-таки красиво, — вздохнув, сказал Одоевский, — огромный город и множество чудес в нем. Люди не всегда понятные в словах и поступках. Но что поделаешь — между нами сто семьдесят три года. Думаю, Виктор Иванович, и для вас наш мир будет непонятным и чужим. Но вы хоть знаете о нас, а вот мы о вас ничего не знаем...

Незаметно они подошли к дому Антона. Поднялись по лестнице, Виктор нажал кнопку звонка. Дверь открыла Ольга Румянцева.

— Явились — не запылились, — воскликнула она. — А мы тут сидим, вас ждем. Соскучились уже. Из комнаты в прихожую вышла княгиня. Лицо ее сияло. Она прижалась к мужу, и хотела было что-то шепнуть ему на ухо, но потом, вспомнив видимо, что это будет не совсем прилично для окружающих, потащила его в комнату.

— Чего это она? — спросил Виктор у Ольги.

— Потом тебе все расскажу, — сказала "кузина-белошвейка", — только сначала я попрошу тебя переговорить с Алексеем Кузнецовым. А

дело, собственно, вот в чем...

В гостях хорошо, а дома...

Ольга рассказала Сергееву о своем разговоре с княгиней. Виктор задумчиво почесал лысину, но ничего толкового посоветовать ей так и не смог. Он достал мобильник, и набрал номер Кузнецова. — Алло, Алексей, привет, это Виктор. Если можешь, подъезжай к Антону. Разговор есть. Серьезный.

Потом он хитро посмотрел на Ольгу, подмигнул ей, и сказал. — Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Починить чего – это я запросто. А в таких тонких делах я не помощник.

Минут через пять из комнаты вышла раскрасневшаяся княгиня и взволнованный князь. — Ольга Валерьевна, — обратился он к Румянцевой, — скажите, то, что вы сегодня сказали моей жене – это правда?

Ольга кивнула. — Да, Владимир Федорович, наша медицина может многое. Если все в порядке у вас и у княгини – а я думаю, что это так – то ваши надежды сбудутся. Виктор Иванович уже позвонил доктору Кузнецову, и он должен подъехать с минуты на минуту.

Но раньше Алексея приехали Антон и Александр. Они притащили две битком набитые сумки – "приданое" Виктору на первое время его жизни в прошлом. Друзья распаковали их и стали выкладывать на стол "гостинцы". Тут был и ноутбук с зарядным устройством на солнечных батареях, пара портативных радиостанций, броник, два карабина "Сайга" и несколько пачек патронов к ним, пара газовых баллончиков, нож охотничий, несколько мультитулов, набор инструментов, ну и еще много других полезных вещей. Короче, набор профессионального Робинзона на каждый день и на все случаи жизни.

Виктор перебирал их, внимательно осматривал, некоторые отложил в сторону, буркнув: "Вот это мне без надобности...". Князь с интересом смотрел на все происходящее, изредка интересуясь назначением того или иного предмета.

Вскоре подъехал Алексей. Супружескую чету Одоевских и его отправили в комнату, чтобы они там обсудить вопросы сугубо личные, а Антон, Александр и Виктор принялись укладывать вещи снова в сумки.

Минут через пять Алексей вышел из комнаты и сказал, что ему надо съездить с князем, княгиней и Ольгой Румянцевой (без нее ехать Ольга

Степановна категорически отказывалась) в одну частную клинику, занимающуюся лечением от бесплодия. В ней работает однокашник Алексея по Первому Меду. Вернуться они обещали через несколько часов. Воспользовавшись их отсутствием, друзья решили еще раз уточнить диспозицию.

— Запомни, Иваныч, — сказал Шумилин, — сейчас для тебя главное — не суетиться. Через княгиню выйди на полковника Ланского. Нам нужно место, куда можно было бы без помех перебрасывать грузы с помощью нашего Агрегата. А то мы с этим Летним садом когда-нибудь спалимся. Тебе князь рассказывал о том, как он, возвращаясь от нас, напоролся на самого императора Николая Палыча?

Сергеев утвердительно кивнул головой, и Александр продолжил, — к царю и его наследнику надо подходить исподволь. Помнишь, что писалось в нашем детстве над окнами в общественном транспорте? — Там была табличка — "Не высовываться". Вот и ты не высовывайся. Надо сделать так, чтобы инициатива встречи с тобой исходила от самих фигурантов.

Тут тебе может помочь как сама княгиня, так и ее кузен. Ольга Степановна, как бывшая фрейлина, имеет право на свободное посещение всех балов в Зимнем дворце. Да и во внеурочное время она может побывать там, встретиться с нужными людьми. Ну, а Петр Петрович Левашов помимо того, что он является флигель-адъютантом, один из командиров Конного полка. А это уже выход на царя и цесаревича. К другим пока не лезь.

— Я понимаю, Витя, что у тебя будет руки чесаться, что-либо там сварганить или усовершенствовать, — сказал Антон. — Желание похвальное, поэтому я назову тебе имя человека, с кем тебе было бы интересно пообщаться. Это Мориц Герман фон Якоби, он же, Борис Семенович Якоби. Фамилия сия тебе ничего не говорит?

— Говорит, — ответил Виктор, — это тот, кто изобрел электродвигатель и гальванопластику. Светлая голова. Именно с его подачи электричество из научного курьеза стало употребляться для повседневных нужд.

— И не только это, — сказал Антон, — именно он изобрел первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат, и гальваноударную мину. Благодаря Борису Семеновичу англичане с французами во время Крымской войны так и не сунулись дальше Кронштадта. Несколько их кораблей подорвалось на минах системы Якоби, после чего на союзников напал такой страх, что они больше не рискнули подойти к фортам, чтобы устроить с ними перестрелку.

Человек был умнейший... Когда и я переберусь к вам в прошлое, буду рад с ним познакомиться, и, может быть, подброшу ему парочку идей.

— Иваныч, — сказал Шумилин, ты там прощупай почву насчет налаживания взаимовыгодных контактов с предками. Я тебе подготовил справочку, ты потом побеседуй аккуратненько с князем. А еще лучше, попроси его свести тебя с каким-нибудь коммерсантом, за порядочность которого наш друг тебе поручится. Тогдашние аристократы были людьми на удивление непрактичными.

— Хорошо, — сказал Сергеев, — на месте все увидим и оценим. Сказать честно – и интересно, и немного страшновато. А, впрочем, где наша не пропадала. За Колькой присматривайте. Парень он хоть и толковый, но все же, молодо-зелено, может его без моего пригляда потянет на приключения.

Поговорив еще немного, друзья решили отдохнуть перед дальней дорогой. Антон сходил на кухню и принес оттуда початую бутылку с коньяком, три рюмки и тарелочку с нарезанным кружками лимоном. За разговором время пролетело быстро. В дверь позвонили, и через минуту в квартиру ввалились Алексей, Ольга и чета Одоевских. Судя по их довольным лицам, врачи обнадежили их. Это подтвердил и Алексей, шепнувший на ухо Антону, что случай не из безнадежных, и что, с вероятностью восьмидесяти процентов, медики помогут Одоевским обзавестись потомством. Правда, лечение будет стоить недешево. Но князь сказал, что не пожалеет ничего, чтобы род его, идущий от Рюрика, не прервался на нем.

Женщины тут же ушли в комнату. Предстояла нелегкая задача – одеть княгиню в ее наряды XIX века. На это уходило час, а то и больше. Нужно было одеть корсет, несколько юбок, застегнув при этом больше сотни крючков и пуговиц. Сделать это без помощи горничной (в данном случае ее заменяла Ольга Румянцева, которая, к счастью, разбиралась в тонкостях старинной одежды) было просто невозможно.

Пока женщины одевались, друзья переговорили с Одоевским насчет переправки в прошлое Виктора. Было решено, что сначала туда отправятся князь с княгиней. Они придут домой, княгиня останется, а князь, взяв собой слугу и наняв экипаж, снова вернется в Летний сад. Сергеев уже будет ждать их с вещами в гроте. К тому времени Николай I уже закончит свою прогулку с собачкой, и опасность опять встретиться с ним минует.

Слуга отнесет вещи к экипажу, Виктор и князь сядут в него, и без помех доедут до дома на Фонтанке.

Такой вариант все сочли вполне здравым, и стали готовиться к

переходу. Князь переоделся в свою одежду и помог Виктору надеть на себя то, что подобрала для него Ольга Румянцева. Заодно он дал Сергееву пару советов, как себя вести, как снимать и надевать цилиндр, как держать в руках трость, словом, как не выделяться из окружающих его жителей Петербурга XIX века.

Вскоре из комнаты вышла княгиня и Ольга. Женщины, похоже, совсем сдружились. Они обнялись на прощание, и Ольга Степановна даже всплакнула от избытка чувств, прощаясь со своей новой знакомой из будущего.

Антон включил свою чудо-машину. Процедура перехода из будущего в прошлое была уже привычная. Жужжание, гудение, Светящийся изумрудно-голубоватый круг, в котором видна была полумгла грота. Еще раз попрощавшись, князь и княгиня шагнули в свое время. Гудение стало затихать, и круг снова сузился до яркой изумрудной точки.

— Первый пошел, — пошутил Александр, — второй на старт!

Переход Сергеева должен был состояться через два часа...

Глава 4. "Захват плацдармов"

Здесь вам не там...

Время ожидания пролетело незаметно. За четверть часа до назначенного срока Антон снова включил Агрегат, а Виктор еще раз проверил свои сумки и то, что он приготовил на тот случай, если встреча с прошлым будет не совсем гостеприимной. А именно – баллончик с перцовым газом и травматик "Макарыч". Для того чтобы отбиться от негостеприимных обитателей XIX века этого вполне должно было хватить.

Шумилин выпил с путешественником по рюмочке коньяка "на посошок", и когда в комнате снова появился сияющий круг, отставной майор, перекрестившись, взял в руки сумки, шагнул в прошлое. Последнее, что он услышал, когда дверь (или окно?) в его мир захлопнулась, были напутственные слова Антона: "Вперед, Иваныч, тебя ждут великие дела..."

Не успел Виктор перевести дух, как у входа в грот раздался тревожный голос князя Одоевского, — Виктор Иванович, как вы? С вами все в порядке?

— Все в порядке, Владимир Федорович, — ответил Сергеев, — как говорят, явился – не запылится. А вы с княгиней без приключения добрались?

Коренастая фигура Одоевского появилась в полумраке грота. Вслед за ним, испуганно озираясь, шел высокий парень лет двадцати пяти, одетый в длинный кафтан, шаровары, заправленные в сапоги, и кепку, очень похожую на ту, в которой обычно щеголял Жириновский.

— Виктор Иванович, не беспокойтесь – это Тришка, наш слуга, — сказал Одоевский, — он отнесет домой ваши сумки. Я нанял извозчика, и он ждет нас у ворот сада. Пойдемте. — И дождавшись, когда Тришка, подхватив сумки, выйдет из грота, сделал галантный жест, предлагая Виктору последовать за ним.

На открытом экипаже, запряженном парой лошадей, они поехали по Фонтанке. Проезжая мимо знаменитого здания "у Цепного моста", в котором два года назад обосновался штаб Корпуса жандармов, Одоевский кивком показал на него Сергееву, сказав с кривой усмешкой. — Виктор Иванович, бойтесь "лазоревого гостя" из этой богадельни. Пока вы не обзаведетесь документами, вам лучше от здания сего держаться подальше.

Пока они ехали на извозчике, Виктор, вполуха слушая князя, с изумлением крутил головой, не узнавая свой родной город. Уж очень он был не похож на Петербург начала ХХI века. Аничков мост выглядел непривычно без бронзовых коней барона Клодта, но зато с каменными башенками и цепями. Он был очень похож на Старо-Калинкин мост и мост Ломоносова.

А вот и дом купца Евсевьева на Фонтанке. В нем жил князь Одоевский с супругой. Виктор и князь вылезли из экипажа. — Милости прошу, Виктор Иванович, — сказал князь, приглашая Сергеева войти в парадную, дверь в которую услужливо распахнул швейцар. — Не беспокойтесь, Тришка доставит все ваши вещи в целости и сохранности. Парень он хоть и простоватый, но зато верный.

По мраморным ступеням широкой лестнице они поднялись до квартиры князя. В дверях князя и его гостя встречал лакей, мужичок средних лет с плутоватой рожей, которые чаще всего встречаются у политических деятелей областного и районного масштаба.

В прихожей мужчин встретила сама княгиня Ольга Степановна. Она радушно поприветствовала Виктора, хотя рассталась с ним всего несколько часов назад. Но видно воспоминания о пребывании в будущем доставили ей такую радость, что она не смогла сдержать свои эмоции.

Вскоре появился и запыхавшийся Тришка с сумками. Князь лично проводил своего гостя из будущего в отведенную ему комнату, и предложил ему располагаться там, и чувствовать себя как дома.

Минут через двадцать пришла горничная и пригласила его в столовую. Князь и княгиня уже сидели за столом, ожидая его прихода. На первое у Одоевских подали уху из осетра (как ни странно, но в то время полутораметровую рыбку запросто можно было поймать в Неве, экология однако). На второе был ростбиф с картофелем – сей продукт тогда не был так широко распространен в России, как в наше время, и считался своего рода "барским лакомством", а также румяные пироги и кулебяку на "заедку". Запивалось все это клюквенным морсом.

За обедом княгиня сказала Виктору, что она послала человека к своему кузену с запиской, в которой просила полковника Ланского зайти к ней в самое ближайшее время. И он уже прислал ей ответ, обещав быть у них сегодня вечером. Сергеев был рад, что в первый же день пребывания в прошлом он приступит к выполнению намеченного им плана действий.

После обеда мужчины вышли из столовой, и Виктор решил переговорить с князем относительно дальнейших действий. В ответ Одоевский предложил ему прогуляться по Невскому. Надо было привыкать

к неторопливой и размеренной жизни в XIX веке.

Нет слов, чтобы описать Невский. Наверное, лучше всего это сделал Николай Васильевич Гоголь. Поэтому, мы просто процитируем классика:

"Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блесит эта улица — красавица нашей столицы!.. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург...

Всемогущий Невский проспект!.. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопсах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих...

В двенадцать часов на Невский проспект делают набегу гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках... Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами... К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, мамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках.

Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболев или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, — пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владельцев, ослепят хоть кого на Невском

проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужского пола.

Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства.

А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений.

В это благословенное время от двух до трех часов пополудни, которое может назваться движущею столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим добром, другой – греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление.

Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редет... В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и

надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих.

С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чудак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою... больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых, в теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста..."

Да, лучше Гоголя не опишешь Невский проспект!

Прогулявшись по Невскому и по прилегающим к нему улицам, князь и Одоевский вернулись домой. И буквально через десять минут после них приехал кузен княгини, полковник Петр Петрович Ланской, Высокий, стройный, с черными подкрученными усами и выразительными карими глазами, он был затянут в белый кавалергардский мундир, и выглядел настоящим красавцем. Не мудрено, что его полюбила вдова Александра Сергеевича Пушкина Наталья Гончарова.

Ланской тепло поприветствовал свою кузину, пожал руку князю, и с любопытством посмотрел на гостя из будущего. В свою очередь, Виктор внимательно рассматривал блестящего кавалергарда. Возникла некоторая неловкость, и князь поспешил представить их друг другу. — Пьер, хочу познакомить тебя с моим новым другом, Виктором Ивановичем Сергеевым. Он, так же как и ты, военный. Виктор Иванович воевал на Кавказе, был там ранен, и после излечения вышел в отставку в чине майора

— Виктор Иванович, — продолжил Одоевский, — а это полковник

Петр Петрович Ланской, кузен моей супруги. Полковник служит в Кавалергладском полку. Думаю, что он скоро получит генеральский чин.

Сергеев вспомнил, что генералом Ланской станет лишь в октябре 1843 года, а еще через шесть месяцев станет командиром лейб-гвардии Конного полка.

Виктор и Ланской пожали друг другу руки.

Потом полковник спросил у княгини. — Ольга, дорогая, ты в своей записке попросила меня срочно зайти к тебе. Я бы хотел знать, что случилось, и почему ты так спешно захотела меня видеть?

Княгиня немного замялась, но заметив одобрителный кивок Сергеева, решилась. — Видишь ли Пьер, — сказала она, — недавно мы с мужем побывали в будущем...

Ланской с удивлением и некоторой жалостью посмотрел на кузину. — Ольга, да ты в полном здравии? Может быть, тебе стоит вызвать врача?

— Нет, Пьер, — вступил в разговор князь, — ты ошибаешься, если думаешь, что у княгини произошло помутнение рассудка. Мы и в самом деле побывали в будущем. Точнее, в 2013 году от Рождества Христова. И тому есть доказательства.

Пока полковник с изумлением смотрел то на кузину, то на князя, Одоевский достал из ящика своего секретера плотный конверт, и разложил на столе десятка два фотографий, сделанных во время пребывания княжеской четы в Петербурге XXI века.

— Боже мой, что это? — бормотал Ланской, перебирая фото, — где и как сделаны эти рисунки? Ольга, это ты? — спросил он, показывая пальцем на снимок. На нем смеющаяся княгиня в легком платье и смешной панамке позировала у памятника питерскому фотографу на Малой Садовой.

— Владимир, а это ты? И что это за орудие? — спросил Ланской, выудив из лежавших на столе фотографий одну, на которой князь стоял у входа в Артиллерийский музей рядом с 203-мм гаубицей Б-4.

— Пьер, это не рисунки, а фотографии – ты, наверное, слышал о таком изобретении, как дагерротип? В прошлом году о нем писали в газетах. Так вот, в будущем это изобретение усовершенствовали, и теперь с помощью специального прибора, именуемого фотоаппаратом, можно легко и просто сделать сколько угодно фотографий.

А пушка эта стоит у входа в Кронверк. Посмотри, тебе должно быть хорошо знакомо это место?

Ланской сидел на стуле, тупо перебирая разложенные на столе фотографии. Он верил, и в то же время не верил в то, что говорила ему

двоюродная сестра и ее муж. Наконец в голове у него что-то сложилось в понятную для него картину, и он спросил у князя. — Владимир, а как вы с кузиной попали в будущее?

— Однажды за нами пришли, — кратко ответил Одоевский, — оказывается, что там о нас знают и помнят. Дети в будущем до сих пор читают мои сказки. Да и о тебе, Пьер, там не забыли.

Ланской видимо уже о чем-то догадался. Он резко повернулся к Сергееву, и спросил у него. — Господин Сергеев, Виктор Иванович, скажите, вы из будущего?

— Именно так, Петр Петрович, — с улыбкой ответил Сергеев, — вот, прибыл к вам по любезному приглашению Владимира Федоровича и Ольги Степановны посмотреть на то, как жили наши предки. Если будет необходимо, то, возможно, я останусь у вас надолго.

— Боже мой, — воскликнул изумленный Ланской, — у меня в голове не укладывается... Гости из XXI века, путешествие во времени, эти огромные пушки, эти одежды... Господа, может быть, я просто сошел с ума?

— Нет, Петр Петрович, — вздохнул Сергеев, — с головой у вас все в порядке. Просто за почти две сотни лет наука так далеко шагнула вперед, что вы себе даже представить это не можете. Помните, как написано у Шекспира: "Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам..."

— Это невероятно, — продолжал удивляться Ланской, — но знаете, господа, почему-то я вам верю... Скажите, Виктор Сергеевич, а я могу побывать в вашем будущем?

— Конечно можете, Петр Петрович, — развел руками Сергеев, — но сперва нам понадобится ваша помощь... И вот чем вы можете нам помочь...

Praemonitus praemunitus (Кто предупрежден, тот вооружен)

Услышав слова Сергеева, Ланской насторожился.

— Виктор Иванович, — сказал он, я готов вам помочь во всех ваших начинаниях, но только при одном условии. А именно, если все, что вы будете делать в нашем мире, и при моей помощи, не пойдет во вред государю и России.

— Вы можете не сомневаться в чистоте наших замыслов, — успокоил Сергеев Ланского, — мы, скорее, наоборот, приложим все наши силы для

того, чтобы спасти государя, его семейство, а также народ наш и Матушку Россию от всевозможных напастей. К тому же иной раз помощь может выглядеть, как дружеский совет. Скажем, к примеру, я могу рассказать вам о той, которая станет вам верной и любящей супругой. И вы будете счастливы с ней всю вашу оставшуюся жизнь, пока, как говорят арабы, "пока не придет к вам Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний..."

Ланской с любопытством посмотрел на Виктора. — Вы имеете в виду?.. — осторожно спросил он.

— Нет, Петр Петрович, не Идалию Григорьевну Полетика, — спокойно ответил Сергеев. Ланской вздрогнул от неожиданности. Оказывается, гость из будущего неплохо знал об его сердечных делах.

— Идалия Григорьевна скоро расстанется с вами, — продолжал Виктор, — она не любит вас. По натуре своей особо циничная и бесчувственная, она ради забавы и пустого тщеславия играет вашим сердцем, как котенок заячьим хвостиком.

Вашей спутницей жизни станет совсем другая женщина. Она вдова, уж ее трагически погиб три года назад. Его убил на дуэли ваш сослуживец по полку...

— Вы говорите о вдове Пушкина! — воскликнул пораженный Ланской, — я женюсь на ней?!

— Да, в нашей истории именно так все и произошло, — сказал Сергеев, — в 1843 году вы женились на Наталье Николаевне Пушкиной, в девичестве Гончаровой. И вы прожили с ней долгую жизнь – Наталья Ланская умерла, когда вам исполнилось 64 года. От брака с ней у вас будут три дочери. Да и дети Александра Сергеевича Пушкина будут относиться к вам, как к родному отцу.

В вашем доме будут жить внуки, племянники ваших братьев, словом, детские голоса в нем будут звучать до конца ваших дней.

— Боже мой... Вот, оказывается, как оно все было, точнее будет... — прошептал потрясенный Ланской, — спасибо вам, Виктор Иванович, я благодарен вам за то, что вы подсказали мне – где искать мое счастье... Да, действительно, вы правы, иногда просто словом можно изменить судьбу человека...

Я теперь ваш должник, и готов сделать для вас, все, что вы не попросите.

— А попрошу у вас я немного, Петр Петрович, — сказал Сергеев, — мы бы хотели взять в аренду участок земли, где-то 2–3 десятины, на принадлежащей вашему семейству территории у Черной речки. Мы хотим

поставить там что-то вроде сарая или амбара, и разместить в нем свою машину, с помощью которой мы попадаем из будущего в прошлое, и, наоборот...

— Я согласен, — почти не раздумывая, ответил Ланской, — только здесь есть одна сложность — этот участок находится в моем совместном владении с братом Павлом. Но, я думаю, что мы с ним договоримся, и он не будет возражать против вашего там присутствия.

— Вот и отлично, — сказал Сергеев, — тогда нам больше не придется с такими неудобствами и предосторожностями пробираться в ваш мир через Летний сад.

— Кстати, Владимир Федорович, — обратился Виктор к Одоевскому, который вместе с княгиней внимательно слушал его разговор с Ланским, — вы не будете против, если я установлю в вашей квартире "маячок".

Заметив недоумение на лице княжеской четы, Виктор пояснил, — "маячок" — это такое устройство, с помощью которого можно переориентировать место перехода из прошлого в будущее с Летнего сада в вашу квартиру. И попадать в Петербург XXI века теперь можно будет прямо из этой комнаты.

Это все Антон постарался, изобрел новое устройство.

— А это не будет опасно для нас? — осторожно поинтересовалась княгиня.

— Ничуть, — ответил Сергеев, — ведь вы видели, что временной портал открывался в квартире Антона, и при этом даже рюмка в его серванте не звякнула. Да и не стал бы Антон рисковать вашими здоровьем и жизнью.

— Ну тогда, ради Бога, устанавливайте свой, как вы говорите, "маячок", — сказал Одоевский. — Кстати, можно на него посмотреть?

Сергеев принес из соседней комнаты одну из своих сумок, вжикнул молнией — тут на лице у Ланского появилось изумление, таких застеежек ему еще видеть не приходилось. Из недр сумки Виктор извлек небольшую пластиковую коробочку с антенной и лампочкой-индикатором.

— По графику очередной сеанс связи с будущим у нас должен быть завтра в полдень, — сказал Сергеев. — Вот мы тогда и опробуем "маячок".

— Да, Петр Петрович, — обратился он к Ланскому, — если вы найдете время, то приходите, вы своими глазами увидите, как работает наша машина времени...

— Пренебреженно приду, — ответил заинтригованный полковник, — знаете ли, такое зрелище я вчера еще представить себе не мог.

— Виктор Иванович, — вы ведь, как сообщил мне князь, бывший

военный. Не могли бы вы мне рассказать о вашей армии? Какая она сейчас у вас?

Сергеев достал из своей, казалось, бездонной сумки, ноутбук. Одоевские, уже были знакомы с этим устройством своих потомков, и потому особого удивления при виде его не проявили. А вот Ланской наблюдал за манипуляциями Виктора с изумлением, как ребенок, за руками фокусника, извлекающего из своего цилиндра кроликов, ленты и зажженные лампы.

Когда включенный ноутбук начал загружаться, и на заставке появилось изображение танка Т-90, полковник вздрогнул.

— Виктор Иванович, скажите, это боевая машина из будущего? — спросил он у Сергеева. — Как она движется, и где люди, управляющие этой машиной?

— Петр Петрович, это танк, — ответил Виктор, орудуя "мышкой", и пытаясь открыть одну из папок, в которой хранились фотографии современной боевой техники. — Такие боевые машины появились на полях сражений в начале XX века. Они бронированы, выдерживают попадания снарядов, сами стреляют из пушек и движутся с помощью мотора, работающего на горючем, изготовленном из нефти. В Великой войне с Германией, которая случилась еще до моего рождения, подобные машины сотнями сражались друг против друга, уничтожая себе подобных.

Виктор щелкнул "мышкой", и на экране появился отрывок из киноэпопеи "Освобождение", рассказывающий о танковом сражении на Курской дуге. Танки, русские и немецкие сошлись в лоб друг с другом. Боевые машины вспыхивали, взрывались, горящие танкисты выскакивали из них и дрались среди огня и дыма. Волею режиссера день стал кроваво-красным, казалось, что горит земля и небо...

Потрясенные князь, княгиня и Ланской смотрели на монитор ноутбука. Когда отрывок из "Освобождения" закончился, первым пришел в себя Одоевский.

— Виктор Иванович, — сказал он хриплым голосом, — это так и было в жизни? Я ведь знаю, что в подобных, как вы говорите, фильмах, участвуют актеры.

— Владимир Федорович, — ответил Сергеев, — в жизни было еще страшнее. Мне не довелось участвовать в той войне, потому, что меня тогда еще на свете не было, но повоевать мне все же довелось. И в Афгане, где я получил первую контузию и дырку в правую ногу, и в Чечне, о которой у меня память вот здесь, — Сергеев показал на шрам на лбу, — и еще два осколка в ногу, на этот раз, в левую. Но все равно, скажу честно, с той

Великой войной мои войны не могут сравниться.

— А чем вы командовали, Виктор Иванович, — спросил Ланской, — вы ведь были майором.

— Ну командовал я теми, кто ремонтировал и чинил вот эти самые танки. Моя должность называлась заместитель командира батальона по технической части. Но, поверьте мне, Петр Петрович, доставалось нам всем, и тем, кто вел танки в бой, и тем, кто чинил их, часто под огнем врага.

— А какие у вас награды? — профессионально поинтересовался полковник.

— За Афганистан я получил орден Красной звезды, — ответил Сергеев, — это что-то вроде вашего ордена Святой Анны четвертой степени. Не знаю, равноценно ли подобное сравнение. А за Чечню меня наградили "Орденом Мужества". Возможно, что он может быть приравнен к ордену Святого Великомученика Георгия четвертой степени. Честно говоря, я не могу твердо сказать — сравнимы ли эти два ордена, но в ту новогоднюю ночь из нашего танкового батальона уцелели немногие.

— Да, Виктор Иванович, досталось вам, — сочувственно сказал Ланской. — Только у нас нет такой техники, как ваши танки. У нас кавалерия, тяжелая и легкая, пехота, артиллерия. Кстати, кавалерия у вас есть?

— В общем, нет, — ответил Сергеев, — если не считать парадный Президентский полк, да на пограничных заставах в горах конные патрули для обхода границ. Век конницы закончился, хотя в Великую войну она еще успела себя показать.

— Петр Петрович, — сказал Виктор, — сейчас, при императоре Николае Павловиче Российская империя находится в зените своего могущества и еще не забыта громкая слава Отечественной Войны. Но через четырнадцать лет ей придется столкнуться с объединенными силами Британии, Франции и Турции. Тогда они осадили Севастополь, и вся огромная русская армия не смогла отразить десант противника. Слава побед, сменилась позором поражения. Нет, русские солдаты и офицеры ничем не опозорили своего честного имени, но они не смогли отразить врага, нанести ему поражение и закончить войну взятием вражеской столицы. Следующего такого успеха пришлось ждать девяносто лет. А это главное. Причин такого неуспеха много, они разные, и о них стоит поговорить отдельно.

Мой предок Харитон Осипович Сергеев сражался на бастионах осажденного Севастополя, был там ранен, выжил, заслужил два солдатских

Георгия за храбрость. От него и пошла наша династия, в которой все мужчины служат в армии. И я хочу помочь своему предку, и, вместо позорного Парижского мира, навязанного России союзниками, добиться полной победы над ними. Я полагаю, Петр Петрович, что в этом моем желании нет никакой угрозы трону и империи? Мы хотим предупредить государя о грозящей России опасности. Ведь, как говорили древние: "Praemonitus graemunitus", или по-русски: "Кто предупрежден, тот вооружен".

— Конечно, нет, Виктор Иванович, никакой угрозы я не вижу, — ответил полковник Ланской, — и я лишний раз убедился, что цели вашего пребывания в нашем мире благородные, а, следовательно, помогать вам — это мой долг перед Государем и Отечеством...

И вечный бой! Покой нам только снится...

Когда Сергеев и Ланской оговорили главное, разговор перешел на частности. Виктор постарался подходчивей разъяснить полковнику планы людей из будущего.

— Петр Петрович, мы прекрасно понимаем, что без содействия государя и некоторых высших чинов Империи, у нас вряд ли что получится. Вы ведь прекрасно знаете характер царя. Он с трудом воспринимает чьи-либо советы, особенно, если они идут вразрез с его мнением. Кажется, что в правительстве только министр финансов граф Канкрин имеет смелость возражать государю. И тот терпит его исключительно из-за того, что Егор Францевич сумел навести порядок в российских финансах, и разумность его мыслей и распоряжений доказана делом.

А вот советов в отношении того, что касается армии, и всего, что с ней связано, как мне кажется, государь не потерпит. Так как же нам быть?

— Гм, Виктор Иванович, — задумчиво сказал Ланской, — а вы правы — действительно, придти к государю и заявить, что, дескать, все, что делается в России с армией — неправильно, а надо делать вот так, — закончится, скорее всего, гневом государя и неприятностями для того, кто посмеет это заявить. Тут надо придумать что-то другое.

— Мы полагаем, что надо здесь для начала показать, что называется, товар лицом, — сказал Сергеев, — было бы неплохо уговорить государя лично посмотреть на все то, о чем мы собирались ему сказать. Он может не верить чужим словам, но своим глазам он поверить должен. Следовательно,

надо убедить его отправиться в будущее. Ну а там, в зависимости от того, как пойдут дела, он может принять правильное решение. Или откажется от нашей помощи. В таком случае, как говорится, насильно мил не будешь. Но, мне почему-то кажется, что государь примет единственно верное решение.

— Петр Петрович, — продолжил Сергеев, — я не буду вас предупреждать, что нельзя никому рассказывать ни о нашем происхождении, ни о самом факте нашего нахождения в вашем времени. Вы человек умный, и поймете сами, что сама возможность получить знания о будущем заинтересует многих сильных мира сего. И не все они настроены дружелюбно в отношении России. Они попытаются воспользоваться нашими знаниями и теми приборами и машинами, которые мы доставим в ваше время.

— Я все понимаю, Виктор Иванович, — задумчиво сказал Ланской, — и сейчас ломаю голову над тем, как приватно сообщить государю о вас, да так, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала. Вы ведь знаете, что в Зимнем дворце его обитатели постоянно интригуют друг против друга, и в покоях государя часто бывает невозможно укрыться от чужих ушей и глаз.

Но, с другой стороны, как флигель-адъютант царя, я могу иногда оставаться с ним наедине, и сообщить ему нечто, что заставит его задуматься о будущем. И потом, возможно, я напрямую сведу вас с Государем.

Ланской задумался, а потом сказал. — Мне кажется, что лучше всего это сделать на очередном летнем "бале с мужиками", который государь ежегодно проводит в Александрии в честь дня рождения своей супруги. Дворцовая охрана в этот день настежь открывает ворота парка, запуская туда всех желающих. Вы можете попасть туда без приглашения. Конечно, уединиться с Государем человеку, не представленному ему, вряд ли удастся. Но тут уже моя забота, сделать так, чтобы представить ему вас, Виктор Иванович.

— Хорошо, — сказал Виктор, — но до этого бала еще есть время, и мы не должны тратить его впустую. Об аренде участка принадлежащей вас земли мы уже переговорили.

Неплохо было бы узнать, кому принадлежит земля на берегу Невы неподалеку от Шлиссельбурга. Нас заинтересовало одно место, которое, если появилась бы такая возможность, мы бы приобрели или арендовали. Вот посмотрите, — и Сергеев протянул Ланскому распечатанный на цветном принтере карту окрестностей Шлиссельбурга, на котором крестиком было обозначено место, именуемое Красные Сосны.

— Хорошо, я попытаюсь узнать то, что вы просите, — сказал Ланской, с любопытством рассматривая карту. — Вроде места знакомые — доводилось бывать в тех краях, а, с другой стороны, совсем все по-другому. Кировск — это что, новый город?

— В общем, да, — ответил Сергеев, — но об истории этих мест нам с вами лучше поговорить попозже.

Еще одна просьба, Петр Петрович. Не могли бы познакомить меня с адъюнктом Императорской Академии Наук Борисом Семеновичем Якоби и генерал-адъютантом Карлом Андреевичем Шильдером. Эти люди работали над изобретениями, которые могли совершенно изменить характер и методы ведения войн, как на земле, так и на море.

— С генерал-адъютантом Шильдером я знаком, — ответил Ланской, — он отличился во время войны с турками в 1829 году, при осаде Силистрии. А при подавлении Польского мятежа в 1831 году он был тяжело ранен пулей в ногу под Остроленками.

А вот про адъюнкта Якоби я слышал лишь только то, что он изобрел двигатель, который вращался, используя силу некоего электричества. И даже установил этот двигатель на лодку, которая с его помощью плыла, как по течению, так и против него.

— Да, это те самые господа, которые меня интересуют, — сказал Сергеев, — я мог бы подсказать им несколько идей, используя которые, русская армия и флот получили новые образцы вооружения.

— С генерал-адъютантом Шильдером я вас, пожалуй, познакомлю, — задумчиво сказал Ланской, а вот с адъюнктом Якоби...

— Ну в знакомстве с Борисом Семеновичем Якоби я мог бы вам посодействовать, Виктор Иванович, — вмешался в разговор князь Одоевский, — я его неплохо знаю, и некоторые его идеи использовал во время написания моего романа "4338-й год".

— Вот и отлично, — обрадовался Сергеев, — буду вам очень благодарен.

— Виктор Иванович, — поинтересовался Ланской, — а что они такого изобрели?

— Собственно говоря, — ответил Сергеев, — изобрели они многое, но, к сожалению, из-за невнимания военного министерства к их идеям, довести свои изобретения до воплощения в жизнь, им не удалось.

К примеру, генерал Шильдер не только изобрел, но и построил подводную лодку, которая двигалась силою сидящих внутри ее гребцов. В наше время подводные лодки с двигателями, способными годами работать без заправки, несут самое страшное в мире оружие. Одной выпущенной им

ракеты с расстояния нескольких тысяч верст достаточно, чтобы превратить в пепелище такой огромный город, как Лондон. А таких ракет только один такой корабль несет больше десятка. Например, подводная лодка, носящая название "Архангельск", длиною в 250 аршин, несет двадцать таких ракет, и одним залпом может стереть с лица земли половину Европы.

— Боже мой, да что вы говорите, — воскликнул Ланской, — какое страшное оружие! И это изобретение добрейшего Карла Андреевича?

— Можно сказать, что да, — ответил Сергеев, — ведь для своей подводной лодки генерал Шильдер придумал и ракетное оружие. Правда, до нашего ему далеко. Но оно было, и Шильдер двадцать девятого августа 1834 года на Неве в сорока верстах выше Санкт-Петербурга испытал его. При сем присутствовал государь. С подводной лодки под командованием самого Шильдера были выпущены четырехдюймовые зажигательные ракеты, уничтожившие несколько реальных целей — парусных шаланд, стоявших на якорях.

А теперь представьте, что несколько кораблей, вооруженных такими зажигательными ракетами оказались бы в Крыму во время высадки там англо-французского десанта... Да они пожгли бы там больше половины объединенного флота. А если учесть, что большинство союзных линейных кораблей было забито десантниками... Теперь вы понимаете, почему мне надо повидаться с генералом Шильдером?

— Да, теперь понимаю, — ответил Ланской. — А что еще изобрел Карл Андреевич?

— Мины, — ответил Сергеев, — морские мины. Правда, он работал над их изобретением совместно с Борисом Семеновичем Якоби. С помощью этих мин в Крымскую войну был фактически выведен из борьбы франко-британский флот на Балтике. Правда, не имея опыта использования подобного оружия, изготовители мин пожадничали, и оснастили их слишком малым пороховым зарядом. Два английских корабля, подорвавшиеся на минах с гальваноударными взрывателями системы Якоби, отделались лишь повреждениями. Мы постараемся подсказать Борису Семеновичу, чтобы пороха в минах не жалели, и британские корабли после подрыва на них пошли бы на дно.

— А что, в эту, как вы сказали, Крымскую войну, вражеский флот подошел к самому Кронштадту? — поинтересовался Ланской.

— Да, Петр Петрович, — ответил Сергеев, — и у жителей Петербурга было в то время своего рода развлечение, — выезжать в Ораниенбаум или Лисий нос, и оттуда в подзорные трубы рассматривать англо-французскую эскадру.

Повоевали союзники и на Севере, где обстреляли Соловки и сожгли Колу. А на Тихом океане высаженный у Петропавловска вражеский десант был сброшен в море.

— Даже так, — тихо сказал Ланской, — бедная Россия, сколько напастей ее ожидает... Виктор Иванович, вы составьте, пожалуйста, записку о том, что нам ждать в самое ближайшее время. Я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы у нас не случилось то, что было в вашей истории.

С вашего позволения, я откланяюсь. Сегодня я слишком много узнал такого, о чем и не мог предполагать. Мне надо одному во всем хорошенько разобраться. Завтра в полдень, как мы и уговаривались, я буду у вас. Хочу увидеть собственными глазами, как вы путешествуете во времени. Честь имею!

Тыловое обеспечение

Права народная пословица: уезжающий увозит четверть печали, оставляя три четверти провожающим. Примерно в такой же пропорции происходит и с заботами. Проводив в прошлое Виктора Сергеева, его друзья стали прикидывать – что им надо сделать, чтобы следующая вылазка в век XIX прошла с наибольшим КПД.

Первым делом было решено дать поручение Антону заняться совершенствованием машины времени. Он решил создать два новых Агрегата – один мощный, с помощью которого можно будет перебрасывать в прошлое крупногабаритные грузы, и который будет установлен в одном из просторных гаражей на станции техобслуживания, принадлежавшей Сергееву. Оставшийся там за старшего племянш Виктора, получил накануне команду от дяди очистить этот гараж от разного хлама, и подвести к нему силовой кабель.

Второй Агрегат, мощностью поменьше, было решено сделать в возимом варианте. У Сергеева был старенький фургончик на шасси УАЗ-451. Антон собирался установить в нем пульт управления, генератор, и саму аппаратуру. Он планировал отправиться на этом фургончике в Кировск, и попытаться запустить Агрегат у Красных Сосен. Если его предположения окажутся верными, то даже незначительная мощность Агрегата позволит открыть портал, и отправить в прошлое, скажем, грузовик с грузами для Сергеева. Правда, это будет можно сделать лишь после того, как Виктор сумеет с помощью князя Одоевского утрясти вопрос

с владельцем этой земли. Что делать – священное право частной собственности. Тамошний помещик, конечно, не олигарх какой-нибудь из Куршавеля, но от этого он не перестает быть менее чванливым и пакостным.

Алексей Кузнецов тоже не терял времени зря. Он тщательно изучил истории болезни, как самого императора Николая Павловича, так и его семьи. Например, ему стало известно, что у любимой дочери царя Александры Михайловны в 1844 году обнаружат туберкулез, от которого она умрет в возрасте девятнадцати лет. Смерть ее настолько потрясет Николая, что он будет рыдать, как ребенок. Если вовремя вмешаться, то Великую княгиню можно вылечить без особого труда. Тамошние "палочки Коха" еще не знакомы с антибиотиками, да и пока есть возможность остановить процесс в легких в самом его начале.

И вообще, туберкулез, который в XXI время называют "болезнью бедных", в веке XIX-м находил свои жертвы с равным успехом, как в хижинах простолюдинов, так и во дворцах венценосных особ. Алексей прикидывал, как бы протащить в прошлое флюорографический аппарат, или, что более сложно, практически невозможно, провести диспансеризацию в одной из питерских поликлиник всего семейства Романовых.

Алексей на минутку представит себе такое зрелище: вереницу Великих князей и княжон, первых – в мундирах с эполетами, вторых – затянутых в корсеты и в платьях с фижмами, среди старушек с номерками, и даже прыснул от смеха. Нет, идея с флюорографическим аппаратом все же менее фантастична.

Шумилин с головой ушел в архивы, изучая хитросплетения политики того времени, и, так сказать, "действующих лиц и исполнителей". Его заинтересовала личность российского суперагента графа Ивана Иосифовича де Витта. К сожалению, сам граф в июне 1840 года умрет от рака в своем имении в Крыму. Но, осталась его агентура, которая блестяще работала в Европе и Азии.

Разузнал Александр и о главе Третьего Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии графе Александре Христофоровиче Бенкендорфе. Лихой рубака, герой войны 1812 года, "альтер эго" государя, он возглавлял тогдашнее ЧК, но лютостью не отличался. На 1840 год количество служащих в III-м отделении достигло 28 человек, и это на всю огромную Россию, считая секретарей и письмоводителей!

А вот ставшего год назад фактическим главой и III-го отделения, и Корпуса жандармов генерал-майора Леонтия Васильевича Дубельта

опасаться следовало. Человеком он был умным, проницательным, но жестоким и расчетливым. Политический сыск он поставил на должную высоту, да и сил у него поболее. К тому же сам Леонтий Васильевич в юности путался с масонами, принимал участие в деятельности общества "Соединенных славян", был лично знаком с декабристами Волконским и Орловым.

Но, как говорится, нет худших чертей, чем падшие ангелы. Попад в тайный сыск по протекции Бенкендорфа, Дубельт принялся рьяно преследовать своих бывших "братьев" из масонских лож и вольнодумцев из тайных обществ, из тех, кто не угодил на каторгу или в ссылку по делу "14 декабря".

Ну а Ольга Румянцева после расставания с княгиней Одоевской находилась в расстроенных чувствах. Она вдруг поняла, что после всего произошедшего она не сможет жить так же, как жила до этого. Натура романтическая, и в то же время, как ни странно, практичная, она всю жизнь мечтала побывать во временах, в которых жили ее любимые герои произведений Пушкина, Гоголя и Лермонтова. И вот сбылась ее мечта – она познакомилась с человеком, которая носила реальный, а не выдуманный титул, как многие из тех, кто заказывал у нее платья в стиле "ретро". Этих доморощенных "баронов", "графов" и "князей", она называла "месье Журденами" – по имени героя бессмертной комедии Мольера.

А вот Ольга Степановна Одоевская была самой, что ни на есть настоящей княгиней. Она лично была знакома с Лермонтовым, Крыловым и Гоголем. Кузен княгини вскоре станет мужем Натальи Николаевны Пушкиной. От этого голова пошла кругом...

И Ольга решила пойти к Антону, и потребовать, чтобы тот отправил ее в прошлое насовсем. Чем заняться, она там найдет. Без денег она сидеть не будет – княгиня во время прогулки по Питеру рассказала ей о том, сколько у них зарабатывают модистки, имеющие клиентуру из высшего света. Ольга прикинула – столько в те годы не получали в виде жалования даже некоторые генералы. Ну а подходящую клиентуру княгиня ей обещала найти.

И какие перспективы – знакомства с живыми классиками и их женами, возможность лицезреть царствующие особы. Словом, к вечеру Ольга приняла окончательное решение, и завтра, во время очередного открытия временного канала, она надумала объявить об этом Антону Воронину. А там, будь что будет!

На следующий день, ближе к полудню, в квартире Антона присутствовали практически все, кто знал об его изобретении. Шумилин

подобрал досье для Сергеева о раскладе сил в петербургском обществе XIX века. Алексей приготовил объемистую аптечку с лекарствами на все случаи жизни. Николай пришел проводить отца, и сообщить ему самые последние новости. Запыхавшаяся Ольга Румянцева прибежала уже тогда, когда Антон сел за пульт управления Агрегатом, и начал подготовку к открытию портала.

Но на этот раз процесс несколько затянулся, потому, что Антон сначала искал сигнал от "маячка", который он передал Сергееву. Портал должен был открыться не в Летнем саду, а прямо в квартире князя Одоевского.

От волнения у Антона дрожали руки. Но все, как ни странно, прошло на ура. Жужжание, гул, ярко-зеленая точка, потом, мерцающий овал, в глубине которого рядом с уже знакомыми лицами четы Одоевских и Сергеева, стоял, окаменев от изумления, словно, библейский Соляной столб, незнакомый военный в белоснежном мундире кавалергарда.

— Вот, друзья мои, позвольте вам представить, полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка Петр Петрович Ланской. Кузен княгини Ольги Степановны, и флигель-адъютант, — голосом церемониймейстера объявил Сергеев. — Полковник уже знает о нашем существовании, и решил своими глазами увидеть, как люди попадают из мира будущего в мир прошлого.

— Здравствуйте, господа, — поприветствовал князь Одоевский своих старых знакомых. — Вы даже не можете себе представить – насколько я рад вас видеть!

А княгиня, увидев среди мужчин Ольгу, приветственно помахала ей ладошкой.

— Владимир Федорович, — сказал Антон, — мы хотим отправить на день-другой в ваш мир Ольгу Валерьевну. А вы, в свою очередь, можете побыть у нас. Впрочем, если у вас нет для этого времени...

— Господа, а может быть, вы позволите посмотреть на ваш мир? — неожиданно спросил у друзей полковник Ланской. — Обещаю, что я буду во всем слушать вас. — А потом, уже не так официально, почти просящее сказал. — После того, что рассказал о будущем князь и Виктор Иванович, меня просто сжигает любопытство...

— Петр Петрович, — ответил ему Шумилин, — мы рады тому, что нашим гостем станет такой замечательный человек, как вы. Милости прошу вас, полковник, сделайте шаг в будущее... Оно ждет вас!

В общем, произошел обмен послами – в прошлое отправилась Ольга Румянцева, а в будущее – Петр Ланской. Каждый из путешественников во времени с интересом, и не без некоторого опасения оказался в незнакомом для него мире. И если Ольга уже успела познакомиться с князем и княгиней, то для полковника кавалергардов все было в новинку.

Шумилин передал Сергееву папку с документами, а Алексей сумку с лекарствами. Потом Николай, подойдя к portalу, быстро переговорил о чем-то с отцом. Антон стал торопить путешественников – гудение Агрегата усилилось, и он решил подстраховаться. Автоматы на электрическом щитке могли не выдержать перегрузки, и дверь из прошлого в будущее захлопнулось бы в самый неподходящий момент.

Наскоро попрощавшись, все присутствующие отошли подальше от портала. Антон, поколдовал над пультом, и сияющий круг стал сжиматься, превратившись вскоре в яркую точку. Потом исчезла и она. В квартире остались лишь жители XXI века и Петр Ланской.

Немного придя в себя, полковник с любопытством стал осматривать квартиру и машину времени, с помощью которой он только что перенесся на сто шестьдесят три года вперед.

— Да, теперь я вижу своими глазами, что техника ваша просто чудо! — сказал Ланской. — Господа, я готов следовать с вами туда, куда вы прикажете. Только вот... — кавалергард провел рукой по своему мундиру. — Я бы хотел переодеться в то, что принято носить в ваше время. Ибо сказано. — Попав в Рим, веди себя, как римлянин.

— Уважаемый Петр Петрович, — сказал Шумилин, — вы правы. Мы сейчас вам подберем соответствующую одежду. Ну а насчет вашего времяпровождения... С вами останется Николай, сын Виктора Ивановича. Он боевой офицер, получивший ранения в сражениях с немирными горцами на Кавказе. Он покажет вам кое-что из оружия, которым воюют в наше время. Думаю, вам это будет весьма небезынтересно.

Через полчаса полковник был экипирован в джинсы, кроссовки и камуфлированную футболку. Критически осмотрев Ланского со всех сторон, друзья решили, что на улицах Северной столицы он будет выглядеть не хуже многих ее жителей. Вскоре откланялся и ушел по своим делам Кузнецов, за ним – Шумилин. Антон извинился, и стал копаться в своей машине времени. Николай жестом предложил полковнику следовать за ним.

Выйдя на улицу, Ланской не мог удержаться от возгласа удивления при виде мчащихся по проезжей части автомобилей.

— Это просто удивительно, — сказал он. — Николай, с помощью

какой чудесной силы движутся эти повозки? Что у них внутри?

— Петр Петрович, — ответил Николай, — я не могу вам это объяснить, потому что объяснение займет слишком много времени. А вот, что у них внутри, вы сейчас сами увидите.

И он подошел к своей серой "тойоте". Нажатие на брелок, писк сигнализации. Николай жестом предложил полковнику занять место в салоне. Кое-как устроившись на сиденье, Ланской стал с любопытством осматриваться. Николай уселся сам, пристегнул свой ремень безопасности, а потом, пристегнул и полковника.

Первые минуты движения Ланской молчал, и, как всякий русский, наслаждался быстрой ездой. А потом он начал расспрашивать своего путника: о значении мигающих огоньков на столбах, о рисунках на синих и красных квадратах и кругах. Николай терпеливо объяснял. Но вряд ли Ланской что-либо понял из его объяснений.

По его просьбе Николай подвез полковника к зданию бывших казарм Кавалергардского полка на Захарьевской. Ланской был очень огорчен, когда узнал, что в XXI веке не сохранился полковой храм Захария и Анны.

Потом они поехали в учебный центр одного из спецподразделений, где огневую подготовку преподавал один из старых друзей Шумилина, подполковник Павлов Анатолий Викторович.

Он встретил гостей у проходной. Поздоровавшись с Николаем, которого знал лично, Павлов с любопытством посмотрел на его спутника. По выправке и внешнему виду он сразу понял, что имеет дело с человеком, не один год носящим погоны. Николай представил Ланского, как бывшего сослуживца отца, сугубого технаря, приехавшего из дальнего гарнизона, и уже порядком подзабывшего, как пользоваться огнестрельным оружием. Втроем они прошли по коридорам учебного центра в тир.

Занятий сегодня не было, и Павлов, зайдя в помещение, закрыл на ключ тяжелую железную дверь. Потом он зашел в оружейную комнату, и вынес оттуда два ПМ, АПС, АКСУ, ПП-91 "Кедр" с глушителем. На столик у огневого рубежа он выложил с десятков пачек патронов для ПМ и "калаша".

— Ну-с, — с чего начнем, — обратился он к Николаю, — с пистолетов или автоматов?

— Я думаю, что лучше начать с того, что попроще, — ответил Николай. — А вы, Петр Петрович, смотрите, и вспоминайте, — бывший десантник подмигнул правым глазом полковнику. Левый у Сергеева-младшего был странно неподвижен и холоден, как стекло.

Ну а дальше началось такое, что Ланской даже представить себе не

мог. Николай стрелял, почти не целясь. Оружие будущего не требовало перезарядки после каждого выстрела, и огонь велся почти непрерывно. Потом все пошли к мишени, которая находилась где-то шагах в тридцати от стрелка. На белом квадрате был изображен человек, похоже, злодея, стреляющего из пистолета. Пули Николая попали точно в голову нарисованного квадрата стрелка. А на второй мишени, представлявшей собой концентрические круги, все пули оказались в самом центре. Причем, отверстия в мишени изображали букву "Л". — Это в честь нашего гостя, — галантно пояснил Николай.

Потом стрельба велась из короткоствольного карабина, с кривым контейнером для патронов внизу – Николай почему-то назвал этот карабин женским именем "Ксюша" – и из такого же карабина, только поменьше, с большой трубкой, навинченной на ствол. Назывался он так же странно – "Кедр". Стреляло это оружие быстро-быстро. Но сами выстрелы звучали глухо, словно на гулянке кавалергардов в ресторане официанты открывали одновременно дюжину шампанского "Вдова Клико".

Потом подполковник Павлов дал пострелять и полковнику Ланскому. С непривычки он поначалу мазал. Но расстреляв обойму из пистолета, носившего название ПМ, кавалергард приноровился, и почти все пули уложил в мишень.

— Неплохо, — лаконично похвалил его Павлов, разглядывая результаты стрельбы через большую подзорную трубу. — Вам, Петр Петрович, еще бы потренироваться, и я бы с чистым сердцем поставил бы вам "хорошо" по огневой подготовке.

Ну а потом Николай показал, как выразился подполковник, "мастер класс". Вооружившись двумя пистолетами, Сергеев-младший стал стрелять из них в движении, перекатываясь по полу, словом, так, как не стрелял ни один из знакомых Ланского. И, что самое странное, все выпущенные Николаем пули попали в мишень. Тот противный человек, нарисованный на белом бумажном квадрате, будь он во плоти, был бы убит наповал первым же выстрелом.

— Николай, — воскликнул восхищенный кавалергард, — не хотел бы я быть на месте человека, который вызвал бы вас на дуэль! Это был бы просто расстрел!

Услышав эти, несколько странные слова, Павлов подозрительно покосился на Ланского, а Николай вздохнул и, укоризненно глядя на полковника Ланского, покачал головой.

Потом они втроем пили чай в кабинете подполковника Павлова, и вели разговоры о своем житие-бытие. Павлов сказал, что в августе у него будет

двадцать пять лет выслуги, и начальство в разговорах уже ненавязчиво дает понять, что пора бы подумать о пенсии. Дескать, старикам не след закрывать дорогу молодым.

Так уж случилось, что подполковник, несмотря на свой привлекательный и моложавый вид, который так нравился дамам, и при полном отсутствии вредных привычек, так и не обзавелся спутницей жизни. Трижды он собирался жениться, и трижды дамы, которым он предлагал руку и сердце, не дожидаясь свадьбы, кидали его, предпочитая более перспективных мужей.

Анатолий жаловался на то, что не знает, чем будет заниматься на гражданке. Он очень любил свое дело, и без грохота выстрелов и запаха оружейной смазки не представлял себе дальнейшей жизни.

Николай, с ходу сделал стойку. Такой специалист, как подполковник Павлов, очень пригодился бы его отцу в XIX веке. Да и Ланской, услышав сетования хозяина кабинета, мигом наострил уши, и незаметно наступил под столом Николаю на ногу, дескать, — смотри, парень, и делай выводы — наш человек.

И выводы были сделаны. Прощаясь, Сергеев-младший ненавязчиво предложил Павлову в самое ближайшее время навестить Александра Павловича Шумилина. Мол, старый приятель обязательно хотел его увидеть, и переговорить с ним о кое-чем очень важном. При этом Николай сделал многозначительное лицо, мол, возможно, найдется работа по специальности. Заинтригованный подполковник пообещал связаться со своим старым другом уже сегодня вечером.

Выйдя из учебного центра, Николай и Ланской снова сели в серую "тойоту".

— И куда мы с вами отправимся дальше? — спросил кавалергард бывшего десантника. — После тех чудес, которые я увидел только что, меня вы уже вряд ли чем-нибудь еще сможете удивить.

— А вот вы и ошибаетесь, Петр Петрович, — хитро улыбнувшись, сказал Николай, — самые главные чудеса еще впереди...

Увидев вопросительный взгляд Ланского, он сказал, — наш путь лежит в Каменку. Впрочем, это название вряд ли вам знакомо...

Броня крепка и танки наши быстры

Действительно, для полковника Ланского слово "Каменка" ничего не говорило. Да и многим жителям Петербурга XXI века оно тоже не было

знакомо. Но люди военные прекрасно знали, что в поселке Каменка Выборгского района Ленинградской области находится 138-я ОМСБр постоянной боевой готовности и три военных городка. В первом расположены артиллеристы, зенитчики и мотострелковый батальон, во втором – разведка, танкисты, связисты, автобат и мотострелки, в третьем – срочники (бригада "кадра" и ОРВБ – отдельный ремонтно-восстановительный батальон). Вокруг Каменки расположены полигоны, на которых идут учения танкистов и мотострелков.

Вот туда-то и отправились Сергеев-младший, полковник Ланской и Александр Шумилин. Его Николай подхватил у метро "Удельная". Пока гость и его сопровождающий развлекались стрельбой, Шумилин сгонял в штаб ЗапВО к своему знакомому в пресс-службе. Там он получил бумагу, в которой говорилось, что корреспондент одной из питерских газет с двумя сопровождающими его лицами, направляется в Каменку в распоряжение 138-й ОМСБр для написания материала о боевой учебе танкистов и мотострелков.

И теперь "тойота" Николая мчалась по шоссе в направлении Выборга. Ланской был восхищен скоростью, с которой двигался автомобиль. А когда Шумилин сообщил ему, что скорость на некоторых участках достигала сто верст в час, удивлению его вообще не было предела.

— Это что же, господа, получается, что за один день вы можете из Петербурга добраться до Москвы? — спросил он, — ведь это просто уму непостижимо!

— Можем, — лаконично ответил Николай, — бывало и так, что утром я выезжал в Москву, а днем, сделав все дела, отправлялся назад, и к полуночи был уже снова в Петербурге.

— Да, — задумчиво сказал Ланской, — потому-то и жизнь ваша какая-то быстрая, суетливая. Во всяком случае, для меня, человека XIX века она выглядит именно такой. У нас все происходит неспешно, размеренно.

— В каждом времени есть своя прелесть, — философски заметил Шумилин, — иногда и мы устаем от всех этих гонок, и мечтаем просто сесть на камушек на обочине, и подумать – помечтать о вечном, порассуждать о смысле жизни.

А за окнами автомобиля мелькали деревья, дорожные знаки и встречные автомобили. Серая лента шоссе стелилась под колеса "тойоты".

— Коля, поставь что-нибудь наше, чтобы не было скучно, — сказал Шумилин.

Сергеев-младший кивнул, и нажал на кнопку DVD-плеера. Ланской вздрогнул, когда в салоне автомобиля неизвестно откуда раздался

хрипловатый мужской голос:

На войне, как на войне:
Патроны, водка, махорка в цене,
А на войне нелегкий труд,
А сам стреляй, а то убьют...

Песня эта, не была похожа ни на одну из солдатских песен, которые доводилось слышать полковнику за годы службы в армии. Но это была, несомненно, солдатская песня, в которой рассказывалось о войне, о том, что смерть и жизнь, радость и горе, там ходят рядышком. А неизвестный певец рубленными и грубыми фразами пел о неведомом Ланскому комбате, который "сердце не прятал за спины солдат".

Когда же закончилась эта песня, то почти сразу зазвучала следующая, которую, как понял кавалергард, пел тот же певец:

Давай за жизнь, давай брат до конца,
Давай за тех, кто с нами был тогда.
Давай за жизнь, будь проклята война,
Помянем тех, кто с нами был тогда.

— Скажите, Николай, — вам много пришлось воевать? — спросил Ланской, когда закончилась эта песня, и отзвучал последний аккорд. Сергеев-младший нажал на кнопку плеера, после чего задумался на минуту. Лицо его неожиданно стало жестким, и серьезным. Только сейчас полковник заметил в его русых волосах седые пряди.

— Знаете, Петр Петрович, — сказал он, — воевать довелось не так уж много, что-то около года, но даже за это время крови и смерти повидал столько, что хватило на всю жизнь. Скажу вам честно, было страшно, и врет тот, кто рассказывает о том, что в бою ничего и никого не боялся. Но нужно было заставлять себя побеждать страх, и делать то, что следовало делать. И мы делали это.

— Давайте, не будем больше об этом, — попросил после недолгого молчания Николай, — послушаем лучше что-нибудь повеселее. Дядя Саша, хотите вашу, любимую? — Шумилин кивнул, и Сергеев-младший снова нажал на кнопку DVD-плеера.

В салоне раздалась разухабистая мелодия:

На спящий город опускается туман,
Шалют ветра по подворотням и дворам,
А нам все это не впервой,
А нам доверено судьбой
Оберегать на здешних улицах покой.

Ланской удивленно посмотрел на улыбающегося Шумилина: — Александр Павлович, неужели эта песня вам нравится?! Ведь это просто какие-то разбойники с большой дороги поют!

— Нет, Петр Петрович, — ответил Шумилин, — сия песня – как раз о тех, кто разбойничков ловит. Довелось в молодости подобным делом позаниматься. — Нет-нет, не подумайте плохо, — поспешил успокоить Александр Ланского, — не разбойничал я, а, наоборот, ловить всяких лихих людей. Ну а воспоминания о молодости, как вы знаете, Петр Петрович, всегда приятно вспомнить.

А певец продолжал лихо распевать:

Да! А пожелай ты им ни пуха, ни пера.
Да! Пусть не по правилам игра.
Да! И если завтра будет круче, чем вчера,
"Прорвемся," – ответят опера.

Так с песнями они незаметно и добрались до Каменки. Предупрежденное из штаба округа местное начальство встретило их на КПП, и без особых формальностей допустило на полигон, где проводили учение мотострелки и танкисты.

Ланской своими глазами увидел рычащих и плюющихся сизым дымом разъяренных железных монстров, которые у потомков назывались танками и боевыми машинами пехоты. Несмотря на свои размеры, они грациозно двигались по полигону, поднимая тучи пыли, стреляя при этом на ходу из пушек и пулеметов, и разнося в щепки мишени.

— Александр Павлович, даже одна такая машина стоит батальона нашей пехоты, а то и целого полка, — в восхищении шепнул он на ухо Шумилину, — имея несколько танков и БМП, наша армия была бы непобедима!

— Э, нет, Петр Петрович, — также шепотом ответил ему Александр, — до танков, пожалуй, ваша армия еще не доросла. И вряд ли

дорастет в ближайшее время. Промышленность России просто не поднимет даже одну такую машину. Средств, может быть, и хватит, а вот возможностей для ее эксплуатации нет. Это мы вам все показали, как предел того, к чему к чему надо стремиться. Прежде чем обзаводиться танками, России надо будет завести металлургические, механические и нефтеперегонные заводы, приличный транспорт. А самое главное – подготовленных танкистов – солдат и офицеров. Без них танки – не более, чем груда железа. Начинать вам надо с самого простого, с унитарного патрона и оружия под него. Пройдемте на стрельбище. В тире Николай вам показывал оружие ближнего боя, теперь посмотрите, что применяется, если неприятель находится от вас на большом расстоянии.

Зрелище учебных стрельб пулеметчиков и гранатометчиков привели Ланского в изумление, ну, а стрельба снайперов вообще ввела его в состояние ступора. Он никак не мог понять – как люди с ружьями, снабженными какими-то странными трубками, в которые смотрели стрелки, ухитряются попасть с такого огромного расстояния в такие маленькие мишени.

— Есть ружья попроще этих, — шепнул ему Шумилин, — такие же точные, дальнобойные и смертоносные, только не такие скорострельные, которые можно поставить на вооружение егерских рот и батальонов. Пехота противника, без офицеров и сержантов превратится в стадо, которое может быть заколото штыками русских пехотинцев, или изрублено саблями русской кавалерии. Вражеская пушка с выбитым расчетом – это ничто. Тем более, что есть зажигательные пули, способные воспламенить картузы с порохом... Это для начала.

— Надо подумать, как объяснить все это государю, — так же тихо ответил Ланской. — Только сделать это будет нелегко. Вот, если бы он увидел все это сам...

Тем временем, с разрешения руководителя учебных стрельб, Николаю разрешили пострелять из СВД. По тому, как он по-хозяйски взял в свои руки винтовку, и умело занял позицию, стало ясно, что этот человек имеет отношение к славному сословию снайперов. Ну а после того, как Николай быстро и точно поразил все мишени, в этом уже никто не сомневался.

— Где довелось пострелять? — спросил у Сергеева-младшего руководитель стрельб, средних лет майор с "Кавказским крестом" на кителе, принимая у него СВД.

— Двухтысячный, январь, Чечня, Грозный, — лаконично ответил Николай, — потом февраль, Шатой.

— Могли встретиться, — так же лаконично сказал майор, — а может и

встречались.

— Все может быть, — усмехнулся Николай. — Земля – шарик маленький.

Смеркалось. Учения на полигоне заканчивались. Попрощавшись с командованием, Шумилин, Ланской и Сергеев-младший сели в автомашину, и отправились в обратный путь. Полковник был полон впечатлений. Всю дорогу он расспрашивал у Шумилина и Николая о боевой технике XXI века, о способах ведения боевых действий в их времени, и о войнах, которые пронесли над Россией.

Когда автомобиль въехал в черту города, Ланской, немного уставший от непривычного для него путешествия, замолчал, а потом попросил у Николая. — Не могли бы вы мне дать снова послушать того певца, который пел о войне?

Сергеев-младший кивнул головой, нажал на кнопку плеера. В салоне раздался хриловатый голос, певший о вернувшемся с войны человеке:

Сколько зим, сколько лет, сколько вод утекло,
Сколько жизней прошло без меня, сколько жизни ушло от меня.
Я вернулся домой, а виски сединой
Припорошило в дальних краях, да и грудь вся в сплошных
орденах.
По высокой-высокой траве, я пройду в полный рост,
Полной грудью вдохну воздух этих полей, мной давно позабытый
на вкус...

Дорога к Черной речке

Портал закрылся, и Ольга Румянцева оказалась там, где мечтала побывать всю свою жизнь – в XIX веке. Она с любопытством стала осматривать комнату. Правда, Сергеев, закончивший перетаскивать в свою комнату сумки, полученные из будущего, грубо вернул ее к суровым реалиям.

— Владимир Федорович, — обратился он к Одоевскому, — меня сильно беспокоит вот какой вопрос – а что скажут ваши слуги, увидев, что полковник Ланской из квартиры не выходил, но его в ней уже нет? А вместо него появилась какая-то странно одетая дама, которая попала в ваше жилище не менее странным способом, минуя входную дверь...

— Действительно, я как-то не подумал об этом, — растерянно сказал князь. — Впрочем, можно что-нибудь придумать.

— Дорогой, — сказала княгиня, — я сейчас все улажу.

Она выскользнула из комнаты, и через пару минут все услышали, как хлопнула входная дверь. Потом вошла Ольга Степановна, довольно потирая руки.

— Со Степаном вопрос решен, — сказала она — я послала его на Невский, чтобы он купил свежие газеты для князя. А горничная сейчас занимается переборкой моего гардероба. Я велела ей найти вот эту брошь, — и княгиня показала красивую брошку с изумрудами, которую она до этого сжимала в своем кулачке. — Думаю, искать ее она будет долго. За это время из квартиры "выйдет" кузен, и "войдет" моя старая знакомая, которая долго жила в Новом Свете, и лишь на днях снова вернулась в Россию. Потому она и так странно одета. Впрочем, Ольгу Валерьевну мы сейчас переоденем. У меня найдется подходящее для нее платье.

— Ольга Степановна, да вы просто умница! — воскликнул восхищенный Сергеев. — Мы бы с Владимиром Федоровичем, наверное, до вечера ломали бы голову над этим вопросом. А вы, раз-два, — и все в порядке!

Княгиня смущенно улыбнулась. — Виктор Иванович, — сказала она, — не забывайте, что я бывшая фрейлина. Скажу вам, что за время моего нахождения в Зимнем дворце мне пришлось сполна увидеть интриги придворных, узнать коварство и хитрость окружающих меня людей. Поверьте, я с огромной радостью покинула царский дворец, для того, чтобы оказаться рядом с любимым человеком.

И княгиня ласково погладила по щеке Одоевского. Князь поцеловал руку супруги, глядя на нее влюбленными глазами. Но эту идиллию разрушила Ольга Румянцева, закончившая осмотр комнаты, и немного освоившаяся в ней.

— Сказать по правде, я завидую вам, княгиня. Но вам все же придется снова проникнуть в этот мир придворных интриг, чтобы помочь нашей стране избежать больших бедствий и страданий.

— Ольга Валерьевна, — тихо сказал Одоевский, — я все помню. И мы начнем заниматься тем, о чем вы только что сказали, прямо сегодня. Через полчаса мы с Виктором Ивановичем отправимся на Черную речку, чтобы провести там рекогносцировку.

А вы можете прогуляться с княгиней по Невскому, заглянуть в магазины, и, если вам повезет, то познакомиться с нужными вам людьми. И еще, дорогая?.. — князь вопросительно посмотрел на свою супругу.

— Да, — сказала княгиня, — мы с мужем решили попросить вас принять от нас в подарок вот это, — и Одоевская протянула Ольге ту самую брошь с изумрудами, которую она принесла из своей комнаты.

— Мы помним все ваши хлопоты и то, что вы уже сделали, и еще сделаете для нас, — княгиня покраснела, — поэтому в благодарность за все — носите, и помните о нас.

Ольга даже растерялась, увидев то, что ей хотят подарить. По ее прикидкам такая золотая брошь с изумрудами работы, как минимум, XVIII века, в ее мире могла стоить очень дорого. Но от подарка отказываться было неудобно.

Поблагодарив княгиню, Ольга положила брошь в сумочку, и, в свою очередь, протянула Одоевской женские механические часыки "Чайка" с браслетом из финифти. Циферблатов часов закрывался крышечкой, украшенной той же финифтью. Конечно, по стоимости этот подарок был не сравним с княжеским, но все же...

Княгиня с удовольствием приняла ее подарок. Часики на ее изящной ручке смотрелись прекрасно. К тому же ничего подобного в XIX веке пока еще не делали. Ольга Степановна уже представила, какой восторг и зависть вызовут эти часыки у ее знакомых.

Пока женщины весело щебетали, разговаривая на только им понятные темы, мужчины быстренько собрались, и отправились в поход. К тому времени, лакей Степан, вернувшийся с газетами, сбегал на конюшню, и велел приготовить для князя экипаж.

На улице, выйдя из парадной, они столкнулись нос к носу с симпатичной молодой дамой лет двадцати пяти, которая вежливо поздоровалась с князем, и с любопытством посмотрела на Сергеева.

— Куда это вы собрались, Владимир Федорович? — поинтересовалась она. — Мой батюшка говорил, что вы в последнее время все больше дома сидите. На службе он вас тоже уже давненько не видел.

— Передайте уважаемому Дмитрию Николаевичу, — ответил даме князь, поклонившись ей, — что, к сожалению, дома меня удерживают дела неотложные, а также временное нездоровье.

— А как вы поживаете, Лидия Дмитриевна, — в свою очередь поинтересовался Одоевский, — как ваш супруг, Егор Иванович, как сынок, Дмитрий?

— Все, слава Богу, живы и здоровы, — ответила дама, — сынок растет, уже ходить начал. Заглядывайте к нам, Владимир Федорович, да и не один, а с супругой. Мы всегда рады видеть вас.

Раскланявшись с дамой, отправившейся дальше по своим делам,

мужчины сели в коляску, кучер взмахнул кнутом, и они тронулись в путь.

— Кто эта дама? — спросил у князя Сергеев. — Похоже, что она ваша старая знакомая?

— Еще бы, — усмехнулся Одоевский, — это дочь моего начальника, действительного тайного советника, главноуправляющего II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, члена Государственного совета и председателя его департамента законов, Дмитрия Николаевича Блудова.

Человек он довольно консервативных взглядов, но не чуждый новому, если это новое идет на пользу государству. Надо будет вас потом с ним познакомить. Кстати, в прошлом он — министр внутренних дел, и министр юстиции. А дочь его, Лидия Дмитриевна, замужем за Егором Шевичем, сыном генерала Ивана Шевича, геройски погибшего в сражении при Лейпциге.

Кстати, мать Егора Шевича, Мария Христофоровна, не кто иная, как сестра Александра Христофоровича Бенкендорфа. Вы конечно помните — кто он и чем заведует.

За разговорами они не заметили, как доехали до Марсова поля, и до Воскресенского наплавного моста, по которому экипаж перебрался через Неву, и покатил по Каменоостровскому проспекту в сторону Черной речки. Места эти были Сергееву абсолютно незнакомы, хотя в XXI веке перехожены-переезжены. Вместо привычных высотных зданий вдоль проспекта стояли патриархальные деревянные одно- и двухэтажные домишки с палисадом.

Миновав деревянный Силин мост через речку Карповку, они быстро добрались до такого же деревянного моста, только побольше, через Малую Невку, носящего в те времена название "Строгановского". А потом, на Каменном острове, выйдя из коляски, немного постояли, полюбовавшись на изящную церковь Иоанна Предтечи, построенную в необычном для России псевдоготическом стиле. В свое время император Павел I, став главой Мальтийского ордена, передал ее кавалерам этого ордена.

Через деревянный Никольский мост экипаж переехал через Черную речку. Князь Одоевский печально вздохнул, и указал рукой на место, где состоялась дуэль Пушкина с Дантесом.

— Вот там и закатилось солнце русской поэзии, — сказал он. — Мы пытались предотвратить этот роковой поединок. Но он все-таки случился. Много в нем непонятного и таинственного. Может быть у вас, в вашем времени есть сведения о том, как произошла эта трагедия?

Сергеев задумался. Он специально не занимался историей пушкинской дуэли, но то, что в ней было не все чисто, слышал.

— Владимир Федорович, — сказал он, — я не могу вам сейчас ничего сказать определенно. Но на эту тему я бы посоветовал вам переговорить с Александром Павловичем. Он занимался изучением всех обстоятельств дуэли Пушкина, и может рассказать вам все, что ему о ней известно.

Тем временем экипаж двинулся по Ланской дороге к цели их путешествия. Неподалеку от того места, где в XXI веке находилась железнодорожная станция Ланская, они вышли из коляски, и стали осматриваться. Сергеев ничего не видел, кроме зарослей кустарника и небольших рощиц. Похоже, что места эти были еще не обжиты. Тем лучше – любопытных окажется меньше, и никто не увидит то, что будет происходить в сарае, который здесь будет построен.

В том, что полковник Ланской сдаст им в аренду часть принадлежащей ему земли, Виктор не сомневался. Он знал, что его приятели в будущем проведут качественную обработку Ланского, и полковник вернется в свой век впечатленный по самое некуда.

Достав из кармана карту Петербурга года 2013-го, Сергеев попытался сориентироваться по ней на местности. Но сделать это было нелегко. Не было приметных зданий или природных ориентиров. Наконец, с грехом пополам ему удалось приблизительно вычислить нужный квадрат. Достав из кармана проволочную пилу, он ловко и быстро спилил небольшое деревце и, очистив его ствол от веток, воткнул, как шест в землю, привязав к его вершине кусок красной материи.

По договоренности с Антоном, завтра из его автомастерской будет сделан пробный выход в прошлое. И оставленный им знак поможет "временапроходцам" поточнее определиться на местности XIX века. О чем ему и сообщат во время следующего сеанса связи. Тогда же полковник Ланской вернется в свое время, а Ольга Румянцева – в свое. Впрочем, это тоже произойдет лишь завтра, но уже ближе к вечеру.

А пока что наша "кузина-белошвейка" с княгиней Одоевской проводит рейд по тем местам, которые и в веке XIX-м, и в веке XXI-м, получили название "Смерть мужьям". Точнее, не самим мужьям, а их финансам. То есть, по магазинам, в которых могут часами пастись модницы, и где самые красивые вещи стоят почему-то, с точки зрения их супругов, слишком дорого.

— Как там Ольга? Надо будет расспросить ее подробно обо всем, когда мы вернемся с князем домой, — подумал Сергеев...

Я буду рада вас видеть...

Когда мужчины ушли, дамы с веселым щебетанием начали одеваться. В гардеробе у княгини было много одежды, так что переодеть Ольгу в платье, которое у жителей XIX века не вызвало бы недоумения, оказалось делом довольно простым. К тому же наша "кузина-белошвейка" неплохо разбиралась в нарядах того времени, и знала, что и куда предназначено.

Правда, она немного похихикала над тогдашним нижним бельем. Панталоны 40-х годов XIX века доходили до колен и были как бы разрезаны надвое. Половинки для каждой ноги кроили отдельно и соединяли их завязками или пуговицами у талии, на спине. Таким образом, шаговой шов в промежности был открыт, для удобства дам, и гм..., в определенных случаях. Скажем, захочется справить нужду, а тут корсет и куча юбок. Мода XXI века была в этом отношении намного удобней.

Потом Ольга достала косметичку, и начала священнодействовать. Нельзя сказать, что дамы николаевских времен пренебрегали косметикой. Но такого изобилия туши, теней, помад и прочего женского "камуфляжа", какое взяли на вооружение современницы Ольги, у тогдашних прелестниц не было. Так что княгиня со своей гостьей еще минут сорок крутились у зеркала, с удовольствием занимаясь столь приятным для женского сердца делом. Ну а потом они отправились на прогулку по Невскому.

Для начала они решили заглянуть в Гостиный двор, который тогда несколько не был похож на "Гостинку" XXI века. Это было сборище лавок купцов, торговавших самыми разнообразными товарами. Там можно было купить практически все, что производилось в России того времени. Ольга вспомнила, что сюда любил заглядывать Пушкин и Гоголь. И, если первый уже был ушел из жизни, то с Гоголем у нее был вполне реальный шанс повстречаться. Правда, Николай Васильевич сейчас в Риме, но на будущий год он должен приехать в Россию, чтобы напечатать первый том "Мертвых душ".

Ну а пока дамы разглядывали товар, который раскладывали перед ними разбитные приказчики. Эти ребята были прекрасными психологами. Куда там до них нынешним "менеджерам по продажам"! Уйти из лавки и ничего не купить, было очень трудно. Приказчики осыпали покупательниц комплиментами, уговаривали дам купить именно эту вещь, которая именно ей к лицу, и превращает ее будущую обладательницу в неотразимую красавицу. Ольга и княгиня оказались морально устойчивыми, и ушли из Гостиного двора без покупок. Хотя Ольга и положила глаз на некоторые вещи, которые, по ее мнению, можно было бы продать в Петербурге XXI века за очень немалую цену.

Выйдя снова на Невский княгиня и Ольга стали прогуливаться по

проспекту, беседуя "о своем, о девичьем". Ольга Степановна рассказывала о годах, проведенных в Зимнем дворце. Она стала фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны – супруги императора Александра I всего в шестнадцать лет. Оказывается, быть фрейлиной – не такая уж большая радость. Это, прежде всего, одиночество во дворце. Бедная девушка, которая жаждет общения, проводит двенадцать часов в стенах своей комнаты или же одиноко шагает по правильным и усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом, с любезной улыбкой, остроумной шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день. Ольга вспомнила то, что писала в своих мемуарах одна из фрейлин, Анна Тютчева, дочь знаменитого поэта: "Мое сердце еще очень плохо дрессировано в смысле официальной чувствительности и не умеет еще отвечать созвучием всем августейшим радостям и горестям. Ремесло придворных вовсе не так легко, как это думают, и, чтобы его хорошо выполнять, нужен талант, которым не все обладают. Нужно найти исходную точку опоры, чтобы с охотой, добровольно, и с достоинством играть роль друга и холопа, чтобы легко и весело переходить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные поверенности владыки и носить за ним его пальто и галоши... Государи вообще любят быть объектами любви, любят поклонение, с чрезмерной наивностью верят в тот культ, который они внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной, которая исходит из искреннего чувства".

Император Николай I был весьма строгих нравов, и безжалостно избавлялся от тех фрейлин, которые пытались отвлечься от своих придворных обязанностей и вспомнить о том, что они красивые и молодые девушки. Фрейлины не имели права выезжать ни в свет, ни в театр без разрешения императрицы. Девушек, живущих "при дворе", и каждый день видевшие "царей", многие почему-то считали влиятельными персонами. Но это было совсем не так. Одна из фрейлин николаевских времен вспоминала: "В наш Фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было".

Главной должностной обязанностью штатной фрейлины являлось суточное дежурство при "своей" хозяйке. Это было довольно тяжело – двадцатичетырехчасовое безотлучное дежурство, при котором подчас приходилось выполнять множество неожиданных поручений. "Действительная" служба фрейлин при Дворе, вопреки распространенному

мнению, оказывалась достаточно тяжелой. Они несли посменно суточные (или недельные) дежурства и должны были в любое время являться по первому звонку императрицы.

Правда, за эту нелегкую службу платили немалые деньги – 4 тысячи рублей. Но и расходы фрейлин были немалые. Основная часть их приходилась на туалеты. Их надо было менять три раза в день. Даже дома фрейлина не могла одеваться, как хотела. Ее туалет всегда должен был соответствовать ее рангу, и к обеду декольтированное платье было обязательным. То же самое платье не надевалось, конечно, много раз. Должны были быть в гардеробе и дорогие платья не для балов, а, скажем, для посещения церковных служб, свадеб, похорон, дней рождения, именин и тому подобного.

В феврале 1826 года Ольга Ланская познакомилась в Москве с князем Владимиром Одоевским. А уже в конце марта они объяснились, и князь попросил руки у своей избранницы. Ольга Степановна, будучи фрейлиной, ждала разрешение на брак от императрицы Елизаветы Алексеевны. Таковое было получено в августе, а в сентябре они поженились. При этом, как фрейлине, из средств Министерства Императорского двора ей выплатили "приданое" – 12 тысяч рублей ассигнациями. После выхода замуж она лишилась фрейлинского шифра – золотого с бриллиантами вензеля императрицы на банте. Фрейлины носили его на левой стороне груди. Но она сохранила право быть представленными императрице и ее приглашали на торжественные балы в Зимний дворец вместе с мужем.

У модного магазина Циклера княгиня увидела карету Придворной конюшенной конторы.

— Интересно, кто это приехал? — задумчиво произнесла Ольга Степановна, разглядывая императорский вензель на дверце кареты.

Впрочем, гадать ей пришлось недолго. Дверь магазина открыл сам его хозяин, и на улицу вышла императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская. Это была женщина средних лет, стройная, с несколько бледным лицом. Она улыбнулась княгине, и, сделав жест в сторону кареты лакею, который вышел следом за ней, держа в руках коробки с покупками, подошла к двум Ольгам.

Княгиня и ее гостя приветствовали Александру Федоровну низким реверансом. — Я очень рада видеть вас, княгиня, — мелодичным голосом с легким немецким акцентом, сказала государыня Одоевской. — Вижу, что и вы собираетесь посетить магазин уважаемого господина Циклера, чтобы купить себе что-то для бала, который мой любезный супруг скоро устроит в

честь моего дня рождения?

— Ваше величество, — ответила княгиня Одоевская, — я надеюсь быть на этом балу, и не только с князем Владимиром, но и с моими новыми друзьями, которые недавно приехали в Россию из Нового Света. Они привезли с собой множество интересных и познавательных вещей. Вот, к примеру, эти замечательные часики, — княгиня показала на руке подарок Ольги, — они сделаны как раз в их стране. Ничего подобного вы не найдете ни в Лондоне ни в Париже.

Императрица с любопытством посмотрела на часы марки "Чайка", с браслетом из финифти. Ее поразил не только размер часиков, но и оригинальное их оформление. Они показывали время, одновременно оставаясь украшением, хоть и не дорогим, но оригинальным.

— Это замечательно, — сказала она, — княгиня, не познакомите ли вы меня с этими людьми? Ну хотя бы на балу. Ведь, как я поняла, вы собираетесь их туда пригласить?

— Нет ничего проще, ваше величество, — ответила княгиня. — Хочу представить вам мою спутницу, Ольгу Валерьевну Румянцеву, — Одоевская повернулась в сторону своей спутницы, — она как раз одна из моих гостей из Нового света.

Ольга снова сделала реверанс перед императрицей. Та во все глаза уставилась на даму, которая прибыла из страны, о которой рассказывают разные были и небылицы, и где, делают такие чудесные и забавные вещи.

— Я очень рада была с вами познакомиться, сударыня, — обратилась она к Ольге. — К сожалению, я не могу пригласить вас во Дворец. Но мне часто приходится бывать в Аничковом дворце. Мой старший сын, как вы, наверное, слышали, собирается жениться на Максимилиане Вильгельмине Гессенской, — при этих словах улыбка на лице императрице исчезла, голова ее едва заметно дернулась, и Ольга вспомнила, что государыня не была в восторге от выбора сына.

Впрочем, Александра Федоровна быстро успокоилась, и продолжила. — Нам необходимо подготовить жилье для сына и его будущей супруги. Государь решил, что жить они будут в Аничковом дворце. Я лично наблюдаю за наведением порядка во дворце, и обустройстве его всем необходимым для жизни наследника и его семьи. Вот там я могла бы принять вас без особых церемоний, неофициально. Тем более, как я поняла, — Александра Федоровна посмотрела на княгиню, — что остановились вы у любезной Ольги Степановны. А это всего в нескольких шагах от Аничкова дворца. Я буду там завтра днем, и пришлю к княгине слугу, который передаст вам мое приглашение.

Княгиня и Ольга раскланялись с императрицей, которая села в карету, и, помахав им на прощание рукой, отправилась в Зимний дворец.

А княгиня повернулась к Ольге, и с улыбкой сказала. — Итак, первое и очень важное знакомство состоялось. Теперь дело за вами. Я думаю, что если вы сумеете произвести впечатление на государыню, то перед вами откроется прямая дорога и к государю. Так что, ловите миг удачи!

Глава 5. "Визит чародеев"

Хочешь мира – готовься к войне!

Вот так, под песни "Любэ" они и доехали до квартиры Антона. Полковник все больше молчал, переваривая полученные в ходе сегодняшнего дня впечатления. Николай вел машину, а Шумилин размышлял о том, о чем он собирался говорить сегодня вечером с Ланским.

А разговор предстоял сложный. Александр понимал, что всего за сутки в голове и полковника все перемешалось. То, чему он учился всю жизнь, что он требовал от своих подчиненных, что, в свою очередь, требовал от них государь – все это теперь выглядело ненужным, игрушечным. Ланской видел воинов будущего, которых учили не красиво и браво маршировать, а убивать. То есть, делать то, что положено солдату на войне.

А что происходит в России во времена царствия Николая Павловича? А вот что – Шумилин вспомнил отчет Николая Кутузова, который был послан с сенатской ревизией в гарнизоны, чтобы увидеть состояние дислоцируемых там войск. Он писал буквально следующее: "...Принята метода обучения, гибельная для жизни человеческой. Солдаты тянут вверх и вниз в одно время: вверх для какой-то фигурной стойки, вниз для вытяжки ног и носков. Солдат должен медленно, с напряжением всех мускулов и нервов вытянуть ногу вполовину человеческого роста и потом быстро опустить ее, подавшись на нее всем телом; от этого вся внутренность, растянутая и беспрестанно потрясаемая, производит чахотки и воспалительные болезни, так что часто по-видимому ничтожная болезнь превращается в смертельную.

К этому, можно сказать, гибельному обучению присоединилась мысль пересоздать человека: требуют, чтобы солдат шагал в 1/2 аршина, когда Бог создал ему ноги шагать в аршин! Следовательно, к растяжению внутренностей присоединилось растяжение связок ножных. От этого войско не в состоянии будет делать тех изумительных переходов, которые делали солдаты времен Суворовских, никогда не имея отставших. Суворов говорил: "Солдата шаг аршин, при захождении 1,5 аршина". Следствие ныне принятой методы обучения можно видеть весной на площадях: солдат после всех вытяжек и растяжек, повторяемых несколько раз в день, по 2 часа на прием, идет в казармы, как разбитая на ноги лошадь! Присоединяя

к этому дурное лечение и содержание солдат в госпиталях (из отчета армии за 1837 г. видно, что в госпиталях умирает 15-й человек, а в лазаретах – 28-й), надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Люди тысячами гибнут без ропота, но и без славы, а народ беспрестанно истощается рекрутскими наборами, повинностью самой тягостной и разорительной: она, выбирая из семейств лучших людей, приводит в бедность и семейства, и государство, теряющее производительные силы без пользы и славы для себя".

Да, вот так, вместо создания боеспособного войска, превосходный людской материал калечат, губят. А ради чего? Ради бравого прохождения на параде? А случись война?

А как учат? Шумилин вспомнил еще одного современника Ланского, который, правда, остался анонимом. В своем сборнике воспоминаний "За много лет" он писал: "Учить и бить, бить и учить были тогда синонимами, а для "ученья" пускали в ход кулаки, ножны, барабанные палки и все, что подвернулось под руки. Сечение розгами практиковалось сравнительно реже. Для этого требовалось больше времени и церемоний. Солдата било его ближайшее начальство: унтеры и фельдфебели, но били также и офицеры, потому что их самих били в школе, а потому они были убеждены, что того требует дисциплина".

Сидевший рядом с Шумилиным Ланской, заметив, что его спутник тоже о чем-то задумался, спросил Александра. — Скажите, уважаемый Александр Павлович, какие мысли мучают вас? Я же вижу по вашему лицу, что вы чем-то озабочены.

— Петр Петрович, — ответил Шумилин, — я думаю о том испытании, которое ждет Россию через тринадцать лет. А именно, о войне с коалицией европейских государств, в которой империя окажется без союзников, и потерпит поражение. Война, называемая в нашей истории Крымской, покажет, что "не все благополучно в Датском королевстве".

— А что именно послужило причиной этого поражения? — спросил Ланской, — ведь армия была любимым детищем государя, он не жалел для нее ничего, ни людей, ни денег. Да и к тому же войска неплохо показали себя во время войны с Персией и Турцией, при подавлении Польского мятежа.

— Персия и Турция – не тот противник, с которым было бы трудно воевать. А уж про поляков и говорить нечего. Но, если вы помните, при большом численном превосходстве и огромном перевесе в артиллерии, русские войска потратили целый год на то, чтобы справиться с мятежной шляхтой.

Кстати, будет в истории России еще одна перед Крымской. Это так называемый Венгерский поход 1849 года. Тогда государь пришел на помощь императору Австрии Францу-Иосифу, и спас его империю от распада. Этот Венгерский поход обошелся России 708 человек убитыми, 10885 – умершими от ран и болезней и 47,5 миллионов рублей. А что взамен? В Крымскую войну спасенный государем Франц-Иосиф пригрозил России ударом в спину. И всю войну мы были вынуждены держать на границе с Австрией сотысячную группировку, чтобы "благодарные" австрияки не напали на нас.

Что толку в том, что государь потом ругал себя за то, что он помог неблагодарному юнцу, которого он почитал пятым сыном, а государыня перед смертью заявила, что умирая, она прощает "всех, кроме Австрии"...

— Александр Павлович, — с болью в голосе спросил Ланской, — так в чем наша ошибка, что мы делали не так, из-за чего Россия познала позор потери Севастополя?

— Петр Петрович, — ответил Шумилин, — первая ошибка – это авантюрная внешняя политика, которая стала причиной этой войны. Виновник – канцлер Нессельроде. Для него интересы России были вторичны, а сам он больше ориентировался на Вену, и в особенности, на венских банкиров Ротшильдов.

Именно его стараниями пустяковый, в принципе, спор о "святых местах" в Палестине был раздут до размеров всеевропейской проблемы. Именно он сумел довести отношения России и Турции до полного их разрыва. А ведь султан не был сторонником войны с Россией. И даже был готов пойти навстречу требованиям государя насчет "святых мест". Но Нессельроде нужна была война. По его совету в июне 1853 года русские войска были введены в Дунайские княжества, что, собственно, и стало тем самым "казусом белли".

Во-вторых, в неблагоприятном развитии событий виноват фельдмаршал Паскевич. Ведь именно он поддержал предложение Нессельроде о занятии этих проклятых Дунайских княжеств. Между прочим, Генеральный штаб рассматривал и другой вариант войны с Турцией. По нему Россия высаживала морской десант прямо на Босфоре. Всего 16 тысяч пехоты, две сотни казаков и 32 орудия. Это в первом броске. Потом десант должен был быть усилен. Учитывая, что в самом Стамбуле практически не было войск, захват столицы Турции был вполне реальным делом. Ну а потом, выдвижение к Дарданеллам, и после устройства там батарей, вход союзного флота в Черное море стал бы просто невозможен.

В-третьих, бездарный, если не сказать более, командный состав. Это и

главнокомандующий князь Горчаков, разбросавший войска на Дунайском фронте так, что в любой точке они были слабее турок, и командующий нашими войсками в Крыму князь Меншиков, которого позднее за его дела в обществе прозвали "Изменщиковым", и такие генералы, как Кирьяков, который во время сражения при Альме бежал с поля боя, и при этом увлек в бегство подчиненные ему полки. В результате французы заняли высоты, мимо которых отходили русские войска, и с них безнаказанно расстреливали нашу пехоту. Кстати, в этом проигранном нашими войсками сражении Меншиков бросил в своем походном шатре секретные бумаги, в которых подробно описывалось состояние русских войск в Крыму и планы действий против союзников.

Ланской, внимательно слушавший Шумилина, при его последних словах не выдержал, и выругался. Лицо его пошло пятнами. Александр вопросительно посмотрел на него. — Петр Петрович, может быть не надо дальше, может, хватит на сегодня?

— Нет, Александр Павлович, продолжайте, — сказал Ланской, скрипнув зубами. — Мне трудно все это слушать, но ведь это правда?

— Да, Петр Петрович, — правда, ответил Шумилин. — Тогда я, с вашего позволения, продолжу.

В-четвертых, абсолютная неподготовленность наших войск в Крыму к ведению боевых действий. Пример — когда возникла нужда в возведении оборонительных сооружений в Севастополе, выяснилось, что нет шанцевого инструмента. Ни лопат, ни кирок. Деньги, выделенные на его закупку, таинственным образом исчезли. Пришлось посылать гонцов в Одессу, и там за вновь выделенные деньги купить четыре с лишним тысячи лопат (кирок в Одессе не нашли).

Многие военачальники вели себя откровенно предательски. Простите меня, Петр Петрович, но другого слова я найти в своем лексиконе не могу. Во время сражения при Инкермане, поначалу складывающемуся удачно для нас, союзники перешли в отчаянную контратаку. Нужно было подкрепление, чтобы отразить их натиск и развить успех. Но генерал Данненберг так и не сдвинул с места 12-тысячный резерв, а генерал Горчаков, находясь в полутора верстах от места сражения, слыша гром пушек, так и не пришел на помощь русским войскам, до последнего отбивавшимся от французов. А ведь у него было 22 тысячи войска! И мы потерпели под Инкерманом поражение, тогда, когда победа была так близка. Мы упустили единственный шанс снять осаду Севастополя, и потеряли 11 тысяч человек.

— Их, наверное, за это отдали под суд? — спросил Ланской, — это же

просто преступление, что они сделали!

— Нет, Петр Петрович, — с горечью сказал Шумилин, — их просто уволили. И они отправились на заслуженный отдых с пенсией и с правом ношения мундира, который они опозорили.

— Боже мой, это же просто ужасно! — схватился за голову Ланской. А потом тихо сказал. — Александр Павлович, но ведь это не должно повториться?

— Надеюсь, Петр Петрович, — ответил Шумилин. — И мы с вами должны сделать все, чтобы не было ни той войны, ни того позора, ни унижительного Парижского мира.

— Я готов на все, — воскликнул Ланской, — чтобы все было так, как вы сказали! Скажите, что надо сделать, и я сделаю это!

В это время машина подъехала к дому Антона. Уже смеркалось. Но начинались знаменитые питерские белые ночи, и, несмотря на позднее время, было еще достаточно светло. Путешественники выбрались из салона и стали подниматься по лестнице.

— Александр Павлович, — неожиданно сказал Ланской, — если вы снова отправитесь в наше время, то я постараюсь свести вас с Государем, чтобы вы рассказали ему то, что я услышал от вас. Я понимаю, что это непросто, но и приложу все свои силы для того, чтобы организовать такую встречу.

— Эх, Петр Петрович, если бы все было бы так просто, — с горечью сказал Шумилин. — В отличие от вас, государь считает, что лишь он один во всем бывает прав. В нашей истории он все же перед смертью понял, что это не совсем так, но было уже поздно. Исправлять все пришлось его сыну, императору Александру II.

В квартире их встретил Антон. Он был в нетерпении. До ранее оговоренного времени нового контакта с прошлым оставалось совсем ничего. Ланской отправился в спальню, и стал там переодеваться в свой белый кавалергардский мундир. А Антон сел за пульт управления машиной времени, и начал готовить ее к работе.

Как там Хива?

А чем занимался оставшийся в прошлом Виктор Сергеев? Отдыхал, бил баклуши, смотрел из окна на жизнь Петербурга XIX века? Нет, такой трудоголик, как он, не мог сидеть без дела.

Сперва, он прошелся хозяйским взглядом по квартире, и

отремонтировал все, что нуждалось в ремонте. Благо инструмента он с собой прихватил изрядно, ну а руки у него росли не из седалища. Одоевский и княгиня только удивлялись – их гость из будущего сумел отремонтировать даже старые напольные часы, которые стояли в качестве украшения у них в гостиной.

— Виктор Иванович, — воскликнула княгиня, — да вы просто чародей, как это у вас все получается? В ответ Сергеев лишь хитро улыбался, и приглаживал седые усы. Ну а Одоевский, полушутя, полусерьезно сказал, что господин майор даже в их времени не умрет с голода.

— Владимир Федорович, — ответил Сергеев, — в России много таких мастеров, как косой тульский оружейник Левша, сумевший аглицкую стальную блоху подковать.

Заметив, что Одоевский с недоумением смотрит на него, Виктор вспомнил, что Лесков напишет свой бессмертный "Сказ" лишь в 1881 году. Он сходил за электронной книгой, нашел там это бессмертное произведение, и дал его почитать, сначала князю, потом его супруге.

Результат был ошеломляющий. Княгиня залилась слезами, когда прочитала о том, как русский умелец умер "в простонародной Обухвинской больнице, где неведомого сословия всех умирать принимают". А князь задумался, и был неразговорчив весь вечер.

А поутру он куда-то уехал на своем экипаже, и вернулся с высоким стройным генералом лет пятидесяти. Его черные с проседью волосы курчавились, а черные усы были лихо закручены. Лицо генерала показалось знакомо Сергееву. Когда он увидел, что на левой руке гостя на указательном пальце отсутствует фаланга, вместо которой был золоченый наперсток, то сразу узнал человека, с которым его решил познакомить Одоевский. Это был внебрачный сын графа Алексея Разумовского, военный губернатор Оренбурга генерал-адъютант Перовский.

— Василий Алексеевич, — сказал Одоевский, — разрешите познакомить вас с Виктором Ивановичем Сергеевым, майором, гм... в отставке, участника войны в, гм... в Афганистане, и человека, который может быть очень полезен вам, так как имеет большой опыт войны в Азии.

Сергеев знал, что зимой 1839 года Перовский организовал поход на Хиву, который закончился неудачей. И возвратившись в конце весны в Оренбург, Перовский выехал в Петербург, чтобы доложить лично Николаю I об этом походе. И Одоевский, узнав о прибытии Перовского, на правах старого знакомого пригласил его к себе.

Услышав о том, что Сергеев воевал в Афганистане, Перовский

удивленно поднял густые черные брови. Действительно, не считая отрядов, сопровождающих редкие посольства в эту страну, русские войска там не появлялись.

— Виктор Иванович, — спросил Перовский, — вы были в Афганистане вместе с беднягой Виткевичем?

— Нет, Василий Алексеевич, — ответил Сергеев, — я был "за рекой" не с Иваном Викторовичем Виткевичем. Но, впрочем, о печальной судьбе этого замечательного человека мне известно. Англичане не простили ему успехов на дипломатическом поприще в Кабуле, и убили его руками своих наймитов в Петербурге. Он был застрелен, а все бумаги, которые он привез из Афганистана, были похищены.

— Вот как, — обескуражено сказал Перовский, — а я не знал всего этого. А вы, Виктор Иванович, откуда знаете такие подробности? Ведь вы всего-навсего майор, и в подобные государственные секреты не можете быть посвящены?

Сергеев вопросительно посмотрел на Одоевского. Тот лишь пожал плечами, и потом, немного подумав, кивнул. — Эх, была, не была! — Виктор пристально посмотрел на Перовского, вспомнил, сколько тот сделал в реальной истории для России, и сказал,

— Василий Алексеевич, я два года воевал в Афганистане в составе так называемого "ограниченного контингента". Только это было полторы сотни лет тому вперед.

Услышав слова, сказанные Сергеев, Перовский вздрогнул, и с какой-то жалостью посмотрел на Виктора. Он, по всей видимости, подумал, что у отставного майора наступило помрачение ума.

— Друг мой, — сказал Одоевский Перовскому, — я понимаю — о чем вы сейчас подумали. Признаюсь, что и у меня появились сомнения в душевном здоровье моих новых друзей. Но, поверьте мне, уважаемый Виктор Иванович говорит истинную правду. Он, действительно, прибыл в наш мир из XXI века.

Перовский, не веря во все сказанное, растерянно переводил взгляд с Одоевского на Сергеева. Он хорошо знал князя, даже был дружен с ним, но то, что тот ему сейчас говорил, не укладывалось в его голове.

Наконец, он пришел в себя, и прямо спросил у Сергеева. — Милостивый государь, я готов вас выслушать. Вы должны меня понять. Чтобы поверить в то, что вы человек из будущего, вы должны представить мне соответствующие доказательства.

И генерал пристально посмотрел на Виктора. Сергеев, не говоря ни слова, отправился в свою комнату, и вернулся оттуда с большим конвертом.

Достав оттуда пачку фотографий, он, словно пасьянс, разложил их на столе. Тут были и старые, черно-белые снимки, и новые, цветные, которые сделали во время визита князя и княгини в будущее.

— Вот смотрите, Василий Алексеевич, — сказал Сергеев, — это я, молодой еще лейтенант в Парване. Есть такая провинция в Афганистане. Узнать меня трудно, ведь дело было почти три десятка лет тому назад, в 1985 году. А вот я же, в 1986 году у своего танка. — Перовский с изумлением смотрел на картинку, на которой был изображен военный в странной одежде, стоящий рядом с какой-то огромной машиной, ни на что ни похожей. Всем своим опытом военного, Перовский понял, что это именно боевая машина.

А вот картинки, на которых были цветные изображения своих старых знакомых, князя и княгиню Одоевских, окончательно добили генерала. Князь, одетый в странную одежду, стоял во дворе Кронверка Петропавловской крепости – Перовский хорошо знал это место. Но весь двор был заполнен незнакомыми огромными орудиями, боевыми машинами, и еще чем-то, что вообще не поддавалось описанию. А княгиня, одетая весьма легкомысленно, если не сказать более, стояла на Невском – Перовский увидел за смеющейся Ольгой Степановной хорошо знакомый ему силуэт Александрийского театра, перед которым высился памятник, весьма необычной формы. А по самому Невскому ехали какие-то странные экипажи, большие и маленькие.

Перовский растерянно провел рукой по своим кудрям, попытался что-то сказать, но так и не смог подобрать подходящих слов. Потом, все же собрался, и спросил у Сергеева. — Виктор Иванович, — как там в вашем будущем живет Россия? Как Хива, она наша или нет?

На этот раз пришла очередь Виктора почесать свою плешь, и что-то промямлить себе под нос. Уж очень не хотелось ему сказать Перовскому, что границы России сейчас снова проходят там, где они были во времена генерала – неподалеку от Оренбурга.

Чтобы уйти от неприятной темы, Сергеев предложил Перовскому посмотреть на "живые картинки", которые расскажут о том, что произошло в России за почти два века. Генерал согласился. Виктор принес ноутбук, включил его, и дождавшись, когда он загрузится, щелкнул "мышкой"...

Тайная вечеря

Виктор решил показать Перовскому нарезку из документальных и

художественных фильмов, рассказывающих о событиях, произошедших в России до 1985 года. Перестройку и развал СССР наши друзья решили пока не трогать, чтобы не травмировать чувства предков. Все таки будет очень жестоко показывать им, как от страны, за которую они сражались, проливали кровь, в одночасье отвалилась Малороссия, Белоруссия, Закавказье, прибалтийские губернии. Даже Наполеону не удалось сделать то, что сделали три горе-правителя в Беловежье.

Генерал смотрел не отрывая глаз от монитора на эпизоды обороны Севастополя в Крымскую войну, о войне на Балканах в 1877–1878 годах, об убийстве императора Александра II, одним из организаторов которого стала Софья, дочь его племянника Левушки. Василий Алексеевич был потрясен этим до глубины души. Правда, женщина-цареубийца еще и не родилась, а Левушка в данный момент еще холост, и честно служит в лейб-гвардии Гренадерском полку. Но сам факт того, что человек, носящий твою фамилию, поднял руку на самодержца, ужаснул генерала!

Сергееву даже пришлось остановить показ, и накапать ему успокоительного. А ведь Василий Алексеевич Перовский был человеком отнюдь не из робкого десятка. Он участвовал в Бородинском сражении, два года пробыл в плену у французов, отличился в войне с турками в 1828 году, и был тяжело ранен во время осады Варны. Да и во время неудачного Хивинского похода генерал не прятался за спины солдат, и разделил с ними все невзгоды и трудности, выпавшие на их долю.

Потом генерал с удовольствием посмотрел то, как Россия двигала свои границы на Юг и Восток, присоединяя Среднюю Азию и Приморье. Молча, не проявляя никаких эмоций, Перовский наблюдал на экране за событиями Русско-японской войны. Эпизоды "Кровавого воскресения" и баррикадных боев в Москве потрясли его.

— Это бунт, намного хуже того, который был 14 декабря, — воскликнул Перовский, — вот только зачем было стрелять в людей, которые безоружными шли с петицией к царю? Это глупость, или что другое...

Далее шел рассказ о 1-й Мировой войне, о Февральской и Октябрьской революции. Во время показа расстрела царской семьи в Ипатьевском доме генерал побледнел, как смерть, и Сергееву показалось, что он может лишиться чувств. Но Перовский сумел сдержаться, и продолжил просмотр.

Гражданская война, Разруха, Коллективизация, Индустриализация – на все эти события генерал смотрел не отрываясь, словно зачарованный. Он видел, как Россия, носившая новое имя, но от этого не переставшая быть Россией, становилась сильнее, грамотней, богаче. И вот, начало Великой

Отечественной войны...

Тут Виктор опять на время остановил показ, и вкратце рассказал Перовскому о том, кто такие нацисты, и что они хотели сделать с Россией в случае своей победы.

— Опять, как тогда, — сказал Василий Алексеевич, — когда по приказу Бонапарта вся Европа двинулась на нас. Но мы тогда устояли. Думаю, что и наши потомки должны устоять.

Перовский затаив дыхание смотрел документальные кадры и отрывки из фильмов про оборону Брестской крепости, про Битву за Москву, про оборону Ленинграда. Эпически выглядели эпизоды великого сражения на Волге, Курской битвы, и освобождения Европы. Вот она, Победа! По щекам генерала текли слезы. Но он не обращал на них внимание. Это были слезы гордости за свою страну и за свой народ.

Генерал посмотрел фильм про Парад Победы. Затаив дыхание он наблюдал за тем, как к на мокрые гранитные плиты у стен Кремля русские солдаты и офицеры бросали знамена врага.

— Да, — шептал он, — все должно быть именно так, а не как иначе... Только так...

На этом эпизоде Сергеев остановил показ, вспомнив, что осталось всего минут пять до открытия портала и возвращения в прошлое Ланского. Было интересно понаблюдать за тем, как будут себя вести генерал, когда из будущего вернется его современник, сумевший познакомиться с жизнью людей из XXI века.

Объяснив Перовскому – что должно случиться в самое ближайшее время, Виктор включил маячок, и стал ждать. Дальше все произошло по уже привычному сценарию. Появление яркой изумрудной точки, легкий звон, превращение точки в овал, расширение его, и вот – перед изумленным генералом открылась дверь в будущее. Он увидел военного в мундире полковника кавалергардов, и еще каких-то людей, одетых в непривычную для Перовского одежду.

Похоже, что и они были удивлены, увидев рядом со своим другом и четой Одоевских незнакомого генерала. Впрочем, он не для всех был незнакомым. Шумилин, внимательно всмотревшись в его лицо, удивленно поднял брови, и покачал головой.

— Василий Алексеевич? Вы ли это? — спросил он, — вот не ожидал вас здесь увидеть.

— Друзья мои, — сказал он, повернувшись к своим спутникам, — разрешите представить вам генерал-адъютанта Перовского, человека, который всю свою жизнь верно служил России, за что, взойдя на престол в

1855 году, император Александр II возвел его в графский титул.

И Шумилин поприветствовал Перовского полупоклоном. Похоже, что генерал был удивлен словами человека из будущего не менее, чем открытие двери между мирами. — Неужели его знают и помнят в далеком XXI веке?!

Генерал ответил на приветствие Шумилина, и обернулся к Сергееву.

— Виктор Иванович, — сказал он, — а нельзя ли и мне?.. Ну в общем, и я хотел бы хоть одним глазом посмотреть на то, как живут наши потомки...

— Василий Алексеевич, — ответил ему Сергеев, — мы были бы весьма рады вашему визиту в наш мир, но не хватятся ли вас здесь... Ведь вы, наверное, никого не предупредили о том, что будете отсутствовать день-два. К тому же, государь может вызвать вас в любой момент для доклада о походе на Хиву. Его посыльные в поисках вас могут прийти сюда... А нас бы не хотелось привлекать к себе лишнего внимания.

— Пожалуй, вы правы, — немного подумав, сказал Перовский, — действительно, меня могут хватить в самый неподходящий момент...

— Василий Алексеевич, — сказал Шумилин, — мы обещаем вам, что как только обстоятельства изменятся, и у вас появится свободное время, вы станете нашим гостем. Причем, гостем желанным.

— На том и порешим, — ответил Перовский. — Будем ждать...

Антон, сидевший за пультом своей машины, поторопил всех присутствующих, заявив, что надо побыстрее закрывать портал, потому что, расход энергии зашкаливает, и в любой момент может произойти аварийное схлопывание межвременного канала.

Ланской перешел в квартиру Одоевских, Шумилин передал Сергееву пару пакетов с очередными "гостинцами". Потом все присутствующие попрощались, и сияющий овал снова превратился в яркую точку. Через мгновение и она погасла.

— Да, господа, — только и вымолвил Перовский, — не видел бы это своими глазами — ни за что бы не поверил...

Потом он повернулся к Ланскому, — простите, господин полковник, — сказал он, — мне знакомо ваше лицо, но, к сожалению, я не имею чести знать ваше имя...

— Полковник Ланской, Петр Петрович, — ответил кавалергард генералу, — почти сутки гостил в будущем, и вот теперь потихоньку прихожу в себя от всего увиденного там.

— А что вы там такого увидели, Петр Петрович? — вежливо поинтересовался Перовский. — Что вас больше всего поразило?

— Желаете посмотреть? — вопросом на вопрос ответил Ланской,

доставав из папки, которую он не выпускал из рук, пачку фотографий. — Вот, извольте, прошу...

И полковник стал раскладывать, словно огромный пасьянс, на большом обеденном столе Одоевских десятка три фотографий, сделанных во время его "командировки" в ХХI век.

— Это, Василий Алексеевич, оружие, из которого стреляют в будущем солдаты наших потомков, — сказал он, указывая на фотографии, где Ланской был снят в тире стреляющим по мишени из ПМ. На других снимках был запечатлен Сергеев-младший, показывающий мастер – класс стрельбы.

— Это мой сын, — с гордостью сказал Сергеев-старший, — хорошо стреляет из всех видов оружия, да и дерется неплохо. Впрочем, хвастать не буду – если доведется ему попасть в ваше время, то можете увидеть все сами...

На других снимках, сделанных в Каменке, генерал увидел такое, что потрясло и удивило его. А именно: бойцов в касках, одетые мешковатую пятнистую форму, с короткими карабинами в руках, бегущими вслед за огромными боевыми машинами по изрытому ямами и окопами полю.

— Это учения пехоты и танкистов наших потомков, — сказал Ланской. — Танки – такие самоходные боевые машины, которые способны преодолевать любые препятствия, при этом стреляя из пушек и скорострельного оружия. Их мощную броню не пробить ни пулями ни ядрами.

Все это надо видеть самому – рассказывать об этом бесполезно. Замечу только, что в нашем времени ни одна армия мира не выдержала бы атаки нескольких их бронированных машин. Это настоящие орудия смерти. А если бы вы, Василий Алексеевич, видели, как стреляет их артиллерия! А снайпера – это вообще что-то уму непостижимое!

— Виктор Иванович, — обратился полковник к Сергееву, — хотел бы я, чтобы мой сын, когда он родится и вырастет, был хотя бы немного похож на вашего. Вы вырастили воина, которым можно и нужно гордиться!

Перовский долго и внимательно рассматривал разложенные на столе фотографии. Как опытный военный, он понимал, что ни один завод, ни одна фабрика Российской империи, при всем желании, ни сделают хотя бы одну боевую машину, подобную тем, какие есть у потомков. Но, кое-какие идеи развития того же огнестрельного оружия, а уж тем более, тактику и подготовку воинов можно было бы позаимствовать из будущего.

— Петр Петрович, — спросил он у Ланского, — а вы не скажите, как заряжается оружие в ХХI веке? Я так и не понял – как идет перезарядка

после выстрела...

— У них, Василий Алексеевич, патроны уже готовые, — сказал Ланской, — и стреляют их солдаты, воспламеняя заряд с помощью ударного капсюля. Ну в общем, что-то вроде немецких игольчатых казнозарядных ружей системы Дрейзе. Вы должно быть знаете об этом ружье. Как я слышал, его собирается принять на вооружение прусская армия.

— Да, я тоже об этом слышал, — ответил Перовский, — хоть они и стараются держать подробности в секрете. Говорят, что с этим ружьем прусские солдаты смогут делать по четыре-пять выстрелов за то время, пока наш солдат сделает один. Да и перезаряжать эти ружья можно лежа. Государю недавно предлагали разработать нечто подобное и для нашей армии, но он почему-то не захотел этого.

— Виктор Иванович, — спросил Ланской у Сергеева, — а как вы считаете, какие ружья нужны русскому солдату? Или мы и старыми пока обойдемся?

— Нет, господа, — сказал Сергеев, — старые гладкоствольные кремневые ружья, заряжаемые с дула, уже отжили свой век. В Крымскую войну наши войска несли большие потери из-за того, что их противник поражал их с расстояния большего, чем они могли вести по нему ответный огонь. И происходило это потому, что англичане и французы были вооружены винтовками, или, как у вас здесь говорят, штуцерами. А вот если бы у русской пехоты были бы те же штуцеры, да еще с унитарным патроном... Ну хотя бы таким, какой у германских ружей системы Дрейзе. Врагу тогда бы не поздоровилось.

Но вот, что я хочу сказать вам еще — для нового оружия нужна будет и новая тактика. Атака колоннами — это, прежде всего, огромные потери. Раньше, чем эта колонна подойдет к врагу на расстояние штыкового удара, то большая часть наших солдат уже будет выбита огнем противника. Поэтому, в самом ближайшем будущем, вместо колонн в атаку пойдут цепи. Ну примерно так, как сейчас ходят в бой егеря. Да и по сути своей с такими дальнобойными и скорострельными ружьями все солдаты станут егерями. Уйдет в прошлое стрельба залпами, каждый солдат будет самостоятельно выбирать свою цель и стрелять. Самоубийственными станут штыковые атаки с расстояния более чем пятьдесят шагов, но еще долго во всем мире будут боятся русского штыка.

Форма у солдат тоже должна измениться. Вы, Петр Петрович, видели, как одеты наши воины? — Ланской кивнул, и Сергеев продолжил, — форма их такова, что увидеть бойцов можно с гораздо меньшего

расстояния, чем ваших солдат, одетых в яркие мундиры. Соответственно, и целиться в них тоже труднее. Кроме того, есть специальная маскировочная форма. Солдата, одетого в нее, можно не заметить даже тогда, когда находишься от него всего в нескольких шагах.

— А теперь подумайте, господа, — сказал Сергеев, — пойдет ли государь на то, чтобы отказаться от бравого хождения колоннами под вражеским огнем, да еще в такой форме? Вот, то-то и оно...

— Так что же тогда нам делать? — растерянно спросил Ланской, — как нам убедить государя решиться на реформу армии? Ведь с помощью ваших знаний мы можем создать войска, вооруженные лучшим для нашего времени оружием, и использующим новейшую тактику... Обидно будет не воспользоваться такой возможностью...

— Единственный выход, — ответил Сергеев, — это дать возможность государю самому все увидеть. Но только как это сделать? — Я пока ума не приложу...

— Виктор Иванович, — задумчиво сказал Перовский, — я ничего не могу вам обещать, но я постараюсь устроить так, чтобы государь сам захотел посмотреть на мир будущего... Есть у меня тут одна мысль. Но я пока не буду ничего о ней рассказывать... Говорят, что это плохая примета...

Дамские посиделки

А чем занимались дамы, пока мужчины решали государственные вопросы? Они в это время беседовали "о своем, о девичьем".

Как и было заранее договорено, за Ольгой Румянцевой где-то после полудня зашел посыльный от императрицы Александры Федоровны с приглашением заглянуть к ней в Аничков дворец. Это здание Ольге было хорошо знакомо — в нем находился Дворец пионеров. А сейчас это была одной из царских резиденций. Первоначально построенный для тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны, Алексея Разумовского, он потом перешел к его брату, гетману Украины Кириллу Разумовскому, и далее — Григорию Потемкину. После смерти всесильного фаворита дворец одно время находился в распоряжении Кабинета Его Величества. Потом в нем жила сестра императора Александра I великая княгиня Екатерина Павловна со своим мужем, герцогом Георгом Ольденбургским.

А в 1817 году Александр I подарил дворец своему брату великому князю Николаю Павловичу. Будущий император поселился здесь со своей

молодой женой, дочерью короля Пруссии. Как потом вспоминал Николай I, именно здесь он провел самые счастливые годы своей жизни.

Став императором, он переехал в Зимний дворец, но грандиозный пожар 17 декабря 1837 года, после которого Зимний превратился в обгорелую кирпичную коробку, заставил Николая снова на время переехать в Аничков дворец. И лишь совсем недавно, после того, как Зимний в рекордно короткое время был восстановлен, императорская семья выехала из Аничкова дворца.

Во время своего путешествия по Европе наследник русского престола, цесаревич Александр Николаевич не только знакомился с достопримечательностями Старого Света, но и подыскивал себе невесту. В Британии он закрутил интрижку с тогда совсем еще юной королевой Викторией. Дело дошло до того, что королева была готова выйти замуж за прекрасного русского принца. Но под нажимом своих министров она рассталась с Александром, оплакав это расставание в своем дневнике.

А цесаревич выбрал, наконец, себе невесту в Германии. Ею стала 14-летняя Гессен-Дармштадская принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария. Правда, мать Александра, императрица Александра Федоровна очень неодобрительно отнеслась к выбору сына. Дело в том, что Гессен-Дармштадский герцог Людвиг, скорее всего, не был отцом избранницы русского цесаревича. Герцог и герцогиня разошлись за два года до рождения принцессы Максимилианы. И как считают историки, фактическим отцом ее был шталмейстер герцогини француз Луи де Гранси.

Но, как ни странно, на сторону сына встал император Николай I. Злые языки поговаривали, что это произошло потому, что, дескать, "свойка свояка видит издалека". Дело в том, что бытует версия о том, что настоящим отцом Николая был не император Павел, а гоф-фурьер Данило Бабкин, красавец и богатырь. Потому-то Николай ни телосложением, ни лицом не был похож на щуплого и курносого Павла. Дело дошло до того, что Павел в письме к своему другу Федору Ростопчину рассуждал: "Александр и Константин – мои кровные дети. Прочие же? ...Бог весть!.. Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертал манифест "О признании сына моего Николая незаконным", но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг, к дядям, с глаз долой: гоф-курьерский ублюдок не должен быть в роли русского великого князя..."

Самое смешное, что сам Павел, по всей видимости, был сыном не императора Петра III, а Сергея Салтыкова, любовника Екатерины II. А та, в свою очередь, не дочерью своего отца, герцога Ангальт-Цербстского, а

Ивана Бецкого. В общем, та еще семейка...

Но пока невеста находится еще дома, и должна приехать в Петербург лишь к концу года. А пока дворцовое ведомство готовит Аничков дворец к тому, чтобы он стал уютным семейным гнездышком для молодых.

Обо всем этом думала Ольга Румянцева, шагая за присланным за ней лакеем. С собой она захватила небольшой саквояж с парфюмом, и прочими мелочами, которые так любили и любят представительницы прекрасной половины рода человеческого.

Александра Федоровна с нетерпением ждала свою новую знакомую. Женщины, вообще любопытны до чрезвычайности – вспомним, к примеру, миф о Пандоре, — а то, что рассказала ей ее старая знакомая, княгиня Одоевская, чрезвычайно заинтересовало императрицу. Часики на руке княгини привели в восторг Александру Федоровну, и она предвкушала занимательный рассказ о чудесах Нового Света.

Ольга поднялась по широкой мраморной лестнице. Ее проводили в один из кабинетов, где в мягком кресле сидела императрица, и просматривала недавно купленные гравюры.

— Добрый день, ваше величество, — приветствовала ее Ольга.

— Добрый день... — Александра Федоровна на секунду задумалась, а потом, вспомнив имя своей гостьи, продолжила. — Ольга Валерьевна. Я рада, что вы посетили мое скромное жилище.

Ольга усмехнулась. "Скромное жилище" царской фамилии поражало красотой и роскошью и современников императрицы, и людей ХХI века. Причем, все было красиво и целесообразно, совсем не похоже на кричащую безвкусицу, которая была характерна для особняков олигархов и "новых русских".

— Ваше величество, — сказала Ольга, — я принесла кое-что для вас. Думаю, что это вас заинтересует.

И она стала выкладывать из саквояжа на изящный туалетный столик маленькие флакончики-пробнички с духами, тушь для ресниц, тени, несколько пластиковых бутылочек с шампунями и гелями. При этом Ольга открывала бутылочки-флакончики, давала понюхать Александре Федоровне, и также рассказывала, как пользоваться тем или иным парфюмом.

В саквояже было также немного бижутерии, мелкие индийские безделушки, купленные в "лавке колониальных товаров" — так Ольга называла магазинчик, где торговали разными восточными сувенирами. Глаза у императрицы разгорелись. Она наслаждалась запахом духов, любовалась колечками с камушками-"хамелеонами", менявшими цвет в

зависимости от температуры тела и восхищалась слониками, вырезанными из сандалового дерева, излучавшими волнующий аромат Востока.

— Ольга Валерьевна, — сказала она, — я бы с радостью купила бы у вас все это. Скажите, сколько это будет все стоить? У меня, к сожалению, нет сейчас денег, но вы назовите сумму, и государь в самое ближайшее время пришлет вам требуемую сумму...

Ольга хотела ответить, что пусть императрица считает все это подарком от нее, как вдруг их беседу прервал неожиданно раздавшийся откуда-то от входа мужской голос.

— Дорогая, даже в своем собственном дворце вы продолжаете тратить деньги своего супруга. Пора бы и остановиться...

Женщины обернулись. В нескольких шагах от них стоял сам император Всероссийский Николай Павлович. Он улыбался, глядя на враз оробевших женщин. Первая пришла в себя Ольга. Она поклонилась императору.

— Ваше величество, — сказала Ольга, — ваша августейшая супруга не нанесет непоправимого ущерба вашему достатку. Я была бы рада, если императрица приняла все это, — тут Ольга показала на столик, уставленный вещичками из XXI века, в качестве сувенира, напоминающего ей о тех странах, из которых я недавно приехала.

— Так вы путешественница, мадам... — царь на мгновение замялся, ожидая подсказки.

— Это госпожа Румянцева, Ольга Валерьевна, — подсказала императрица, — она недавно приехала из Нового Света, привезя с собой много замечательных вещей.

— Вот как, — сказал Николай, — тогда мне понятен и необычный акцент госпожи Румянцевой, и несколько странное построение ее фраз. Вы, мадам, подданная российской короны, или?..

— Я гражданка Северо-Американских Соединенных Штатов, но русская по происхождению, — ответила Ольга. — Впрочем, если я останусь здесь жить постоянно, то я с радостью стала бы вашей подданной, государь.

Николай с одобрением посмотрел на Ольгу. — Нашей великой стране всегда нужны те, кто сможет принести ей пользу, — сказал он, — а вы, как я вижу, неплохо разбираетесь во всех этих вещичках... — он показал рукой на туалетный столик.

— Думаю, что вы найдете здесь немало знатных дам, которые будут чрезвычайно рады воспользоваться вашими услугами, — добавил царь.

— Я думала об этом, ваше величество, — ответила Ольга, — и, скорее

всего, воспользуюсь вашим советом. В Новом Свете много интересных вещей, которые могли бы пригодиться здесь, в России.

— Это интересно, — сказал Николай, — дорогая, обратился он к жене, — ты узнай, где остановилась госпожа Румянцева, и пригласи ее в любое удобное для нее время во дворец. Я думаю, что нам будет интересно послушать ее рассказы о том, как живут люди на другом конце света. А сейчас я вынужден проститься с вами.

— Мадам, вы конечно не забыли, что через полчаса мы должны быть с вами на разводе караула гвардейцев в Манеже? — обратился он к Александре Федоровне. — Собирайтесь, я буду ждать вас внизу.

— До встречи, госпожа Румянцева, — император кивнул Ольге головой, и вышел из комнаты...

В гостях у волшебника

После ухода императора, Ольга распрощалась с Александрой Федоровной, и, сопровождаемая лакеем вышла из Аничкова дворца. Идти в квартиру Одоевских ей не хотелось. Наверняка там мужчины ведут свои бесконечные беседы о ружьях, пушках и прочей дребедени. Ольга решила прогуляться по Невскому. Было там еще одно место, которое ей очень хотелось посетить. И не только из любопытства.

У Казанского моста напротив одноименного собора стояло известное всему Петербургу здание. Принадлежало оно госпоже Энгельгард, которая устроила в нем нечто вроде "дворца культуры" того времени. Здесь выступали лучшие музыканты Европы (именно в концертном зале ее дома была впервые полностью исполнена "Торжественная месса" Бетховена), и устраивались маскарады, на которые съезжался весь столичный бомонд.

Был в доме госпожи Энгельгардт и некий "Храм очарований или механический, физический и оптический кабинет г. Гамулецкого де Колла". Прежде чем описать чудеса этого "храма", расскажем немного о его создателе.

Антон Маркович Гамулецкий был сыном полковника прусской армии. Родился он в Польше в 1753 году. Там, в Варшаве, в 1780 году молодой Антон познакомился со всемирно известным магом, чародеем и шарлатаном графом Калиостро. Граф, как он обычно поступал в таких случаях, начал свою коммерческую деятельность с основания "египетской масонской ложи", а закончил — торговлей "эликсиром молодости" и прочим разводом богатеньких лохов, коим в любой стране несть числа.

Впрочем, помимо лохов в Варшаве проживали и умные люди. Граф Мосьцицкий, неплохо разбирающийся в химии, быстро разоблачил Калиостро, и тому пришлось срочно покинуть Варшаву, во избежание больших для себя неприятностей. Но на 27-летнего Антона Гамулецкого "маг и чародей" произвел огромное впечатление. Молодой человек уехал вслед за Калиостро в Париж, где стал его учеником. Причем, одним из самых лучших и талантливых.

В 1794 году Гамулецкий приехал в Россию. Он служил в Риге, затем в Санкт-Петербурге, а потом перебрался в Москву. Жил Антон Маркович в Первопрестольной до 1812 года. Во время французской оккупации Москвы, Гамулецкий в огне знаменитого пожара потерял все свое имущество, и после изгнания Бонапарта из пределов России, перебрался в Санкт-Петербург.

Обосновавшись в доме Керстена на Почтамтской улице, ученик Калиостро создал множество удивительных механизмов, которые с удовольствием демонстрирует всем желающим. В отличие от своего учителя, делал он это бескорыстно. Правда позднее, перебравшись на Большую Мещанскую улицу, Гамулецкий стал взимать плату за показ, так как даже маг и чародей хотел кушать. Да и изготовление его чудесных механизмов стоило немало денег.

Ну а уже позднее, пан Гамулецкий перебрался в дом госпожи Энгельгардт, где в его "Храм очарования" валом валили все желающие увидеть чудеса созданные руками умелого мастера.

Вот туда-то и направилась Ольга, несмотря на то, что попасть в кабинет чудесного механика было непросто. Но для симпатичных дам он, как истинный поляк, делал исключения.

Антон Маркович Гамулецкий оказался веселым, неунывающим старичком, седым, как лунь, и, несмотря на свой почтенный возраст, никогда не употреблявшим очков. Был он живым и шустрым, как капелька ртути.

Ольга поднялась в его "Храм очарования" по лестнице, устланной бархатом, вытканном золотом. При входе ее встретило первое чудо: на верхней площадке лестнице в воздухе парила золоченая фигура ангела размером в человеческий рост. Любой мог убедиться в том, что она висит в воздухе без опоры на что-либо. Когда гостя поднялся на площадку, ангел вскинул руку, в которой держал валторну, приложил ее ко рту и заиграл на ней какую-то торжественную мелодию, натурально шевеля пальцами. Стоящий рядом Гамулецкий гордо сказал Ольге: "Десять лет я искал точку расположения и вес магнитов и железа, чтобы ангел держался в воздухе".

По обеим сторонам входной двери стояли две фигуры механических лакеев. Они приветствовали посетителей наклоном головы. Само помещение "Храма очарования" было сплошь обставлено зеркалами, так, что создавалось впечатление безграничного пространства. В одном из кабинетов стоял диван, внутри которого находился включаемый автоматически "музыкальный ящик", начинавший наигрывать сидящему на нем человеку тихую приятную музыку.

Подобных автоматов у Гамулецкого было много. Купидоны с крылышками и луками старательно оттачивали стрелы, из бронзовой вазы появлялся амур, играющий на арфе, механический петух взлетал на насест и, хлопая крыльями, кукарекал. Из угла лаяла механическая собака, механический же черный кот мяукал, шипел, и выгибал спину. По полу, шипя и извиваясь всем телом, ползала механическая змея. Стоявшие на столах часы по мановению "волшебной палочки" чародея останавливались, а маятником "угадывалось" задуманное посетителем число, обозначая его количеством качаний.

Самым удивительным механизмом Гамулецкого была огромная человеческая голова, которая стояла на зеркальном столике. Она отвечала на заданные ей вопросы, причем, на том языке, на котором к ней обращались. Чтобы показать, что под столиком не сидит человек, всем желающим разрешалось взять эту голову в руки, и переставить ее куда угодно. И на новом месте она продолжала беседу тем же голосом.

Ольга был потрясен мастерством и изобретательностью Антона Марковича, который создал эти удивительные механизмы. В наше время, наверное, даже разрекламированный и раскрученный Давид Копперфильд позавидовал бы старому мастеру, создавшему эти чудеса без лазеров, голографии и прочих спецэффектов.

Осмотрев "Храм очарования" Гамулецкого, она решил поближе познакомиться с этим человеком. Антон Маркович, польщенный тем, что такая прекрасная пани, как Ольга Валерьевна, рассуждает о его механизмах, на вполне профессиональном уровне, пришел в полный восторг. И он предложил ей выпить чашечку кофе по-польски, и пообщаться в непринужденной обстановке. Ольга согласилась.

После обмена пышными комплиментами, они сели за столик, и механический слуга принес им две чашечки ароматного черного кофе и тарелочку с печеньем. Ольга выразила свое восхищение его чудо-автоматами. Нырнув в свой саквояж, она порылась в нем, и преподнесла пану Антону сувенирную шариковую ручку со встроенными в нее жидкокристаллическими часиками.

Гамулецкий бережно взял в руки подарок Ольги, с удивлением выслушал ее объяснения о том, что означают эти странные цифры за стеклом, а потом долго, с удивлением разглядывал ручку-часы, ища в них пружину, которая приводит в действие механизм. Покрутив подарок в руках, он взял ручку, быстрым и ловким движением разобрал ее, и достал стержень. Затем, Гамулецкий так же ловко собрал ручку, полюбовался ею, и написал пару строк на листке бумаги. Тонкие и ровные линии привели его в восхищение. Во время всех своих манипуляций он приговаривал дрожащим от волнения голосом: "Удивительно... Превосходно... Непонятно... Это настоящее чудо!"

Потом пан Антон оторвался от созерцания ручки и часов, и впервые, по-новому, внимательно посмотрел на свою гостью. Он долго вглядывался в ее глаза, пытаясь понять — что за человек стоит перед ним. Ольга не отвела глаз от его гипнотического взгляда. Не знаю, что он там, в конце концов, высмотрел, но неожиданно лицо его побледнело. Ученик Калиостро вдруг резко отшатнулся от Ольги, да так, что едва не опрокинул на столике кофейник, и в испуге замахал руками.

— Матка Бозка Ченстоховска! Кто вы, пани! — воскликнул он, — откуда вы пришли в этот мир!

Бедный старик стал креститься дрожащей рукой, словно перед ним стояла не очаровательная петербургская дама, а нечистый в женской одежде, явившийся за его душой прямо из преисподней.

— Успокойтесь, пан Гамулецкий, я совсем не та, за кого вы меня приняли... — сказала ему Ольга, осенив себя крестным знамением. Но Гамулецкий продолжал дрожать крупной дрожью. Было слышно, как от страха клацали его зубы.

Ольга с запоздалым сожалением подумала, что напрасно она так напугала старика. Как бы чего с ним не случилось...

— Пан Антон, — сказала она, — если вы все еще продолжаете сомневаться в моем происхождении, то я могу прочитать вам "Отче наш"... — и, чтобы окончательно успокоить Гамулецкого, начала громко, читать молитву, сначала по-русски, а потом по-польски. Католическому варианту этой молитвы ее в детстве научила бабка по матери, которая была полькой, и, несмотря на членство в партии, регулярно заходила помолиться в костел в Ковенском переулке.

Услышав знакомые слова, и увидев, что с гостьей не происходит никаких изменений (на голове не появляются рога, изо рта не вылезают клыки, а из ушей не валит дым), бедный пан Гамулецкий немного успокоился.

— Слава Богу, — сказал он. — Значит, вы...

— Нет, я не... — ответил Ольга Гамулецкому на так и не высказанный им вопрос.

— Так кто вы? Я же вижу, что вы не из здешнего мира, — с дрожью в голосе спросил он Ольгу.

— Пан Антон, — ответила Ольга, — я действительно пришла сюда из другого мира, который отстоит от вашего нынешнего на многие десятки лет. Но поверьте, что и там знают, помнят и гордятся великим механиком Антоном Марковичем Гамулецким, который с помощью примитивных инструментов, и с помощью эмпирических знаний о природе, сумел создать такие удивительные творения человеческого разума.

— Так, вы из... — прошептал изумленный механик.

— Ни слова, пан Антон, ни слова! Вы и так узнали намного больше, чем вам следовало бы, — сказала Ольга. — Впрочем, я с вами не прощаюсь, надеюсь, что мы еще с вами встретимся. До видзэння!

Поклонившись ошеломленному Гамулецкому, который, как ей показалось, до сих пор еще не пришел в себя, Ольга сбежала по лестнице вниз (ангел прилежно протрубил в валторну, механические лакеи почтительно склонили головы) и вышла на Невский. Постояв немного напротив Казанского собора, она медленно побрела по проспекту в сторону Фонтанки, в дом, где ее, наверное, уже заждались...

Здравствуйте, Владимир Иванович!

А чем занимались в это время те, кто не отправился покорять век девятнадцатый, а остался в веке двадцать первом? — Бездельничали... — А вот и не угадали...

Антон и Александр с Сергеевым-младшим, занимались весьма полезным делом. Антон уже собрал новую установку для перемещения во времени, и теперь с помощью Николая он монтировал ее в пустом гараже автосервиса Сергеева-старшего. По расчетам изобретателя с помощью этой, более мощной установки можно будет перемещать из будущего в прошлое и наоборот, габаритные и тяжелые грузы, не привлекая при этом особого внимания. Тестовый запуск установки назначили на пятнадцать ноль-ноль. А пока Антон гонял Агрегат на холостом ходу. Вроде бы все было в норме.

Следующим этапом должен был стать мобильный вариант машины времени. Но до него руки пока не дошли, хотя все необходимые детали и

материалы были Антоном уже закуплены, а Николай подремонтировал старенький УАЗик, на который Антон собирался установить Агрегат и генератор, питающего его.

К началу испытательного перехода в гараже собрались все, кто был посвящен в тайну машины времени. Приехал и Алексей Кузнецов, который в отличие от его друзей в прошлом еще не был, и из-за чего сильно переживал и комплексовал. Он решил потребовать от Антона, чтобы тот отправил его хотя бы на денек в Петербург 1840 года. У медика были свои планы внедрения в прошлое.

Антон еще раз проверил все параметры Агрегата, потом перекрестился, и сказав: "С Богом!", запустил свое детище на полную мощность. Все дальнейшее происходило по уже знакомому сценарию. Гудение, потрескивание, сияющая изумрудная точка. Потом она увеличилась до размеров подноса, и во внутренности гаража, хлынул поток солнечного света. Присутствующие при сем торжественном моменте увидели синее небо, зеленые заросли ивняка и небольшую рощицу берез. Внимательно приглядевшись, Александр увидел вдалеке шест, с развевающимся на его вершине клочком красной материи. Значит, Иваныч там в XIX веке ничего не напутал, и место, где в XXI веке находится его автомастерская, он вычислил верно. Осталось лишь сделать закладку. Николай взял с верстака стальной стержень с привязанным к нему небольшим "маячком", и через окно во времени воткнул его в землю. Теперь "маячок" будет легко найти с помощью простейшего радиопеленгатора, и с точностью до полуметра определить местонахождение межвременного портала.

Ну а теперь пора отправляться к Антону, где через пару часов состоится очередной сеанс связи с теми, кто ушел в прошлое. Узнав об этом, Алексей "наехал" на своих друзей, и потребовал, чтобы на этот раз и его "откомандировали" в XIX век. На его претензии ни Антону, ни Александру возразить было нечего, и поэтому после небольшого совещания список "временапроходцев" пополнился.

В условленное время портал в квартире Антона открылся. Шумилин не удивился, увидев рядом с Одоевскими и Сергеевым генерал-адъютанта Перовского. Похоже, что Василий Алексеевич все же решил выбраться в будущее, чтобы своими глазами посмотреть на чудеса, о которых рассказывали ему Одоевский и Ланской.

В общем, так оно и оказалось. Перовский при встрече в Зимнем сообщил государю, что он плохо себя чувствует после Хивинского похода, и посему решил пару дней отдохнуть в имении под Петербургом у одного

своего знакомого. Николай не стал возражать, и теперь Василий Алексеевич изнывал от нетерпения, желая поскорее увидеть будущее.

Посоветовавшись, наши друзья решили, что, действительно, генералу будет интересно познакомиться с боевой техникой и воинской учебой бойцов XXI века. Только вот в Каменку им попасть будет сложно – Александр с Ланским были там совсем недавно. Зато можно будет посмотреть на обучение "вованов" в учебном центре Внутренних Войск в Лемболово. Тем более, что и дачи Шумилина и Сергеева находились неподалеку. Так что там можно будет и заночевать. А утром отправиться в автомастерскую Сергеева-старшего, и через вновь открытый портал вернуться назад, в прошлое.

Перовскому такой вариант понравился. Он перекрестился, и шагнул в квартиру Антона. Алексей, готовившийся к переходу, немного задержался, и спросил у генерала,

— Василий Алексеевич, не подскажете, где мне найти вашего чиновника по особым поручениям, который вместе с вами вернулся в Петербург из Хивинского похода? Я бы хотел с ним познакомиться. И еще, не напишете ли вы небольшое рекомендательное письмо, дескать, господин из Германии Юрген Шмидт – очень интересный человек, и вы советуете ему поближе познакомиться с вышеупомянутым господином.

Перовский с улыбкой посмотрел на Кузнецова. — А я ведь совсем не удивлен тем, что вы заинтересуетесь Владимиром Ивановичем, и с удовольствием напишу рекомендательное письмо. А где он остановился – я точно сказать не могу. Впрочем, он должен завтра утром быть у меня в доме. Я напишу записку адъютанту, чтобы интересующий вас господин, получив ее, немедленно отправился к Владимиру Федоровичу... Тем более, что он с князем давно знаком...

И Перовский, присев на табуретку у секретера шариковой ручкой набросал на листке бумаги несколько строк. Потом он отдал записку Алексею, пожал ему руку, и, дождавшись, когда тот отправится в прошлое, и стал наблюдать за тем, как Антон свертывает портал, и закрывает ему дорогу в привычный мир девятнадцатого века. Но генерал был человеком не из робкого десятка. Он с любопытством стал осматривать квартиру людей будущего, удивляясь новым и непривычным для него предметам...

А Алексей, с не меньшим любопытством в далеком прошлом изучал квартиру князя Одоевского. Впрочем, надо было решать неотложные задачи. Первая из них – одеть и обуть гостя из будущего соответствующим образом. Князю в очередной раз пришлось поделиться своим гардеробом.

Виктор же, с нетерпением поглядывал на рекомендательное письмо,

которое, Перовский дал Кузнецову. Интересно, что это за "Владимир Иванович", с которым его приятель так хотел пообщаться? Потом он еще раз вспомнил разговор Алексея с генералом, и вдруг понял, о ком идет речь.

Елки-палки! Как он мог забыть об этом замечательном человеке, который навсегда вошел в историю русской словесности! А ведь Владимир Иванович Даль был не только составителем "Толкового словаря живого великорусского языка", но и моряком, путешественником и прекрасным врачом. Именно он был в числе тех, кто пытался спасти смертельно раненого Пушкина. Именно ему умирающий поэт подарил свой талисман – золотой перстень с изумрудом. Позднее Даль написал Владимиру Федоровичу Одоевскому: "Перстень Пушкина, который звал он – не знаю почему – талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Вам это могу сказать. Вы меня поймете. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное". Даль потом пытался вернуть его вдове поэта, но Наталья Николаевна запротестовала: "Нет, Владимир Иванович, пусть это будет вам на память". Сергеев потом видел этот перстень в музее-квартире Пушкина на Мойке.

Но Даль не только врачевал чиновников и петербургских знаменитостей. Владимир Иванович участвовал, как военный врач, в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в Польском походе 1831 года, в неудачном Хивинском походе. За храбрость он был награжден крестом Святого князя Владимира с бантом.

Вот с этим-то замечательным человеком и врачом хотел познакомиться Алексей Кузнецов. Одоевский, узнав о желании своего гостя, немедленно послал лакея с запиской к адъютанту генерала Перовского.

Потом хозяева и их новые друзья весь вечер сидели в гостиной, беседовали, слушали музыку, словом, в полной мере занимались тем, что замечательный человек и писатель Антуан де Сент-Экзюпери называл "самой большой роскошью на свете".

Пришедшая вскоре из Аничкова дворца Ольга Румянцева быстро подогнала на ручной механической швейной машинке, которую ей передали из будущего, брюки, жилетку и сюртук князя. Теперь Алексей мог выйти на улицу, не рискуя вызвать недоуменные взгляды прохожих, и подозрительные – полицейских.

А утром, вскоре после того, как они снова, все вместе, позавтракали, в дверях гостиной появился лакей, который торжественно объявил. — Ваше сиятельство, к вам посетитель.

Еще минута, и на пороге появился мужчина средних лет с большой, уже начавшей сесть бородой и серо-голубыми, чуть лукавыми глазами. Он

тепло поприветствовал князя и княгиню, галантно поцеловал ручку представленной ему Ольге, после чего стал внимательно смотреть на Виктора и Алексея, будто спрашивая – кому тут из вас я понадобился?

Чтобы не затягивать паузу, Алексей произнес. — Добрый день, Владимир Иванович! Я очень рад вас видеть...

Ни сна, ни отдыха измученной душе...

Было уже два часа ночи, но Император Всероссийский Николай I все еще никак не мог уснуть. Он ворочался на тощем матрасе, брошенном на железную походную кровать, но сон никак не шел. Что-то тревожило его, но что именно Николай Павлович и сам не мог понять...

Государь не был трусом, и храбрость свою доказал не раз. Это было и 14 декабря, когда он лично отправился на Сенатскую площадь к взбунтовавшимся полкам, и во время "холерного бунта" в Петербурге, когда он не побоялся один выйти навстречу обезумевшей и жаждущей крови толпе. Не дрогнул он и перед лицом огненной стихии, во время пожара в Зимнем дворце, когда он вместе с солдатами и пожарными был в самом центре огненного пекла.

Но сейчас Николаю было не по себе. Он страшился чего-то, чему даже было не найти названия. Это ЧТО-ТО не имело ни форм, ни очертаний, но тревожило душу монарха. И причин этой тревоги император тоже не мог понять.

Николай Павлович был человеком глубоко верующим. Но он также верил в предчувствия, и знал, что в трудные минуты жизни они не раз помогали ему принять правильные решения.

Слава Богу, в империи, как внешние, так и внутренние дела не вызывали поводов для тревоги. Правда, на Кавказе шла война, которую Николай получил "по наследству" от своего старшего брата Александра. На юге тоже было неспокойно. На казачьи станицы и селения совершали набеги разбойники из Хивы и Бухары. Они жгли дома и уводили людей в рабство. Оренбургский военный губернатор Василий Алексеевич Перовский попытался сделать им укорот, но поход, к сожалению, закончился неудачей, и понесся большие потери от холода и болезней войско вернулось назад в Оренбург.

— Кстати, — подумал Николай, — надо будет еще раз переговорить с Василием Алексеевичем, подумать, что можно сделать еще для безопасности наших южных рубежей. Он вчера сказал мне, что нуждается в

отдыхе, и отпросился на несколько дней отъехать в имение своего знакомого под Петербургом. Вернется – обязательно с ним поговорю. Это верный человек, именно он был рядом со мной 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

Польское восстание 1830 года изрядно попортило крови государю. — Это все мой братец Константин постарался, — с горечью подумал Николай, — его заигрывания с поляками до добра не довели. Пришлось ему чуть ли не в нижнем белье бежать из Варшавы, а мне вводить в эту проклятую Польшу без малого 180-тысячное войско. Молодец, Дибич, навел в этой Польше порядок. Но, чувствую, что это не последний мятеж. Не знаю, что и делать с этой обезумевшей шляхтой – ведь она требует, чтобы Польшу сделали независимой, и дали ей границы 1772 года. А вот не дождутся! — государь машинально сложил пальцы рук в кукиши.

— Только что мне с ней делать-то, с этой Польшей? Выселить всех поляков в Сибирь? Или истребить их, как истребляют британцы краснокожих в своих заокеанских колониях. Говорят, что они даже платят своим колонистам деньги за головы убитых ими индейцев. Причем, независимо от того, кем были эти индейцы – воинами, женщинами, или детишками.

— Нет, — подумал Николай, — мои подданные так поступать не могут. Да и поляки эти, они ведь тоже разные бывают...

Вон, взять, к примеру, генерала Гауке... Ведь в свое время сражался против нас вместе с Костюшко, до последнего защищал в 1813 году от русских войск крепость Замостье. А потом стал генералом Царства Польского. В ноябре 1830 года он отказался присоединиться к мятежникам, за что был зверски растерзан ими.

Или взять полковника кавалергардов Петра Петровича Ланского. Ведь род их тоже идет из Польши. И что, все Ланские служат России исправно, как и положено подданным русского царя. Кстати, вчера на разводе в Кавалергардском полку Петр Петрович был рядом со мной, и, как мне показалось, хотел что-то важное сказать. И глаза у него были такие... Словно знает ЧТО-ТО, другим неведомое. Опять это проклятое ЧТО-ТО!

Император Всероссийский заворочался на своей узкой кровати. Она жалобно заскрипела под его мощными телесами. Хотя по всей Руси и ходили слухи о железном здоровье царя, но сорокачетырехлетний Николай Павлович знал, что это далеко не так. У него уже начались приливы крови к голове, головокружения, подагра, спровоцированная постоянным ношением узких форменных сапог, донимала государя все чаще и чаще.

— Может быть, нездоровье и является причиной моей сегодняшней

бессонницы? — подумал он. — А вот к врачам я не побегу. Не дождутся. Попробую сам как-нибудь разобраться со своими хворями.

— Но вот государыню показать бы хорошим медикам не помешало бы, — подумал император, — ведь она, бедная, стала часто жаловаться на боли в сердце и на одышку. Да и по женским делам у нее не все благополучно. Ведь моя супруга родила мне десять детей. Трое из них, правда, умерли еще во младенчестве. После рождения в 1832 году сына Михаила врачи предупредили меня, что следующие роды могут стать смертельными для императрицы. И после этого она перестала выполнять супружеские обязанности.

Николай покраснел — он вспомнил о том, как государыня, жалея его, еще сильного и не старого мужчину, разрешила ему иметь "амуры" на стороне.

— Милая моя, — подумал о своей супруге император, — как ей трудно знать об этих моих "васильковых дурачествах", и делать вид, что ничего особенного не происходит. Надо будет сделать ей какой-нибудь подарок к ее именинам.

Николай вспомнил, как Александра Федоровна радовалась, словно девочка, когда разглядывали чудесные вещишки, преподнесенные ей той женщиной, которую он увидел впервые вчера в Аничковом дворце. Ее знали Ольгой Валерьевной Румянцевой. Уж не родственница ли она графу Сергею Петровичу Румянцеву — недавно умершему сенатору. Император вспомнил, что Сергей Петрович не был женат, но у него было несколько внебрачных детей. Гм... Все может быть. Тем более, что, по словам этой дамы, она приехала из-за границы, а граф в свое время был дипломатом, и долгое время жил в Пруссии, Англии и Франции. Надо будет предложить Александру Христофоровичу Бенкендорфу навести о ней справки.

То, что эта дама приехала в Россию издалека, и не знает здешних обычаев, Николаю стало ясно после того, как она не сделала книксен, увидев русского монарха, а просто поклонилась. Император вспомнил, что Ольга Румянцева сказала, что она гражданка Северо-Американских Соединенных Штатов. Ее поведение подтверждает это — эти мужланы в Новом Свете не имеют никакого представления о хороших манерах. Знай, только говорят о своих деньгах...

Император вспомнил, какой шум и писк поднялся, когда императрица показала милые дамские безделушки. Как его дочери, Мария и Ольга нюхали духи и помады, разглядывали какие-то блестящие браслетики и кулончики. Ей-Богу, словно сороки какие-то.

Жаль только, что меньше всего радовалась этим вещицам его любимая

дочка Сашенька, или Адини, как называли ее домашние. Она вообще, словно не от мира сего. Ни гуляет вместе с сестрами, сидит одна-одинешенька, словно монашка. А ведь умна, и от Бога награждена многими талантами. У нее прекрасный слух и хороший голос. Николай очень любил свою младшую дочь, и желал для нее хорошего жениха.

А вот старшие дочери в девках вряд ли засидятся. Николай усмехнулся, вспомнив о курьезном случае, произошедшем несколько лет назад. Тогда молодой корнет лейб-кирасирского Наследника Цесаревича полка князь Александр Барятинский и Великая княжна Ольга Николаевна полюбили друг друга и тайком встречались у общих знакомых. Нельзя сказать, что князь был для Ольги плохой партией – как-никак Рюрикович, но Николай твердо придерживался принципа – члены царской фамилии не должны жениться и выходить замуж за своих подданных.

Государь запретил дочери встречаться с князем. Но хитрый Барятинский, переодевшись в форму караульного солдата, пробрался в Зимний дворец, чтобы там встретить свою любимую.

Но нашлись "добрые люди", которые рассказали царю о проделках русских "Ромео и Джульетты". Николай узнал в караульном солдате князя, снял его с поста, и запер в своем кабинете. А сам, набросив на плечи солдатскую шинель, встал вместо него на часах. Вскоре в полумраке дворцового коридора появилась женская фигура. Это была великая княжна Ольга Николаевна. Она подошла к отцу, и, не зная о подвохе, бросилась в его объятия.

Закончилось все печально для влюбленных. Утром в свой кабинет, где сидел под замком князь Барятинский, с палкой в руках вошел государь. Несколько раз ударив этим "предметом для воспитания" князя, он велел ему: "Сегодня же чтобы ты был по дороге к Кавказу!" Так гвардейский корнет оказался в Кабардинском егерском полку. Сражался, правда, он неплохо, в тылу не отсиживался, был ранен пулей в бок, после чего вернулся в Петербург, где ему была вручена золотая сабля с надписью "За храбрость".

Николай взглянул на часы. Они показывали четвертый час. За окном было уже совсем светло – наступили знаменитые петербургские белые ночи. В пять, самое позднее, шесть часов царь вставал, выслушивал доклады о происшествиях, произошедших в столице за ночь, просматривал почту, привезенную фельдъегерями, после чего, выпив стакан минеральной воды, отправлялся на прогулку по набережной и Летнему саду со своим любимым пуделем Гусаром.

— Летний сад! — неожиданно вспомнил Николай, — вот где у меня

появилось предчувствие ЧЕГО-ТО... И появилось оно после встречи в Летнем саду на недавней утренней прогулке двух незнакомых ему людей. Одеты они были прилично, поведение их тоже, но что-то в них было такое... Не такие они были, как все. Глаза у них смотрели на царя, словно знали что-то ему неизвестное...

И встреча князя Одоевского в том же Летнем саду с утра пораньше... Тоже, взгляд у него был какой-то шалый, словно он только что заглянул туда, куда смертным заглядывать не положено... Странно все это... Надо бы пригласить князя к себе... Но, не в Зимний, а в Аничков дворец... А может быть, самому заглянуть к нему? Ведь они старые знакомые, супруга Владимира Федоровича была фрейлиной жены покойного брата Александра...

— Именно так я и сделаю, — решил вдруг император, — сегодня же, после обеда... Возьму и зайду к князю... И у него переговорю обо всем!

Приняв это решение, Николай повернулся на правый бок, и неожиданно для себя крепко заснул...

Не числом, а умением...

Когда портал захлопнулся, и жужжание Агрегата прекратилось, Антон выпрямился в кресле, и горестно вздохнул.

— Вот, все ходят туда-сюда, — пожаловался он другу, — а я тут сижу за пультом этим, словно межвременной извозчик. Отправляю-встречаю, а самому все никак не выбраться в прошлое, чтобы как следует посмотреть на жизнь наших предков. Мы с тобой, Шурик, один-единственный раз попали в век XIX, и то всего-то на полдня... Как же это мало... А теперь, вон и Лешка в прошлое ушел. Сказал, здравоохранение тамошнее совершенствовать будет...

Перовский, продолжавший внимательно осматривать квартиру Антона, при последних его словах повернулся к изобретателю, и с интересом посмотрел на него.

— А вы, Антон, простите, не знаю, как вас по отчеству, — сказал генерал, — действительно очень хотите попасть в наше время? И, если не секрет, куда именно?

— Эх, любезный Василий Алексеевич, — ответил Антон, — знали бы вы, сколько знаменитых ученых и изобретателей живет сейчас в Петербурге! Какие люди, какие светлые головы! Жаль только, что имена их станут известны народу многие годы спустя. А я бы поговорил с ними,

подсказал бы, ну, чуть-чуть, совсем немного, и изобретения, которые потом сделаю за рубежом, будут сделаны в России, прославив тем самым, как изобретателей, так и нашу страну. А отчество мое, Василий Алексеевич – Михайлович, хотя я не буду возражать, если вы будете называть меня просто по имени...

— Да, как мало мы знаем не только о нашем будущем, но и о настоящем, — задумчиво проговорил Перовский. — Скажите, Александр Павлович, — обратился он к Шумилину, с чего мы начнем, и куда, как писали древние, направим стопы свои?

— А начнем мы, Василий Алексеевич, — сказал Александр, — с того, что начнем вас одевать по нынешней моде. В таком наряде вас на улицу выпускать нельзя. Не поймут-с... Пойдемте, поищем вам соответствующий времени наряд...

Перебрав не такой уж богатый гардероб Антона, они остановились на универсальной одежде XXI века – джинсах, к которым добавили камуфлированную футболку и джинсовую жилетку-разгрузку... На ноги генерал надел поношенные кроссовки, а на голову – бейсболку с эмблемой и надписью UEFA.

Смотрелся в этом наряде генерал Перовский весьма импозантно. Огненный взгляд, черные кудри с проседью, лихо закрученные усы. Дамы, те просто будут штабелями ложиться ему под ноги. Вот только встреч сегодня с дамами не предвидится.

Пока Антон и Перовский занимались гардеробом, Шумилин дозвонился по мобильному до Сергеева-младшего, и попросил его подъехать к ним. Николай сказал, что будет через час-полтора. Второй звонок Александр сделал подполковнику Павлову. Оказывается, Анатолий сейчас едет в ту же сторону, куда собрались они – в Лемболово. Он будет там на "показухе" питерского СОБРа "Гранит". Собровцы покажут свое мастерство молодым бойцам. Анатолий обещал, что гости увидят весь "букет" – стрельба, рукопашка, штурмовая полоса, освобождение заложников. Словом, Перовскому будет на что посмотреть. Ну а потом, после Лемболова было решено всем отправиться на дачу Шумилина, поговорить там "за жизнь", попариться в баньке, словом, отдохнуть в чисто мужской компании. Утром же все вместе отправятся в автомастерскую Сергеева-старшего, и оттуда стартуют в прошлое.

Против такой программы Перовский не возражал. В ожидании Николая, Антон предложил гостю посмотреть по DVD-плееру нарезку из исторических фильмов. Генерал согласился. Антон воткнул флэшку в USB-порт, и на мониторе появились кадры из картин, посвященных истории их

общего Отечества.

Василий Алексеевич с интересом смотрел на экран. Как человек, не видевший ранее ничего подобного, он был восхищен тем, что ему показывали. Особенно его проняла демонстрация сцен Бородинского сражения из бондарчуковской картины "Война и мир". Ведь генерал совсем еще молодым, 18-летним офицером участвовал в этой великой битве под Москвой. Перовский затаив дыхание наблюдал за перипетиями киносражения, поставленного с размахом и с участием сотен статистов. Потом, когда все закончилось, он смахнул слезу, и сказал. — Господа, не знаю, как это все сделано, но очень, очень похоже. Только, знаете ли, в жизни все было намного страшнее...

Вскоре приехал Сергеев-младший, и пригласил всех, как он выразился, "в экипаж". Автомобиль Николая удивил генерала своим видом. Он долго рассматривал машину, а потом, кряхтя с непривычки, забрался в салон.

По дороге Перовский активно расспрашивал своих спутников о жизни в далеком будущем, о назначении той или иной увиденной им вещи, и о том, как они передвигаются на более дальние расстояния.

Так, за разговорами, закончился город, и автомобиль свернул на шоссе, ведущее в сторону Приозерска. Николай нажал на газ, и автомобиль, словно птица, понесся по асфальтному покрытию. Перовский от неожиданности даже замолчал, привыкая к бешеной для него скорости передвижения.

— Да, теперь я понимаю, почему вы так все делаете быстро, — сказал он немного погодя, — вы привыкли быстро все решать, быстро передвигаться, быстро все обдумывать. Ваша жизнь — как этот автомобиль, по сравнению с которым, фельдъегерская тройка — просто черепаха. Нам, живущим в тихом и плавном течении времени, наверное, будет трудно понять некоторые ваши поступки... Впрочем, так оно и должно быть — новое время — новые песни.

По Приозерскому шоссе они добрались до Лемболово. На подъезде к учебному центру Внутренних войск Шумилин позвонил по мобильнику подполковнику Павлову, предупредив, что они скоро будут на месте. Ждать долго не пришлось — когда машина остановилась у ворот учебного центра, через КПП к ним вышел Анатолий, одетый в пятнистый камуфляж.

— Я уже обо всем договорился, — сказал он, — вот пропуск, давайте, идем быстрее, сейчас начнется самое интересное. Надеюсь, что вас не надо предупреждать о том, что снимать все, что здесь происходит, а уж, тем более, лица бойцов, категорически запрещено.

Пройдя через КПП, все направились к штурмовой полосе, которую

преодолевали крепкие парни в полной снаряге, с нашитым на рукаве щитком, на котором был изображен крест с мечами, похожий на орден святого Владимира, и с надписью "Гранит" и "Отряд специального назначения". То, что они делали, привело Перовского в восхищение. Бойцы-собровцы мчались сквозь огонь и дым, ныряли в проемы окон, карабкались на стену дома, и все это в быстром темпе, не выпуская из рук оружия.

Потом было их коронное шоу – "освобождение заложников". Собровцы молниеносно штурмовали захваченный "преступниками" автобус с "заложниками", задерживали "нехороших парней", и освобождали их "жертв".

После "заложников" началась демонстрация приемов рукопашного боя. Мелькали руки и ноги, бойцы словно отплясывали боевой танец индейцев, вышедших на тропу войны. Для полного сходства их лица были разрисованы черными и зелеными полосами.

Покидав ножи и саперные лопатки в деревянный щит, собровцы пошли в тир, где продемонстрировали быструю и меткую стрельбу по мишеням. Традиционное разбивание кирпичей ребром ладони, и досок ступнями ног, уже было "десертом", после которого, на глазах у восхищенных молодых вэвэшников, они раскланялись, и присели отдохнуть в тени на деревянную лавочку.

Перовский, сосредоточенно молчавший во время всего этого действа, наконец, открыл рот и спросил. — Александр Павлович, кто эти люди?

— Василий Алексеевич, — ответил Шумилин, — это бойцы специального подразделения министерства внутренних дел. Их задача – задержание вооруженных преступников, освобождение захваченных ими людей, и другие спецоперации, где требуется умение владеть всеми видами огнестрельного и холодного оружия, приемами рукопашного боя, ну, и, конечно, думать головой над тем, как с наименьшими потерями добиться победы над врагом.

Василий Алексеевич, это бойцы штучные, они не ходят в атаку, они действуют небольшими группами, используя все свои навыки и умения. Нельзя всю армию сделать такими, как они. Но в структуре армии и министерства внутренних дел без них не обойтись. Вы прикиньте, как быстро бы можно было управиться с мятежными горцами на Кавказе, не гоняясь за ними целыми батальонами, а то и полками, а направив с десяток-другой таких парней. Они бы добрались до самого Шамиля. Кстати, большая часть из них уже успела повоевать в Чечне.

А в Средней Азии? Эти орлы, только стоит дать им приказ, самого бы

Хивинского хана Алла-Кулла приволокли бы к вам в мешке. Причем, утащили бы его из собственного гарема, да так, что ни один бы евнух не проснулся. Стоявший рядом Антон хихикнул, и сказал голосом "товарища Сухова" – В Старой крепости Абдуллу надо было через трубу брать...

Шумилин, Павлов и Сергеев-младший, засмеялись. Так и не поняв причин их веселья, Перовский спросил, — но, наверное, очень непросто найти людей, которые смогли бы сделать то, что делают эти, как вы говорите, бойцы?

Шумилин немного подумал, а потом ответил генералу. — Непросто... Это да... Но найти можно, а вот подготовить их, обучить – на это понадобится не один год. Но зато потом...

И он мечтательно, закрыв глаза, стал представлять себе – что бы натворили в веке XIX бойцы СОБРа. Перовский посмотрел на лицо своего собеседника и вздрогнул. Ему только сейчас пришло в голову, что люди из будущего не только приятные и жизнерадостные собеседники, но и смертельно опасные для своих врагов противники. — Поэтому, — подумал генерал, — надо, чтобы они были для нашей империи друзьями, а не врагами. Именно на этот момент надо обратить внимание государя, если, паче чаяния, мне удастся завести с ним беседу о наших гостях из будущего.

Попрощавшись с подполковником Павловым, который с любопытством поглядывал на Перовского, наши друзья снова сели в машину, и отправились в сторону Пери. Там находилась дача Шумилина, и именно там предстояло поговорить откровенно с генералом Перовским, рассчитывая, что все сказанное ему, рано или поздно дойдет до ушей императора Николая I...

С легким паром!

От Лемболова до Пери – считай рукой подать. Николай, высадив своих пассажиров у калитки участка Шумилина, а сам проехал еще немного, и загнал машину на свой участок.

Перовский с любопытством осмотрелся. Небольшой участок – всего 10 соток – был засажен плодовыми деревьями и кустами смородины и крыжовника. Александр пригласил гостей в дом. Сложенный из соснового бруса, он и внутри сохранял структуру дерева. В доме пахло деревом, было очень уютно, и только здесь Шумилин мог полностью отдохнуть от всех городских забот.

Пришел Сергеев-младший, неся в руках кастрюльку с замаринованной

бараниной. После баньки можно попить холодного пивка и поесть кусочки пахнущего дымком, тающего во рту мяса. Но, для того, чтобы помяться и попариться, надо было накачать в бак воды и протопить баню. Этим Александр поручил заняться Антону и Николаю. А сам сел на диван, и пригласил присесть рядом Перовскому, который, похоже, был переполнен сегодняшними впечатлениями, и похоже, немного устал.

— Вот, так мы и живем, Василий Алексеевич, — сказал он генералу, — землевладение есть, а вот крепостных – нет. Ни одного... И ничего, живем, не жалуемся...

— Знаете, Александр Павлович, — задумчиво сказал Перовский, — я тоже не особо нуждаюсь в крепостных. Да и происхождение мое... Вы ведь знаете – дедушка мой, Кирилл Разумовский, даже став фельдмаршалом и графом, хранил у себя во дворце свитку, в которой у себя в селе пас волов... А матушка моя, Мария Михайловна, Царствие ей Небесной, — тут генерал встал и перекрестился на иконы, которые стояли на полочке в красном углу шумилинского дома, — так она была не из дворян, а из мещан.

Я понимаю, Александр Павлович, что вы имеете в виду. Скажу вам, что и государь весьма озабочен крестьянским вопросом. Если сказать откровенно, то освободить крестьян от крепостной зависимости легко. Вы знаете, что две трети имений заложены в казну, и помещики владеют им лишь номинально. Они задолжали казне огромную сумму – более 500 миллионов рублей...

— Знаю, — ответил Шумилин, — в свое время русский историк Василий Осипович Ключевский – вы его не знаете, он родится только в 1841 году – писал: "Собственно говоря, освобождение крестьян можно было совершить чисто финансовой операцией, назначить срок уплаты долгов, а затем конфисковать имения..."

— Вот как? — удивился Перовский, — а в общем, так оно и есть... Но государь не пойдет на такой шаг. Ведь это вызовет недовольство всего дворянства, что чревато уже не Пугачевщиной, а дворцовым переворотом... А это опасней – император знает, чем все кончилось для его отца...

— Да, поэтому он и старается действовать постепенно, — сказал Шумилин, — я знаю о реформе, которую подготовил граф Киселев. В царствование императора Николая Павловича было принято около 200 законов, ограничивающих крепостное право, а в период с 1826 по 1855 годы получили вольную 1 миллион 700 тысяч крепостных... Его сын и наследник Александр Николаевич, став императором, в 1861 году освободит полностью крестьян. Но сделает это так глупо и бездарно... А, впрочем, не будем пока об этом...

— Ну что, Тоха, готово? — спросил он у друга, вышедшего с раскрасневшимся лицом из бани.

— Минут через десять-пятнадцать можно заползать, — ответил Антон, сделав несколько больших и жадных глотков воды из глиняного расписного кувшина.

— А как вы, Василий Алексеевич, баньку любите? — спросил Антон у Перовского. — У нас все серьезные дела между серьезными людьми обсуждаются именно в банях. Что-то вроде римских терм получается...

— Не знаю, — смущенно сказал Перовский, — для нас бани — это место где люди моются, и не более того... Впрочем, я не прочь погреть косточки. Помнится, когда меня, пленного, французы вели босиком по снегу — сапоги с меня они сразу сняли — то я так замерз, что кажется, до сих пор никогда не могу согреться. А что было в недавнем Хивинском походе... — голос Перовского вздрогнул, — я и сейчас вижу перед собой замерзающих солдат, умирающих лошадей, дорогу, усеянную трупами людей и животных...

— Василий Алексеевич, — Шумилин тронул за плечо Перовского, — то, что было, уже не вернуть. Хива и Бухара — разбойничьи гнезда и притоны работорговцев, будут взяты русскими. И не без вашей помощи. В 1851 году вы, в нашей истории, снова вернетесь в Оренбург, став генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний. В 1853 году вашими войсками будет взята кокандская крепость Ак-Мечеть. В честь вас она будет переименована в Перовск.

Окончательно же добьют Хиву в 1873 году. И сделает это генерал Кауфман. Хивинский хан будет валяться в его ногах, вымаливая пощаду... Вот так-то!

Перовский, внимательно слушавший рассказ Александра, вздохнул и сказал, Как жаль, что я не доживу до этого дня...

— Почему не доживете? — удивился Шумилин. — Ну, во-первых, наши медики помогут вам поправить здоровье, а, во-вторых, можно не ждать вашего возвращения в 1851 году. Мы могли бы подсказать вам, как лучше подготовиться к походу на Хиву, подучить ваших воинов действиям в степных и пустынных местностях. У нас Иваныч в Афгане повоевал, что почем знает хорошо... А натаскать ваших орлов поможет его сынуля. Он, между прочим, пороху понюхал и тем ребятам, которых вы сегодня видели, ничем не уступит.

— А ведь в этом что-то есть, — задумчиво подкручивая свои роскошные усы, сказал Перовский, — я и правда хотел подать в отставку и уехать лечиться в Европу. Государь не осудил меня за неуспех моего

похода. И можно будет организовать новый поход. Как вы говорили – спецоперацию.

Господа, я готов предоставить вам возможность создать в Оренбурге что-то вроде того тренировочного центра, который я видел сегодня. Там я хозяин, и вы сможете без оглядки на кого-либо делать все, что захотите. Только надо найти наставников, которые могли бы учить наших солдатиков.

— Мы подумаем над этим, — сказал Шумилин, посмотрев вопросительно на Николая. Тот чуть заметно кивнул ему. — Поищем и, я надеюсь, найдем.

— Ну все, дорогие мои, — прошу, — сказал Антон, приглашающим жестом указывая на баньку. — Пар нормальный, водичка горячая, веники распарены...

После всех банных процедур, размякшие и расслабленные, из будущего и их гость сидели на лавочке на веранде дома Шумилина, и лениво переговаривались. Николай, который в это время раскопегарил мангал, быстро и умело нанизал куски мяса на шампуры и принялся свяшенно действовать, помахивая специальным опахалом, и сбрызгивая водой слишком разгоревшиеся угли. По участку расплзался аромат жареной баранины.

Антон встал с лавочки, и отправился в беседку накрывать на стол. А Александр и генерал продолжил прерванную беседу.

— Василий Алексеевич, — сказал Шумилин, — надо как-то легализовать наше пребывание в вашем времени. Поймите нас правильно – мы не хотим создавать некое тайное общество, — при этих словах Перовский непроизвольно дернулся, — вот именно, чтобы у государя не возникло неприятных для него аналогий.

С другой стороны, о нашем присутствии в вашем времени должен знать ограниченный круг людей, которым государь мог бы абсолютно доверять. Вы можете себе представить, что может произойти, если кто-то из его недругов и врагов нашего Отечества узнает о нашем существовании.

Ведь наши знания – это такое страшное оружие, что никак нельзя позволить кому-либо получить это оружие, и обратить его против России.

— Да, я это понимаю, — задумчиво сказал Перовский, — думаю, что у меня в Оренбурге ваши люди будут в полной безопасности. Уж я-то прослежу за этим самолично.

А вот в Петербурге... Тут надо сделать так, чтобы вы ничем не выделялись из обычных подданных государя. И самое главное – как сделать, чтобы только государь мог общаться с вами. Ну еще, конечно, те

люди, в ком вы, как я полагаю, полностью уверены — князь и княгиня Одоевские, полковник Ланской, ну и мой старый знакомый Владимир Иванович Даль.

— Именно так, Василий Алексеевич, — сказал Шумилин. — Ну ладно, я вижу, как наш друг Антон зовет нас в беседку. Стол накрыт, настало время устроить праздник живота.

Усевшись за стол, Александр разлил по бокалам пенистое холодное пиво. На тарелках были разложены политые кетчупом куски жареного мяса.

— Ну что ж, мои гости дорогие, — сказал Шумилин. — С легким паром! И за то, чтобы мы смогли помочь нашему Отечеству победить всех его врагов!

После этих слов все присутствующие с удовольствием отхлебнули горьковатый и холодный янтарный напиток...

Глава 6. "Потрясение основ"

Незванный гость

То, к чему так стремились наши друзья, произошло неожиданно, и побудничному просто. Впрочем, обо все по порядку...

Тот день был чем-то вроде дня отдыха. Вечером, правда, надо были отправиться на Черную речку, и там посмотреть, как работает новый портал. И заодно встретить побывавшего в будущем генерала Перовского. Алексей, вчера долго о чем-то говоривший с Далем, отправился с ним в Императорскую медико-хирургическую академию, чтобы посмотреть на то, как предки лечили больных. Вернулся он только под вечер, и долго потом сидел на столике у окна, стуча клавиатурой своего нетбука. Похоже, у него появились какие-то мысли о совершенствовании системы здешнего здравоохранения.

А утром, после завтрака, на улице потемнело, и хлынул проливной дождь. Идти никуда не хотелось, и чета Одоевских вместе со своими гостями предавалась блаженному ничегонеделанию. Две Ольги ушли в комнату княгини, и там щебетали о чем-то своем, женском. Владимир Федорович же попросил Сергеева посмотреть на его ноутбуке какой-нибудь фильм, не слишком серьезный и, как сказал князь, "не про войну". Похоже, что Одоевский, несмотря на ратные подвиги его предков, был ярым пацифистом.

Остановились на кинокомедии Гайдая "Иван Васильевич меняет профессию". И смешно, и в тему – о таких же, как и они путешественниках во времени. Вполне естественно, что многое князь не понимал – реалии Москвы XX века ему были неизвестны. Но юмор – вещь вневременная, и даже люди 40-х годов XIX века его воспринимали как надо. Даже Виктор и Алексей, которые видели эту кинокомедию бесчисленное количество раз, и знали ее наизусть, с удовольствием наблюдали за приключениями жулика Милославского и управдома Бунши во времена царя Ивана Грозного. А Одоевский, так тот порой смеялся до слез. И вот, когда во время царской трапезы хор певчих, и солист в лице Милославского-Куравлева, голосом Валерия Золотухина запел: "Вдруг, как в сказке скрипнула дверь...", дверь в столовую действительно скрипнула, и в нее протиснулся лакей, с перекошенной бледной физиономией, а вслед за ним вошел... Да-да,

именно он, Божиею поспешествующею милостью Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, и прочая, и прочая, и прочая... Немая сцена...

Князь Одоевский, Сергеев и Кузнецов, захваченные врасплох, с изумлением таращились на царя, а тот, в свою очередь, не отрывал удивленных глаз от экрана ноутбука, где Жора Милославский лихо отплясывал с царевнами, а управдом Бунша наряженный в царские одежды, любезничал с Марфой Собакиной.

— Г-г-господа, что это, — первым пришел в себя Николай, указывая перстом на продолжающий крутить гайдаевскую комедию ноутбук. — Что это за штука такая, и откуда она у вас?

— Ваше величество, — на правах хозяина дома ответил самодержцу Одоевский, — эта штука называется ноутбуком, и показывает она живые картинки. Ну как если бы они были сохранены с помощью особого устройства, и по воле хозяина этого ноутбука их можно посмотреть сколько угодно раз. А сделан сей прибор за пределами вашей империи...

— Удивительно, — промолвил царь, не отводя глаз от монитора. — Так, все-таки, где делают эти, как вы сказали, князь, ноутбуки, и как он появился у нас...

Одоевский вопросительно посмотрел на Сергеева. Тот едва заметно кивнул. Князь набрал побольше воздуха в грудь, и начал рассказывать Николаю с самого начала — о том, как однажды к нему пришли двое незваных гостей из XXI века, и о том, как он отправился в будущее, увидев своими глазами удивительный и загадочный мир...

Николай с недоверием слушал рассказ Одоевского. Впрочем, о князе давно уже сложилось мнение, что он не от мира сего, достаточно было перечитать некоторые его романы. Ведь он и раньше писал о будущем. Так что ничего удивительного нет в том, что люди из будущего пришли именно к нему.

Но, одно дело догадываться об этом, а другое — воспринять случившееся как реальность. Рациональный и трезвый ум царя отказывался соглашаться с тем, что рассказал ему Одоевский. Прибор, показывающий живые картинки мог быть изготовлен некими умельцами, и ничего сверхъестественного в нем не было. А князь мог повредиться умом, сочиняя свои романы.

Но, то чувство чего-то нового, необычного, которое и привело Николая в квартиру Одоевского, не позволяло ему согласиться с доводами рассудка. Он еще раз бросил взгляд на монитор... Но живых картинок на нем уже не

было. Сергеев, воспользовавшись тем, что царь был занят разговором с Одоевским, остановил фильм и выключил ноутбук.

— Ваше величество, — сказал Одоевский, — вы можете верить или не верить мне. Но я действительно побывал в будущем, и свои слова я могу вам доказать прямо сейчас. Кстати, я хотел бы представить вам, ваше величество, тех, у кого я был в гостях.

Николай изумленно посмотрел на Виктора и Алексея. До последних слов Одоевского он их как бы не замечал. Мало ли что за люди пришли в гости к князю – ведь Император Всероссийский не обязан знать в лицо всех своих подданных. А они оказывается...

— Ваше величество, — начал представление Одоевский, — перед вами Виктор Иванович Сергеев, майор в отставке, человек, сражавшийся за Россию на Кавказе и в Средней Азии.

Виктор наклонил голову, приветствуя Николая. Тот с интересом посмотрел на Сергеева. Все же император считал именно военных "солью земли", и к штатским относился с некоторым пренебрежением. Он благосклонно кивнул Виктору, и спросил. — Господин майор, в каких местах вам довелось воевать?

— Ваше величество, — ответил Виктор, — мне пришлось сражаться и в горах Афганистана, и в Чечне... Был дважды ранен и контужен. Ушел в отставку по выслуге лет.

— Ваше величество, — продолжил тем временем Одоевский, — позвольте представить вам Алексея Юрьевича Кузнецова, доктора из будущего. У них научились лечить самые тяжелые болезни. Я думаю, доктор Кузнецов расскажет вам много интересного и полезного.

— Господин Кузнецов, — сказал Николай, — а какие заболевания у вас теперь могут лечить? И действительно ли вы можете справляться с любыми недугами?

— Ваше величество, — ответил Алексей, — всемогущ лишь Господь, а мы лишь простые смертные. Но, Владимир Федорович сказал вам правду – многие болезни, которые в вашем времени считаются неизлечимыми, нашими лекарствами вполне излечиваются. Ваше величество, ваша супруга, и ваша дочь Александра в нашей истории скончались от чахотки. У нас эти болезни излечиваются...

Николай, вздрогнувший при последних словах Алексея, с надеждой посмотрел на него. — Господин Кузнецов! — воскликнул он, — если то, что вы говорите – правда, и если вы сможете вылечить дорогих мне людей, то моя благодарность вам будет безгранична!

— Ваше величество, — сказал Алексей, — я обещаю сделать все, что в

моих силах. Все лекарства, которые имеются в нашем XXI веке, будут в вашем распоряжении.

В этот момент открылась дверь комнаты княгини, и оттуда вышли две Ольги. Увидев Николая, они немного растерялись, но дружно сделали книксен, приветствуя императора.

— А, старая знакомая! — воскликнул самодержец, — знаете, а я ведь догадывался, что вы прибыли к нам издалека. Только вот, даже не предполагал, что настолько издалека... Ай, лгунишка, — Николай шутливо погрозил Ольге пальцем, — а говорили, что вы из Северо-Американских Соединенных штатов... Нехорошо лгать царю...

— Ваше величество, — кокетливо улыбнулась Ольга, — вы слишком строги к женщинам. Ведь мы обожаем мистификации и редкая дама говорит всю правду даже законному супругу. К тому же, скажите честно, ваше величество, если бы я рассказала вам при первой встрече – кто я и откуда, то вы вряд ли мне поверили бы?

— Нет, конечно, — ответил Николай. — Но вы, князь, почему вы сразу не рассказали мне о том, что к вам прибыли гости из будущего. Вы ведь понимаете, что это дело государственной важности. А вы, Владимир Федорович, скрыли это от меня...

— Ваше величество, — обратился к царю Сергеев, — позвольте мне ответить за князя Одоевского. — Это мы попросили его никому не рассказывать о произошедшем. Князь дал нам слово. Ведь, ваше величество, информация о нашем появлении является тайной, и ее надо сохранять во что бы то ни стало. Ведь мы знаем – что будет в самом ближайшем времени. И этим знаниям цены нет. Мы уже не говорим о тех вещах, которые у нас есть. Вот, к примеру, ноутбук, который показывает фильмы – или, как сказал Владимир Федорович, "живые картинки".

Но помимо этого в нем хранится столько информации, сколько нет в самой большой библиотеке мира, а информация, это сила меняющая мир. В нем тысячи фотографий нашего оружия, чертежи механизмов и устройств, за которые те же британцы не пожалели бы отдать столько золота, сколько мы ни запросили бы. Но мы хотим, чтобы наши знания были достоянием одной лишь России, и не были бы использованы против нее.

Николай задумался. — Господин майор, — сказал он, — в ваших словах я вижу резон. Действительно, о вашем существовании никто, кроме ограниченного круга особо доверенных людей ни должен знать. А как вы, кстати, попадаете из прошлого в будущее, и наоборот?

— Ваше величество, все происходит с помощью машины, построенной одним из нас, — ответил Виктор. — Принцип ее работы

непонятен даже мне, но главное – она работает. Кстати, сегодня произойдет открытие портала между прошлым и будущим. Если хотите, можете увидеть, как это происходит. Только, ваше величество, надо сделать так, чтобы кроме вас никто это не увидел.

— Да, вот как? — удивился Николай, — я хочу присутствовать и своими глазами увидеть это чудо. А насчет секретности... — царь на минуту задумался. — Скажите, господин майор, где именно вы намерены открыть, этот ваш портал в будущее?

— На Черной речке, ваше величество, — ответил Сергеев, — там мало народа, и как мы надеемся, никто не увидит всего происходящего.

— Тогда сделаем все следующим образом, — хитро улыбнувшись сказал Николай, — сейчас отправлюсь во дворец, а вечером, за час до начала вашей "амбаркации" я отправлюсь гулять в Летний сад. Князь, когда вы будете проезжать по Фонтанке, сверните на набережную у Прачечного моста. Там я буду вас ждать. Один, без сопровождающих. С вами мы доедем до места, и увидим то, что мне очень хочется увидеть.

— Хорошо, ваше величество, — сказал Одоевский. А Виктор и Алексей переглянулись. Надо будет предупредить друзей, и первыми добраться до условленного места. Ну и заодно проверить, не последует ли кто из ведомства Александра Христофоровича Бенкендорфа в качестве хвоста за Николаем I. Предосторожность, знаете ли, никогда не помешает...

Это уму непостижимо!

Когда за Николаем закрылась дверь, все присутствующие стали дружно чесать затылки. Встреча с царем произошла, но не так, как это хотели наши друзья. Николай, скажем прямо, застал их врасплох, и Виктору с Алексеем пришлось импровизировать на ходу. Теперь надо было прикинуть, как обставить все так, чтобы царь увидел именно то, что ему следовало увидеть, и не более того.

Следовало исключить встречу Николая с Перовским. Да и о Ланском следует помалкивать до поры до времени. Император был изрядно напуган в 1825 году военным мятежом, и с тех пор весьма неодобрительно относится к высокопоставленным военным, которые пытаются вести самостоятельную политику. Николаю могут не понравиться контакты с людьми из будущего через его голову, что может навести самодержца на очень неприятные мысли.

Сергеев объяснил ситуацию князю и его супруге. Те, подумав, признались, что он прав, и обещали помалкивать о похождениях Ланского и Перовского в XXI веке.

Сергеев и Кузнецов стали собираться в дорогу. Виктор взял с собой "маячок" и, на всякий случай, прихватил с собой травматическую "Осу". Алексей, как человек гуманной профессии, сунул в рукав сюртука две соединенные между собой веревкой палочки, именуемые в будущем нунчаками. Дело в том, что в молодости Кузнецов довольно серьезно занимался восточными единоборствами, и неплохо научился орудовать разными приспособления для членовредительства.

На извозчике они добрались до Черной речки и, после того, как отпущенный ими мужичок уехал, бормоча под нос что-то о "барских забавах – похоже, что он принял их за дуэлянтов – с помощью простейшего радиопеленгатора, сварганенного Антоном, они нашли оставленный Николаем "маячок", показывающий место, где откроется дверь в будущее. До начала предварительного сеанса связи осталось минут двадцать. Наши друзья внимательно осмотрели местность, прилегающую к выбранному им месту, но никого не обнаружили.

— Ну что, Иваныч, — спросил Кузнецов у друга, — давай подумаем, как мы будем себя вести с царем? Ведь если что-то пойдет не так, нам здесь больше будет делать нечего. Придется просить Антоху, чтобы он поискал другую дыру во времени. Хотя, если честно, тут мне понравилось, да и с Одоевскими я сдружился. Хорошие люди, хотя и князья.

— Да у Одоевского мать из крепостных, — улыбнулся Кузнецов, — но, как бы то ни было, я тоже к князю искренне привязался, и очень хочу ему помочь. В одной клинике уже ждут княгиню, чтобы пролечить ее от бесплодия. Ведь жаль будет, если такой древний и славный род закончится на нем. Как ты считаешь, Иваныч?

— Я с тобой полностью согласен, — сказал Сергеев. — Да и надо не допустить повторения Крымской войны в этой реальности. Севастополь жалко...

— Так что, Виктор, дожимаем ситуацию, — сказал Алексей, — тем более, что пока вроде все идет нормально. Вон, глянь, вроде начинается...

В воздухе повисла изумрудная точка, которая через несколько мгновений превратилась в овал. Заглянув в него, Сергеев увидел улыбающееся лицо своего сына, расписанное черно-зелеными узорами боевого грима.

— Привет, Миколка! — крикнул он, — как дела?!

— Привет, батя! — ответил Сергеев-младший, — у нас все в порядке.

Вот, прорубили новое окно в прошлое. Теперь не будем наводить панику на слуг князя, превратив его квартиру в проходной двор. Сейчас мы с Денисом вылезем, и проверим обстановку. А то, может, вы на хвосте кого сюда притащили...

Тем временем овал раздвинулся и стал метра три диаметром. Из темноты гаража на лужайку выпрыгнули "двое из ларца, одинаковых с лица". Сергеев-младший прихватил с собой своего двоюродного брата Дениса, сына сестры Виктора. Он де-факто сейчас руководил автомастерской Сергеева. Срочную Денис служил в разведбате морской пехоты Черноморского флота. Тогда-то он и насобачился бегать по Крымским горам в лохматом камуфляже, ломать ладонью доски, и прочим приемам лишения жизни ближних. Он был посвящен в дела дяди и его приятелей. Денис с удовольствием принял приглашение своего кузена "тряхнуть стариной".

Парни были одеты в камуфляж "Леший", лица разрисованы боевыми узорами, а в руках они держали по "Сайге". Виктор махнул рукой, и его орлы скрылись в кустарнике. А из глубины гаража, щурясь от яркого света, вышли Антон и генерал Перовский. Василий Алексеевич уже обрядился в свой парадный мундир. Он с удовольствием втянул носом чистый воздух петербургского пригорода.

— Привет, Антон, — поздоровался с другом Кузнецов, — и вам тоже привет, Василий Алексеевич. Но только, друзья мои, я вас хочу немного огорчить. Все, как у Гоголя: "К нам едет ревизор!"... Точнее, не ревизор, а сам государь император, Николай Павлович. Подробности потом, скажем только, что Василию Алексеевичу ему лучше не попадаться на глаза. А посему, господин генерал, вам придется немного задержаться в будущем. Вы вернетесь назад с Антоном, и по старой схеме попадете в свое время в квартиру князя на Фонтанке.

Перовский, нахмурившийся было при известии о том, что здесь скоро появится государь, снова заулыбался, и в знак согласия кивнул головой. Он шагнул в глубину гаража, и оттуда на прощание помахал рукой. А Антон задумчиво почесал кончик носа, а потом спросил,

— Ребята, и как у вас с ним? Надеюсь, вас не упрячут в Петропавловку, или в Шлиссельбург? К вам еще не приставили ищеек Бенкендорфа?

— Тоха, давай поговорим обо всем подробно не сейчас, когда у нас времени в обрез, — сказал Сергеев. — А с Николаем у нас первое общение прошло вроде бы нормально. Как дальше все будет, не знаю. Поживем — увидим...

— Если доживем..., — сказал Антон. — Хорошо, я – на товсь. Сейчас отведу генерала в офис, чтобы его тут никто не заметил. На время отключаюсь. Новый сеанс – через полчаса.

Загудело, зажужжало, обруч сжался в точку, которая вскоре погасла. Минут через пятнадцать из кустов вынырнули ржущие во весь голос Николай и Денис. Оказывается, во время обхода окрестностей они наткнулись на влюбленную парочку из местных, которые расположились под кустиком и совсем было приготовились к интиму. И тут из лесной чащи на них неожиданно выползли две фигуры в лохматых шкурах, со страшными мордами. Словом, не то лешие, не то оборотни. Перепуганные парень и девица с визгом ломанулись в лесные дебри, оставляя на ветках клочки одежды.

— Ну теперь года на три в округе только и будет разговоров о нечистой силе, которая окопалась в здешних лесах, — сказал с трудом сдерживая смех Сергеев-старший. — А теперь, мальцы, быстренько жмите к дороге, и наблюдайте. Как только появятся гости – подадите сигнал по рации.

Кузены-разбойники козырнули отставному майору, и снова словно растворились в кустах. А Виктор и Алексей стали ждать.

Вскоре у Сергеева запищала в кармане рация, и голосом его сына сообщила, что со стороны Питера по дороге движется открытый экипаж, в котором сидят двое. Один из них – старый знакомый, князь Одоевский, а второй – дяденька, который гарцует на бронзовом коне на Исаакиевской площади.

— Точь-в-точь император Николай Павлович, — сказал Сергеев-младший. — Я сейчас пройду за ними по дороге, проверю насчет хвоста.

— Действуй, — сказал ему отец.

— Ну что, Алеша, будем показывать товар лицом государю императору? — Обратился он к Кузнецову, — держаться, бодро, отвечать коротко, словом – что нам стоит сбегать в прошлое – так, плевое дело...

Вскоре из-за изгиба дороги появилась коляска, запряженная парой лошадей. В ней сидели на мягких подушках князь Одоевский и Николай I. Подъехав к ним, царь и князь вылезли, разминая затекшие от долгого сидения ноги. По знаку Николая кучер развернул коляску, и снова скрылся за поворотом.

— Господа, именно здесь и откроется ваше окно в будущее? — скептически спросил Николай у Сергеева. — Я не вижу тут никаких механизмов, которые могут быть приведены в действие. Хм...

— Ваше величество, — ответил Виктор, — все произойдет именно

здесь и через несколько минут. Подождите немного...

Николай хотел было что-то сказать еще, но тут в центре поляны вспыхнула яркая изумрудная точка, в течение минуты превратившаяся в огромный обруч.

— Боже милостивый! — изумленный царь перекрестился, — что же это?! Господа, вот так, оказывается, просто все... Это уму непостижимо!

— Ваше величество, — ответил вышедший из полутемного гаража Антон, — если вы знали, сколько сил стоило построить такую вот машину. И мы сделали это... Разрешите представиться: Воронин Антон Михайлович. Создатель машины времени и инженер.

— Господин Воронин, Россия должна гордиться вами, — воскликнул Николай, — и я очень рад, что в нашем Отечестве через сотни лет после нас продолжают рождаться такие таланты!

Пока Антон и царь обменивались комплиментами, сзади них раздвинулись кусты, и на лужайку вышли камуфлированные фигуры с "Сайгами" в руках. Почувствовав за спиной присутствие посторонних, Николай обернулся, и изумленно воскликнул. — А это кто такие?! Что за чудища?!

— Ваше величество, — спокойно ответил Сергеев-старший, — эти люди обеспечивают нашу и вашу безопасность. Один из них, кстати, мой сын. А насчет их одежды... Именно такую форму у нас носят разведчики. В ней они могут спрятаться в лесу так, что мимо них пройдешь в двух шагах, и не заметишь.

— Да, — задумчиво произнес царь, — как много у вас всего интересного... Господа, а могу ли я, хоть одним глазком, посмотреть на будущее? Не сегодня, конечно, а, например, послезавтра. В это же время на этом же месте...

— Ваше величество, — ответил Антон, — конечно, мы будем рады видеть вас у нас в гостях. В назначенное вами время портал будет открыт. Мы ждем вас в XXI веке...

Недреманное око

Портал, наконец, закрылся, и Антон перевел дух. Вместе с ним в гараже все еще находились Николай и Денис, вернувшиеся из небольшой прогулки в прошлое. Да, не каждый день приходится лично видеться с самодержцами. Впрочем, Антон подумал про себя, что если дела пойдут на лад, то подобные встречи станут более частыми.

Он вышел из гаража, велел Сергееву-младшему обесточить тут все и закрыть дверь, поставив помещение под сигнализацию. До сих пор на имущество авторемонтной мастерской мазурики не покушались, но, как говорится – береженого и Бог бережет.

У машины его поджидал взволнованный Перовский. Василий Алексеевич понимал всю сложность создавшейся ситуации. Антон успокоил его, сказав, что все будет в порядке, и он снова окажется в XIX веке через пару часов.

Всю дорогу до дома Антона генерал молчал, рассматривая через окно автомобиля проносящиеся мимо него дома, вывески, любопытные лица людей, обращавшие внимание на его мундир с эполетами. Но мало ли сейчас "ряженных" бродит по улицам Северной Пальмиры? Реконструкторов сейчас хоть пруд пруди. И можно преспокойно встретить шагающих с мобильником в руках викингов из какого-нибудь клуба исторического фехтования, или членов очередного "дворянского собрания" во фраке или сюртуке.

В квартире Антон включил свой Агрегат, дождался, когда откроется портал, и, к удивлению Ольги и княгини Одоевской, которые сидя мирно щебетали в гостиной, отправил Василия Алексеевича в его время. Обещав Ольге потом рассказать все подробнее, он выключил портал, и стал ждать приезда Шумилина. С ним он в первую очередь решил обсудить создавшуюся ситуацию.

Александр приехал часа через полтора. Он был занят своими делами, готовясь к отправке в прошлое. По мобильнику еще во время движения Антон кратко сообщил ему о встрече с Николаем, но более конкретно они решили все обсудить при личной встрече.

Антон пересказал своему другу о том, что произошло в гараже. Шумилин задумался. Похоже, что спокойная и размеренная жизнь заканчивалась. Дальше начинался сплошной экшн с элементами хоррора.

— Знаешь, Тоха, — сказал наконец Александр, — похоже, что нам придется вскоре познакомиться с еще несколькими историческими персонажами.

— Ты имеешь в виду Александра Христофоровича Бенкендорфа? — спросил Антон.

— Может и с ним, — ответил Шумилин, — но с большей долей вероятности я полагаю, что первым нами заинтересуется Леонтий Васильевич Дубельт. Начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

— А собственно, нафиг мы им нужны? — удивился Антон, — мы вроде устоям империи не угрожаем и комплот против священной особы государя не создаем.

— Видишь ли, Тоха, — сказал Шумилин, — достаточно того, что мы просто обозначились рядом с Николаем. Тем самым мы попали под колпак спецслужб Российской империи. Ты думаешь, что когда он гуляет с собачкой по Летнему саду, или пешком фланирует по Невскому, то за ним никто не наблюдает, и никто не охраняет? — Как бы не так — за царем ведется слежка, причем, весьма тщательная и аккуратная. И люди, которые ею занимаются, мастера своего дела. Они и нашим ОПУшникам не уступили бы. А другие, не столь искусные, но более настырные хлопцы потом выясняют — с кем это беседовал при встрече государь, и стоит ли его опасаться. Это, естественно, не касается тех, кто знаком государю, и считался вполне благонадежным.

Был случай, Николай повстречал во время прогулки одного заезжего французского актера. Царь покалякал с ним, а потом пошел своей дорогой. Актеришку же через несколько минут взяли за цугундер полицейские и потащили в участок. За то, что он, дескать, "приставал на улице к императору". Потом, естественно, установили личность француза, что было довольно сложно сделать, так как француз не понимал по-русски, а полицейские были не бельмеса во французском, извинились и отпустили его.

Вот так-то. Причем, наблюдение может вестись, как людьми Бенкендорфа, так и людьми Дубельта. Хрен, конечно, редьки не слаще, но я бы предпочел лучше иметь дело со своим тезкой. Леонтий Васильевич — личность больно склизкая, и, я бы сказал, более сволочная. Хотя, работая в таких структурах, трудно быть белым и пушистым...

— Понятно, — протянул Антон, — а скажи мне, Шурик, как мы должны себя вести в общении с этими персонами?

— Быть осторожными, — ответил Шумилин, — я совсем не против того, что люди из тамошних спецслужб охраняют Николая от разных неприятностей. Тем более, что сам наш новый знакомый в этом отношении ведет себя довольно беспечно. Например, когда царь после пожара и ремонта снова вернулся в Зимний дворец, то он приказал снять ночные посты у своих личных покоев. А ввел их его старший брат Александр, который хорошо помнил о том, что случилось с их отцом Павлом I в одну из мартовских ночей 1801 года.

А ведь после подавления польского восстания некоторые горячие шляхтичи собирались всерьез совершить теракт в отношении Николая. О

чем его не раз предупреждали и Бенкендорф и Дубельт. Но он отправлял их в игнор, продолжая в одиночку гулять по улицам града Петра. Впрочем, против самих охранителей он ничего не имел. Он только требовал, чтобы охранники не попадались ему на глаза.

Я, Тоха, опасаясь другого. Если мы станем часто и без особой огласки встречаться с Николаем, то на нас начнут точить зубы люди из его окружения. Кто из зависти, кто из желания узнать то, что им знать не положено. Совсем будет скверно, когда в наши взаимоотношения начнут совать нос ребята из конторы Карлуши Нессельроде. Во-первых, они шустрят не только за рубежом, что им положено по службе, но и лезут в дела внутренние. К тому же сам Карлуша пляшет под дудку австрийского канцлера Меттерниха, что совсем скверно. Да и прочие европейские государства содержат в Петербурге целую свору своих агентов. И они с ходу заинтересуются новыми фигурами, появившимися рядом с Николаем.

— Так что же нам делать, — спросил Антон, — и жандармы будут за нами пасти, и шпионы нос совать. Схрумают нас, и не подавятся.

— Не бойсь, Тоха, — улыбнулся Шумилин, — жандармы и люди Бенкендорфа, какие бы они не были, все ж слуги государевы. И в открытую против царя не пойдут. Будут, конечно, плести интриги, как же без этого. Но если Николай прикажет им – вот ЭТИХ не замать, то они будут дело свое делать, хотя может и без особого удовольствия.

— Ох, Шурик, как мне все это... — морща нос, произнес Антон, — хотя, если что, уходим в век XXI, уничтожаем аппаратуру, и живем, как и жили до этого.

— Ну ты это брось, — одернул друга Александр, — чтобы мы, да не справились с какими-то там жандармами и джеймсами бондами недоделанными! Стыдно нам будет, взять и сбежать. Или мы не ТриАда?!

— Да ладно, Шурик, — сказал Антон, — это я так... Будем кумекать. Все же за нами знания третьего тысячелетия. Да и не одни мы. И здесь и там есть люди, которые нам помогут... Так что ты говоришь насчет тамошних спецслужб?

— Тебе интересно? — спросил Шумилин. Антон кивнул, и тогда бывший опер продолжил. — Начну с Александра Христофоровича Бенкендорфа. Буду говорить в стиле Копеляна: "Истинный ариец – родом из Лифляндии, корни уходят во Франконию... Мужик храбрый, пороку понюхавший – воевал с турками, с Наполеоном, имеет двух Георгиев и золотую шпагу с бриллиантами "За храбрость". После ухода Наполеона из Москвы – первый ее комендант... Партизанил не хуже Дениса Давыдова, лихой кавалерист... По жизни – тоже не труслив... 1824 году когда в Санкт-

Петербурге случилось большое наводнение он стоял на балконе с государем императором Александром I. Не выдержал, сбросил с себя плащ, доплыл до лодки и спасал весь день тонущих...

Имеет опыт оперативной работы. Еще в 1821 году предоставил императору Александру I докладную записку о "Союзе благоденствия", предупредив, что настроены сии ребята серьезно, и не остановятся перед цареубийством...

Участвовал в следствии по делу декабристов. В 1826 году стал шефом жандармов, и в том же году возглавил III-е отделение СЕИВ канцелярии.

В 1828 году потрянул стариной – был рядом с Николаем на фронте во время войны с Турцией. В 1832 году "за заслуги" получил графский титул..."

Вот вроде и все о его личности. Теперь о службе. III-е отделение – чисто аналитическое учреждение, которое оперативной работой практически не занималось. В свое время было заточено под наблюдение за высшими армейскими чинами и гвардейцами – царь помнил, откуда вышли его "приятели" по делу 14-го декабря... Штат III-го отделения был небольшой, а дел на него навешано больше, чем достаточно.

Теперь о жандармах и их начальнике, Леонтии Васильевиче Дубельте. Тоже "из арийцев", тоже повоевал, при Бородине был ранен. В молодости якшался с "вольными каменщиками", состоял аж в трех масонских ложах сразу. Правда, в 1822 году, когда масонство в России было запрещено, дал подписку о разрыве с "братьями". Также путался с декабристами, был знаком со многими из них. В 1826 году даже привлекался по делу 14-го декабря. Но по рассмотрению следственной комиссии все обвинения против него оставлены "без внимания".

В Корпус жандармов попал в 1830 году, сумел там понравиться Бенкендорфу, быстро пошел в гору, после чего подсел своего шефа, став в 1839 году его начальником. Ему извинительно лишь то, что Александр Христофорович к тому времени стал сильно хворать, и часто отсутствовал на службе.

В общем, как я тебе уже говорил, личность довольно скользкая. Впрочем, что характерно, развернув сеть осведомителей, он оплачивал им услуги суммами кратными тридцати – в память тридцати иудиных серебрянников.

Вот с ним-то, Антон, нам и придется, скорее всего, иметь дело. Другого выхода нет. И чтобы вас, штатских, а также военных, этот типус не обвел вокруг пальца, надобно мне, старому оперу, отправляться в год 1840-й.

Так что, Тоха, я не зря тут занимался личными делами. Завтра я буду у тебя со всеми своими архивами, а ты отправишь меня в век XIX-й... Будем налаживать там агентурную работу...

Нелегкие раздумья

Окно в будущее захлопнулось, исчезла висящая в воздухе изумрудная точка, и наступила тишина. Лишь где-то в кустах чирикала птичка, да за поворотом дороги всхрапнула застоявшаяся лошадь.

Николай достал из кармана мундира белоснежный батистовый платок, и вытер вспотевший лоб. Он был человеком трезвомыслящим, и в чудеса не очень-то верил. Но, то, что сейчас произошло, иначе как чудом не назовешь.

Впрочем, самодержец был еще и глубоко верующим человеком. И иначе, как Промыслом Божьим сие чудо не могло быть объяснимо. К тому же он заметил в вырезе расстегнутой рубашки Антона серебряный крестик, что говорило о принадлежности людей из будущего к Православной церкви. Да и стоящие рядом с ним Виктор и Алексей явно были не похожи на слуг Нечистого.

Теперь следовало решить – как использовать открывшиеся перед ним возможности, и насколько будут полезны для государства им управляемого знания и технические возможности его новых знакомых. Решив не откладывать на потом решение этих вопросов, он обратился к князю Одоевскому.

— Владимир Федорович, я хочу вернуться в Петербург вместе с Виктором Ивановичем. Если вы не возражаете, то обождите здесь немного, я отправлю вам первого же встреченного нам извозчика.

Одоевский понял, что царь желает приватно побеседовать с Сергеевым, и не стал возражать.

— Ваше величество, — сказал он, — погода хорошая, и мы с Алексеем Юрьевичем прогуляемся на природе, выйдем на Каменоостровский проспект, а там уж точно найдем извозчика, который нас и довезет до дома. Так что, ваше величество, не стоит беспокоиться.

— Ну вот и отлично! — воскликнул царь. — Виктор Иванович, — он повернулся к Сергееву, — прошу вас.

И Николай решительно зашагал в сторону своего экипажа. Устроившись на мягких подушках, царь и отставной майор первые несколько минут молчали. Виктор понял, что Николай никак не может

решить – как ему себя вести с человеком из будущего. По идее, он не был его подданным, но в то же время находился на территории Российской империи, Государем которой был он.

Виктор решил взять инициативу в свои руки, и первым обратился к царю.

— Ваше величество, считайте, что я ваш гость, а как говорят на Востоке: "Гость – ишак хозяина". Я приму любые формы взаимоотношения и поведения, которые вы мне предложите...

— Ну что ж, — после недолго раздумья ответил Николай, — пусть будет именно так, как вы сказали. Обращайтесь ко мне "ваше величество" – этого будет вполне достаточно. Все промахи в соблюдении этикета вам не будут поставлены в вину. Я понимаю, что в будущем взаимоотношения между людьми гораздо проще, чем в наше время.

— Господин майор, — продолжил разговор Николай, — по дороге сюда князь Одоевский успел мне немного рассказать о том, что ему удалось увидеть во время его кратковременного пребывания в XXI веке. И о том, что произошло в нашей истории. Упомянул он и о войне, которая начнется через тринадцать лет, во время которой мы потеряем половину Севастополя и вынуждены будем заключить невыгодный для нас мир. Так ли это было на самом деле? И почему мы потерпели в той войне поражение?

Сергеев, который в свое время тщательно проштудировал историю Крымской войны, задумался. Ему не хотелось рассказывать о вещах, которые были бы лично весьма неприятны царю, и в то же время ему не хотелось лгать. Поколебавшись немного, он сказал. — Ваше величество, я бы не стал говорить, что Россия потерпела поражение в войне, позднее названной Крымской. Россия не сумела одержать в ней победу. Союзные англо-франко-турецко-сардинские войска понесли в этой войне потери бóльшие, чем русские войска. Им удалось захватить в Крыму Южную часть Севастополя, а на Балтике недостроенную крепость Бомарзунд, над проектом которой, вы, ваше величество, лично трудились.

Николай насупился и кивнул, а Сергеев, сделав паузу, продолжил, — на Севере и на Тихом океане войска и флот противника не добились успеха, а на Кавказе русские войска под командованием генерала Муравьева взяли турецкую крепость Карс. В общем, победа ваших противников была весьма сомнительной. И лишь под нажимом ваших нынешних союзников – Австрии и Пруссии, сменивший вас на троне Александр Николаевич был вынужден пойти на заключение в Париже мирного договора.

— Вот как... — задумчиво сказал царь, — значит, мой сын будет отдуваться за все то, что началось при мне?

В ответ Сергеев лишь пожал плечами. Николай задумался, а потом тихо спросил. — Виктор Иванович, — а как я умер?

— На этот счет существует достаточно распространенная легенда, согласно которой вы, якобы, в глубоком отчаянии велели вашему лейб-медику Мандту дать вам яд... — сказал Сергеев.

Николай, услышав эти слова, в возмущении замахал руками. Сергеев понимающе кивнул, и продолжил свой рассказ, — я знаю, что вы, как человек верующий в Господа Нашего Иисуса Христа, — тут Виктор перекрестился, и царь последовал его примеру, — никогда не совершили бы такой смертный грех. Наши медики, изучавшие историю вашей болезни, пришли к выводу, что вы скончались от пневмонии. В наше время такую болезнь довольно успешно лечат. Умерли вы, как настоящий христианин, причастившись и исповедавшись.

Николай и Виктор минут пять молчали. Экипаж катил по Каменоостровскому проспекту, и был уже на подходе к Петропавловской крепости.

— Виктор Иванович, не составите ли вы мне компанию, — неожиданно спросил Николай, — я хотел бы зайти помолиться в Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла.

— Я не возражаю, — ответил Сергеев, — в этом соборе похоронены все русские цари, ваши предки. И в наше время там проводятся богослужения.

Получив указание от царя, кучер свернул на деревянный мост через Кронверкскую протоку и подъехал к воротам Иоанновского рavelина. Часовой, увидев сидящего в экипаже царя, вызвал дежурного офицера. Тот примчался встречать самодержца вместе с комендантом Петропавловской крепости генералом Иваном Никитичем Скобелевым. Сергеев с любопытством смотрел на деда знаменитого русского полководца Михаила Дмитриевича Скобелева. "Однорукий генерал", как прозвали Скобелева за увечье, полученное во время подавления Польского мятежа, с пустым левым рукавом генеральского мундира, и помятым морщинистым лицом, выглядел настоящим старым рубакой, "не знающим слов любви". Но впечатление было обманчивым. Иван Никитич был не чужд литературному творчеству, и публиковал свои воспоминания о сражениях, в которых ему довелось участвовать, в "Русской старине".

Приложив к головному убору трехпалую правую ладонь — два пальца были оторваны шведской пулей во время сражения при Кирке Куортане в войне со Швецией в 1808 году, старый вояка браво доложил царю о том, что в крепости все в порядке, и никаких происшествий не случилось.

Узнав, что государь желал бы посетить место упокоения своих предков, Скобелев предложил Николаю лично проводить царя и его гостя в собор. При этом Иван Никитич все время косился на Сергеева. Наметанный глаз ветерана узнал в нем своего "коллегу", такого же, как и он ветерана, вдоволь понюхавшего пороха. Но, он не стал задавать ненужных вопросов, и он почтительно шагал рядом с Николаем, хозяйским взглядом обозревая подведомственную ему территорию.

В соборе царь отстранил спешно подошедшего к нему настоятеля, и вместе с Сергеевым подошел к алтарю. Прочитав "Отче наш" и "Верую", Николай перекрестился, посмотрел на Виктора, который вслед за царем читал молитвы, и предложил ему жестом пройти к могилам русских царей. Они постояли рядом с надгробиями Петра Великого и Екатерины II, потом, опять же жестом остановив Сергеева, Николай подошел к могиле своего отца, императора Павла I, и преклонил колени. Помолившись, он встал, внимательно посмотрел на Виктора, и кивнул ему головой в направлении выхода.

Выйдя из собора, все перекрестились в последний раз, и в сопровождении генерала Скобелева направились в сторону Иоанновского равелина. Там царь и его гость сели в экипаж, и через Воскресенский наплавной мост перебрались на другую сторону Невы. У Летнего сада они распрощались.

— Виктор Иванович, — сказал царь, — я готов отправиться в ваше будущее. Когда у вас будет снова открыто окно в ваш век?

— Завтра, около семи часов вечера, — ответил Виктор. — Алексею пора возвращаться. Его ждут работа и больные. Вместе с ним вы можете отправиться в будущее. Когда и где мы завтра с вами встретимся?

— В половине седьмого я буду ждать вас в экипаже на Каменном острове у церкви Иоанна Предтечи. Вы знаете, где это? — Сергеев кивнул, — и Николай продолжил, — я постараюсь, чтобы никто не знал о нашей встрече, хотя...

— Ваше величество, — сказал Виктор, — я прекрасно все понимаю, и рассчитываю на то, что Леонтий Васильевич Дубельт не будет излишне любопытным...

— Вот-вот, — усмехнулся Николай, — и после соответствующего моего внушения, как мне кажется, он не станет совать свой нос в наши дела. Ну а если что, то ваш сын и его кузен сумеют отбить охоту к излишнему любопытству...

Сергеев кивнул, и на лице его появилась кривая усмешка. Виктор на мгновение представил, как в руках Николая и Дениса бьется человек в

"гороховом пальто", с ужасом глядя на их размаленные черно-зелеными узорами лица.

— Все будет в порядке, ваше величество, — сказал отставной майор, — ровно в половине седьмого я буду с Алексеем Юрьевичем ждать вас в условленном месте. Всего вам доброго...

— Всего доброго и вам, Виктор Иванович, — сказал царь. И приложил в знак прощания ладонь к своей треуголке...

Царская встреча

Вернувшись в квартиру Одоевских на Фонтанке, Сергеев огорошил всех известием, что Николай I решился на путешествие в будущее. Хотя он и высказал желание заглянуть в Россию XXI века, но никто не ожидал, что это произойдет так скоро.

Главная забота легла на хрупкие плечи Ольги Румянцевой. Ведь царя надо будет сразу же переодеть в то, что носят люди в Петербурге начала третьего тысячелетия. А габариты Николая Павловича были такие, что не всякий костюм мог подойти ему по размерам. Напомним, что ростом император был высокого – 189 см, и телосложения атлетического. Врач Конногвардейского полка Карелль, в 1849 году осматривавшего 53-летнего Николая I потом вспоминал: "Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало... Я убедился, что все это самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовой".

Ольга на глазок прикинула размеры брюк и рубашки для высокого гостя, а также его обуви. Было решено, что она отправится в будущее вместе с ним, чтобы сняв мерку с Николая, на машине вместе с Николаем сгонят в магазин и купить нужную одежду и обувь.

С ними в свое время собрался отправиться и Алексей, которому пора было возвращаться в свою клинику. Он был известен среди своих коллег, как заядлый турист и рыбак, но слишком долгое отсутствие могло вызвать ненужные подозрения.

Четвертой в этой компании была княгиня Одоевская. Алексей обнадежил ее известием о том, что Ольгу Степановну готова принять частная клиника, специализирующаяся на лечении бесплодия, и она, не раздумывая ни минуты, дала согласие отправиться в будущее, чтобы получить шанс познать счастье материнства. В общем, компания

подбиралась большая. Было решено, что Николай станет гостем Шумилина, который, как человек, неплохо знающий историю XIX века, может рассказать царю о том, что происходило в мире в последующие годы, а княгиня проживет все это время у своей тетки.

Сергеев, тем временем выглянул сквозь шторы в окно. Так и есть – на набережной, прислонившись к парапету, стоял ничем не примечательный человек в одежде мастерового. Он делал вид, что ему просто нечего делать, и что он со скуки наблюдает, как грузчики с пришвартованной неподалеку баржи выкатывают на набережную бочки с соленой рыбой.

— Ясненько, — подумал Виктор, — а вот и посланец от Александра Христофоровича. Общение с самодержцем не проходит без последствий. Впрочем, как любит говорить Шурик – на то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Скверно только будет, если эти ребята сядут нам на хвост завтра, когда мы отправимся на Черную речку.

Впрочем, Николка с Дениской должны будут присмотреть, чтобы о тайне нашего портала никто не узнал. Кроме тех, кому об этом знать положено. Надо будет переговорить на эту тему с Николаем Павловичем. Я знаю, что он очень не любит, когда даже его самые верные слуги суют свой нос в личные дела монарха.

Виктор решил послать на разведку Ольгу Румянцеву. Пусть она сходит с княгиней, прогуляется по Невскому, а заодно, посмотрит, один ли филер дежурит у дома на Фонтанке, или их несколько. И заодно, подкупит кое-чего из того, что в веке XIX считается обычными вещами, а в веке XXI-антиквариатом. Расходы на лечение княгини будут солидные, так что надо подумать и о финансовой подпитке этого мероприятия. Посоветовавшись с Алексеем Кузнецовым, Виктор пришел к выводу, что лучше всего для этого подойдут часы знаменитой часовой фирмы Breguet. Шумилин, имевший связи среди антикваров и коллекционеров, помнится, говорил ему, что такие часы могут стоить очень больших денег. Правда и в XIX веке они были дорогим удовольствием, но князь Одоевский был готов на любые расходы для того, чтобы его любимая супруга была счастлива.

Едва женщины вышли из дома и прошли несколько шагов в сторону Невского, как меланхолично стоявший на набережной "мастеровой" неожиданно оживился, достал из кармана своего жилета носовой платок и вытер им лицо. Похоже, что это был условный сигнал.

В этом Ольга убедилась, заметив человека в чиновничьем вицмундире, который до того сидел на каменной тумбе у ворот, и делал вид, что с увлечением читает "Северную пчелу". Увидев сигнал своего напарника, филер аккуратно свернул газету, и с кряхтением поднявшись с тумбы,

побрел следом за женщинами.

— Информация к размышлению, — подумал Виктор, — работают ребята, конечно, грубовато, но дело свое знают... Значит, будем пока делать вид, что мы глухие, слепые и умишком грабленные. Ни к чему нам пока конфликтовать с ведомством господина Бенкендорфа. Да и с "голубыми мундирами" Леонтия Дубельта тоже пока цапаться не стоит.

— Виктор Иванович, о чем вы там задумались? — спросил князь Одоевский, подойдя к Сергееву, — что там такого удивительного вы увидели?

— Ничего особенно, Владимир Федорович, — улыбнувшись ответил отставной майор, — просто смотрю, как люди графа Бенкендорфа охраняют наш покой. А их начальник, наверное, ломает сейчас голову — что за таинственные незнакомцы появились в квартире князя Одоевского? Вокруг них происходят разные странные вещи, да и государь вот, общается с ними запросто, словно со старыми знакомыми...

— Ах, вот вы о чем, — вздохнул Владимир Федорович, — действительно, до вашего появления мы с княгиней жили тихо, спокойно. Только вот что я вам скажу, уважаемый Виктор Иванович, я ни за что теперь не согласился бы снова вернуться к своей прежней жизни. Человек, заглянувший за край мироздания, никогда не вернется к праздному и спокойному существованию.

Да и бояться нам нечего — ничего противозаконного мы не совершаем. Тем более, что государь знает о вас, и даже готов отправиться с вами в ваше время. А что может сделать даже такой человек, как Александр Христофорович? Тем более, что он, в сущности, человек не злой. Служака — да, лихой вояка — да, повеса... Тут князь улыбнулся,

— Вы, наверное, помните случай, когда молодой еще Бенкендорф в 1808 году Париже увел любовницу самого Наполеона, небезызвестную мадмуазель Жорж. То-то Бонапарт рвал и метал. Как он был зол на Александра Христофоровича!

Князь засмеялся. — Я думаю, Виктор Иванович, все будет хорошо. И как там в одном вашем фильме говорилось: "Тот, кто нам мешает — тот нам поможет".

Сергеев рассмеялся в ответ. — Владимир Федорович, да я ничего не имею против того, чтобы безопасность государства и самодержца бдительно охраняли, как у нас принято говорить, спецслужбы. Для нас важно, чтобы информация о нашем существовании не стала известна врагам России. В этом, как мне кажется, мы с милейшим Александром Христофоровичем найдем общий язык.

Вернувшись через несколько часов Ольга рассказала, что она несколько раз замечала слежку. Филеры менялись, но вели своих подопечных они довольно грубо, практически не скрываясь.

А на следующий день все "отъезжающие" стали готовиться к путешествию. Ольга решила выйти с Алексеем пораньше, взять извозчика где-нибудь на Каменоостровском проспекте, и оттуда уже отправиться на randevu с императором. Ну а князь с супругой выедут отдельно, и к половине седьмого окажутся у церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове...

Счастливого пути!

До точки открытия портала все добрались без особых происшествий. Запланированная вчера встреча у церкви Иоанна Предтечи произошла точно в назначенное время. Николай I приехал на Каменный остров в легкой открытой пролетке, запряженной двумя конями. Он был в ней один, не считая, конечно, кучера.

Император, отправляясь в межвременное путешествие, оделся просто, без излишней пышности. На нем был простой темно-зеленый мундир Преображенского полка и треуголка. Рядом с ним, на сиденье пролетки, стоял небольшой саквояж. О содержимом его можно было только догадываться. Взяв его в руки, Николай вылез из пролетки, и велел своему кучеру отправляться домой. Вышколенный служитель Конюшенной части Дворцового ведомства и глазом не моргнул, выслушав приказ монарха, и послушно исполнил его. Похоже, что Николай уже не раз таким способом сохранял инкогнито, отправляясь в одиночку к очередной своей пассии. Император был охоч до женского пола, и иногда заводил интрижки даже с мещанками. И потому не жаловал тех слуг, которые страдали излишним любопытством, а также тех, кто не умел держать язык за зубами.

Когда пролетка скрылась за поворотом Каменоостровского проспекта, император перекрестился на храм, и с улыбкой посмотрел на Виктора, Алексея, Ольгу и чету Одоевских. — Ну что ж, господа, в дорогу. Покинем здешний мир и отправимся в мир будущего. Надеюсь, что мое посещение его не повлечет за собой непоправимых последствий.

Николай сел в экипаж князя, который провожал свою любимую супругу в гости к потомкам. Кучер, с опаской поглядывавший на государя — по всей видимости, он узнал его, несмотря на все старания Николая быть неузнанным, взмахнул кнутом, и лошади резво рванули с места.

Не доезжая полуверсты до места, где должен быть открыться портал, было решено остановиться. Наемный экипаж отпустили с миром, а кучеру князя велели ждать здесь возвращения хозяина. Ну а потом, все пешком отправились к точке перехода. Уже подходя к ней, Сергеев услышал стрекотание бензинового моторчика у себя над головой. Он с удивлением посмотрел вверх, и увидел кружащийся в синем небе небольшой коптер. Летательный аппарат с четырьмя моторчиками и видеокамерой медленно летел над шагающими по тропе людьми.

— Ох уж этот Дениска, сукин сын, — подумал про себя Виктор, — решил-таки притащить в XIX век свои девайсы. А если коптер сломается и упадет на голову какому-нибудь здешнему мужичку? Разговоры потом будут... Надо будем сделать ему втык, чтобы без нужды не занимался подобной самодеятельностью.

Николай, тоже заметивший в небе "летающего паука", на мгновение остановился, и спросил у Сергеева. — Это механизм из вашего времени? Забавная вещица... Скажите, а для чего она предназначена?

— Ваше величество, — ответил ему Виктор, — это летательный аппарат, снабженный телекамерой... — Заметив недоумение на лице царя, он добавил, — телекамера — такой прибор, с помощью которого можно сверху наблюдать за тем, что происходит на земле. А потом передавать все увиденное человеку, который на расстоянии управляет этим летательным аппаратом. Очень удобная вещь...

— Ага, а вот и тот, кто это делает, — добавил Сергеев, выходя на полянку. Там, на расстеленной плащ-палатке, вольготно расположился его племянник с прибором управления коптером в руках, и, лежа на животе, смотрел на экран ноутбука, обозревая окрестности. Увидев дядю и его спутников, он приветственно помахал им рукой, продолжая заниматься своим делом.

— Вроде все чисто, — сказал он Виктору, когда тот вместе с императором подошел к нему. — Колян обходит окрестности, и пока тоже ничего подозрительного не заметил. До открытия портала, — Денис снова посмотрел на экран ноутбука, — осталось семь минут.

— Ого, а это кто?! — неожиданно воскликнул он, заметив какое-то движение в левом нижнем углу монитора. — Ваше величество, — сказал он, обращаясь к царю, — похоже, что эти ребята по вашу душу.

Сергеев посмотрел на экран, и увидел там двух крепких мужчин в сюртуках и цилиндрах, которые шли через поляну, держа под мышкой трости, и лихорадочно озираясь по сторонам. Да, скорее всего, это были ребята из ведомства, расположенного у Цепного моста через Фонтанку.

Император, стоявший рядом с ним, и с любопытством смотревший на экран ноутбука, услышав слова Дениса, поморщился. Похоже, что ему было не совсем приятно наблюдать, как люди "в гороховом пальто" незаметно для него следует по пятам за своим монархом.

— Ваше величество, — сказал Денис, — если вы хотите, то мы с Коляном их упакуем в два счета. — Нет-нет, вы только не подумайте, ничего плохого мы им не сделаем. Просто объясним популярно, что нельзя за взрослыми дядями подглядывать...

Николай усмехнулся, и кивнул Денису. Тот передал пульт управления коптером Алексею, а сам, быстро вскочив на ноги, поправил на поясе кобуру с травматиком, и легко, словно кошка, направился туда, где рыскали агенты III-го отделения. Вскоре он скрылся из глаз присутствующих.

Все обступили Кузнецова, который присел у ноутбука с пультом управления в руках, и стали наблюдать за всем происходящим на экране. Вот, позади бредущих по тропинке филеров появились две тени в пятнистом камуфляже. Еще мгновение, и "орлы Бенкендорфа" неожиданно оказались лежащими на земле. Никто даже не успел заметить, как все это произошло. Нагнувшись над неподвижно лежащими фигурами, Николай и Денис быстро и сноровисто – чувствовалось, что они имеют большой опыт в подобных делах, связали им руки и ноги стяжками, и заткнули рты их же шейными платками. Уложив филеров на живот, головами друг к другу, "охотники за скальпами" так же незаметно как появились, растворились в гуще кустарника.

Николай лишь удивленно покачал головой. — Да, господин Сергеев, — сказал он, ну у вас и семейка! Сын и племянник ваши – такие отпетые сорвиголовы, что горе будет тому, кто попадетсЯ им под горячую руку. Справиться с двумя агентами Александра Христофоровича... Это ведь не так просто...

За этими разговорами никто из обступивших Алексея и не заметил, как позади них раскрылся портал, и из него на людей, стоявших на полянке и горячо обсуждавших случившееся, с любопытством наблюдают Антон и Александр.

Первым появление "окна в будущее" заметила Ольга Румянцева. Она радостно замахала руками, приветствуя своих старых друзей.

— Привет, Антоха, привет, Шурик! — воскликнула она, — как вы там, не соскучились без меня?!

Вслед за ней открытый портал увидели и остальные. Царь с некоторой опаской взглянул на изумрудное кольцо, за которым начиналась новая и непонятная для него жизнь. Через пару минут на полянке появились и

Сергеев-младший со своим кузеном. Денис взял из рук Кузнецова пульт управления, и после нескольких его манипуляций на поляну приземлился коптер. Подхватив его, Денис первым направился к открытому portalу.

"Отъезжающие" начали прощаться с "проводжающими". Алексей обнялся с Виктором, пожал руку князю, и осторожно взяв под локоток княгиню, повел ее к окну в будущее. Император, чуть заметно кивнув тем, кто оставался в его времени, решительно направился к portalу...

Вскоре изумрудное кольцо сжалось в яркую точку. И через мгновение ничто уже не указывало на то, что здесь, на этой небольшой полянке в окрестностях Петербурга XIX века, всего несколько минут назад стоял Император Всероссийский, самодержец Николай Павлович...

Встречный марш

Когда портал закрылся, и агрегат прекратил жужжать, Антон поднялся со стула. Николай непроизвольно перекрестился, и огляделся по сторонам. Спартанская обстановка отгородки в пустом металлическом гараже немного удивила его.

— Вы все так просто живете? — спросил царь у стоящего рядом с ним Шумилина.

— Нет, ваше величество, — ответил Александр, — вообще-то это место для работы. Не более того. Правда, есть холодильник, кофеварка, микроволновка, топчан, чтобы переночевать. А живем мы в своих квартирах, где более уютно. Сейчас Ольга Валерьевна привезет вам одежду, вы переоденетесь, и мы с вами отправимся ко мне домой. Как вы понимаете, в таком виде вам появляться на улицах нынешней Северной Столицы невозможно.

Николай Палыч хотел было возразить, но, вспомнив, где он сейчас находится, передумал, и кивнул в знак согласия. Ольга, взяв в руки метр, и наскоро сняв с императора мерку, отправилась с княгиней переодеваться. Потом они вместе с Сергеевым-младшим должны были заглянуть в ее квартиру, оставить там Ольгу Степановну, и заехать в магазин, чтобы справить гостю обновку. Заодно с собой они прихватили и Кузнецова. Алексей жил на Профессора Попова, это было по дороге, и Николай обещал подбросить "дядю Лешу до самого дома".

Ну а Шумилин, желая развлечь императора всероссийского, предложил ему пока посмотреть какой-нибудь фильм по видику. Только вот какой?

С репертуаром определились довольно быстро. В углу гаража на стенке висел большой плакат – календарь с фотографией вооруженного до зубов бойца-спецназовца. Его туда пришпандорил Денис, который ностальгировал по своей прежней службе. Николая заинтересовала форма "спеца", и его вооружение. Он начал расспрашивать у Дениса о "пятнистых" солдатах, о том, как они воюют, и для чего на их ружьях такие странные набалдашники и трубки со стеклами.

Шумилин взял диск со всеми сериями "Спецназа", включил DVD-шник и телевизор, стоявшие на столе в углу отгородки, и предложил Николаю посмотреть фильм про бойцов, которые так заинтересовали императора. Вспыхнул экран, замелькали титры, и зазвучала музыка. Потом началось само действо...

Император, не отрываясь смотрел за приключениями главных героев сериала. Иногда он поворачивался к Шумилину, жестом просил остановить фильм, и просил рассказать о том – что сейчас делают спецназовцы, и что за странное оружие у них в руках. Александр нажимал на паузу, и терпеливо объяснял царю – что, как и зачем. Когда серия закончилась, и зазвучала песня в исполнении Николая Расторгуева, государь надолго задумался.

Чтобы прервать его молчание, Шумилин предложил своему гостю перекусить. Зная гастрономические предпочтения Николая, он разогрел в микроволнушке сваренную заранее Денисом гречневую кашу, потом включил кофеварку и заварил крепкий кофе. Александр не забыл и про самое главное – он достал из холодильника банку с солеными огурцами, и выловил оттуда самый большой огурец. Положив его на тарелку, он порезал его, и поставил на стол перед царем. Николай, хитро взглянув на Шумилина, и покачал головой. Потом он взял вилку, подцепил кусок огурца, и с удовольствием им захрустел.

— Очень вкусно, — сказал, он, — а вы, господин Шумилин, как я вижу, неплохо осведомлены о том, что мне нравится. Только вот, я вижу, что вы неплохо обходитесь без печей и сковородок. Положили горшочек с кашей в эту вашу машинку, нажали там на что-то, запищало, загудело – и все, каша готова. Да и кофе у вас получается не хуже, чем у моего кофешенка. Вот, и сахару положили ровно столько, сколько я люблю.

— Ваше величество, — сказал Александр, — то, что вы сейчас едите – это пища для холостяков. Гораздо приятней, когда тебе еду приготовил супруга, на плите. К сожалению, я сейчас живу один, и вам, находясь у меня в гостях, придется терпеть мою холостяцкую стряпню. Уж не обессудьте.

— А почему вы живете один, господин Шумилин? — поинтересовался Николай, с аппетитом хрустя булочкой-слоем, и прихлебывая ароматный черный кофе.

— Моя жена погибла, — глухим ровным голосом ответил Александр. — Это произошло тогда, когда я лежал раненый в больнице. Поехали задерживать одного убийцу, а он открыл по нам огонь из ружья. Вот и получил картечину в ногу. Жена возвращалась из больницы от меня поздним вечером. У дома на нее напали отморозки-наркоманы, которые ударили мою Машу по голове железной трубой, и вырвали у нее сумочку. Маша умерла ночью в больнице.

— Извините, Александр Павлович, — после короткого молчания сказал Николай, — я не хотел вас огорчить, задав вам этот вопрос.

Он еще немного помолчал, а потом спросил, — надеюсь, что этих душегубов отправили на каторгу? И кто такие наркоманы?

— Их наказал сам Господь, — одного из них зарезал его подельщик, когда началась ссора из-за награбленного. А сам убийца умер в тюремной больнице от гепатита — сиречь, желтухи. Это болезнь наркоманов. А наркоманы... — Шумилин на мгновение задумался, — знаете, китайцы, которые курят опиум, уже не могут без него существовать. Так вот, такая непреодолимая тяга к наркотикам, и называется наркоманией. А лица, страдающие этой болезнью, называются наркоманами.

Николай понимающе покивал головой, и в знак сочувствия положил свою руку на плечо Александру. Потом он сказал. — Александр Павлович, ваша супруга в Царствие Небесном, а ее убийцы горят в геене огненной. Бог рассудил все по совести...

— Ваше величество, — Шумилин решил сменить тему разговора, — если вы немного перекусили и отдохнули, то, может быть, мы продолжим смотреть фильм о наших спецназовцах? Если да, то я включу проигрыватель...

— Александр Павлович, — спросил царь, — я обратил внимание, что в этом, как вы говорите, фильме, ваши солдаты почему-то ходят без строя и не в ногу. Неужели у вас не проводят парадов и смотров войск?

Шумилин с трудом скрыл усмешку. Он хорошо знал, что больше всего в армии Николаю Павловичу нравилась парадная, чисто декоративная сторона дела. Все это потом и довело русскую армию до неудач во время Крымской войны. Одно дело — лихо делать ружейные приемы, щелкать каблуками, и, вытягиваясь в струнку, есть глазами начальство, и другое дело — метко стрелять из этих ружей, быстро их перезаряжать, стараясь одновременно укрыться от огня противника.

Но он решил отложить разговор об армии на потом, и потешить душу любителя шагистики. Он поставил диск с записью майского военного парада в Москве на Красной площади в честь годовщины Победы.

Увиденное Николаю очень понравилось. Тут он был в своей стихии. Он даже расцвел, когда услышал команды: "Парад, равняйся! Смирно! К торжественному маршу..." Заиграл оркестр, грянул марш, и началось прохождение частей участвующих в параде. Когда проходили суворовцы, Николай поинтересовался. — Александр Павлович, это что, ваши кантонисты?

— Нет, ваше величество, — ответил Шумилин, — это что-то вроде кадетов. Ребята, которые получают среднее образование, и, одновременно, привыкают к военной службе. А потом, после окончания суворовского училища, они поступают без экзаменов в военные училища.

— Суворовские училища? — задумчиво произнес царь, — это интересно... Значит, вы еще помните о князе Италийском и графе Римникском, Александре Васильевиче Суворове... Похвально.

А тем временем по брусчатке Красной площади, чеканя шаг, шли пехотинцы, моряки, летчики. Оркестр исполнял марши, которые Николаю были незнакомы, но очень ему понравились. Особенно императору пришелся по душе марш "Артиллеристы, Сталин дал приказ...". Он расцвел, когда Александр сказал ему, что это марш артиллеристов. И попросил ноты, сказав, что теперь пешая артиллерия будет ходить на парадах на Царицыном лугу именно под этот марш.

А вот прохождение боевой техники потрясло его. Особенно танков Т-90, САУ "Мста-С" и систем залпового огня "Смерч". А при виде межконтинентальных баллистических ракет "Тополь-М" Николай просто впал в ступор.

— Что ЭТО? — спросил он, облизывая пересохшие губы, — это орудие такого огромного калибра?

— Нет, ваше величество, — ответил Шумилин, лихорадочно соображая — как доступно объяснить самодержцу — что такое баллистическая ракета, — это не орудие, а самое страшное оружие нашего времени. Выпущенный из такой машины снаряд может с невиданной точностью поразить свою цель на огромном расстоянии, даже на другом континенте, и, высвободив все силы ада, полностью уничтожить огромный город, или вражескую армию на марше.

Николай настороженно посмотрел на Шумилина. Возможно, что только сейчас до него дошло — насколько могущественны потомки, и каким страшным оружием они располагают. Неизвестно до чего бы он еще

додумался, но в этот момент дверь в помещение открылась, и на пороге появилась Ольга Румянцева с Сергеевым-младшим. В руках у них были сумки с одеждой.

— Ваше величество, — сказала Ольга, — можно переодеваться, и отправляться в новый для вас мир. Он ждет вас...

Кто вы, господа?

Проводив в будущее царя и "сопровождающих его лиц", Сергеев и Одоевский отправились к ожидающему их неподалеку экипажу. По дороге они освободили агентов III-го отделения, которые уже пришли в себя, и безуспешно пытались развязаться. Но пластиковые стяжки – штука надежная, ее зубами не перегрызешь и не распутаешь.

Правда, вместо благодарности наши доброхоты выслушали проклятия и угрозы сыщиков. Похоже, что они уже догадывались, что их плен – дело рук приятелей князя Одоевского. Впрочем, приведя себя в порядок, филеры поспешили скрыться. Им еще предстоял неприятный разговор с начальством. Ведь задачу они свою не выполнили – государь ушел от слежки, причем, при весьма странных обстоятельствах.

По дороге домой Виктор и Одоевский обсудили события этого вечера, и пришли к единодушному мнению, что в самое ближайшее время им придется иметь дело с самим графом Бенкендорфом. И как оказалось, они не ошиблись.

На следующее утро, едва князь и Сергеев закончили свой скромный холостяцкий завтрак, в дверь гостиной постучал испуганный лакей, и сообщил "их сиятельству", что "к ним пришли". Ранний визитером оказался не кто иной, как Александр Христофорович Бенкендорфом, генерал от кавалерии, граф, и самое главное – глава III-го отделения СЕИВ канцелярии. Человек, между прочим, весьма неоднозначный.

Старый вояка – по здешним временам, а по меркам XXI века – 58-летний мужчина – еще хоть куда, был сильно взволнован, хотя и старался скрыть это. Он был при полном параде – в лазоревом жандармском мундире, в шитых золотом эполетах, и со звездами высших российских орденов на груди. Под мышкой он держал треуголку с пышным султаном из петушиных перьев.

— Господа, — сказал он, непроизвольно поглаживая свои рыжеватые с проседью усики, — прошу извинить меня за то, что я явился к вам ни свет ни заря, но обстоятельства, которые привели меня к вам, настолько важные

и безотлагательные, что я был вынужден на время забыть об этикете. Одним словом, — сказал генерал, видимо посчитав, что пора уже заканчивать с политесом, — я хотел бы узнать от вас — где сейчас находится государь?

И граф Бенкендорф пристально посмотрел на Сергеева, словно догадываясь о том, что странные события, происходящие в последние время в Петербурге, это дело рук неизвестных, поселившихся недавно в тихой квартире князя Одоевского.

Виктор усмехнулся про себя. Нет, не зря все-таки царь назначил Бенкендорфа на такую ответственную должность. Свое дело он знал. Но и мы тоже не лыком шиты, — подумал он.

— Ваше высокопревосходительство, Александр Христофорович, — сказал Сергеев, — вы только не волнуйтесь — с государем все в порядке. Просто он отправился в одно приватное путешествие, и будет отсутствовать в Петербурге не более двух-трех дней. Свидетель моих слов — князь Владимир Федорович. Надеюсь, его честного слова будет для вас вполне достаточно?

Одоевский, внимательно слушавший разговор Бенкендорфа и Сергеева, кивнул в знак подтверждения слов, сказанных его гостем.

Шеф III-го отделения немного успокоился, хотя и продолжал настороженно посматривать на Виктора. Ему что-то явно не нравилось в поведении этого, неизвестно откуда взявшегося человека. Посмотрев еще раз на невысокого крепыша — наметанный глаз Бенкендорфа сразу определил, что этот человек в свое время носил военный мундир, — граф вдруг понял, что именно его так насторожило. Незнакомец не боялся его! Александр Христофорович давно уже привык к тому, что даже министры и придворные посматривают на него с некоторой опаской. А тут человек, по всей видимости, не принадлежащий к правящему классу, и из нетитулованных — представителей знати Бенкендорф практически всех знал лично, — смотрит преспокойно ему в глаза, и даже улыбался. Что-то тут было не так...

— Князь, не могли бы вы представить мне вашего гостя, — неожиданно попросил Одоевского генерал, — мы, кажется, раньше с ним не встречались.

— С большим удовольствием, — ответил Владимир Федорович и, повернувшись к Виктору, сказал, — отставной майор Виктор Иванович Сергеев, — а потом неожиданно добавил, — граф, я хотел бы, чтобы вы с ним подружились...

Бенкендорф машинально кивнул, и попробовал вспомнить —

приходилось ли ему раньше что-либо слышать о майоре Сергееве. По его ведомству он не числился – это точно.

— Александр Христофорович, — сказал Виктор, — вы вряд ли слышали обо мне раньше. Мало ли в России майоров – вы не обязаны всех их знать в лицо. Скажу только, что государь сам захотел совершить некое секретное путешествие, о чем он вам о нем в самое ближайшее время расскажет. Если, конечно, — тут Виктор с улыбкой посмотрел на внимательно слушавшего его графа, — он захочет это сделать...

— Господин майор, — в голосе Бенкендорфа зазвенел металл, — не забываетесь. Вы все же разговариваете с генералом от кавалерии...

— Ваше высокопревосходительство, — почтительно, но твердо ответил ему Сергеев, — я хорошо знаю о ваших заслугах перед Россией, и с уважением отношусь к погонам, которые у вас на плечах, как и к орденам, заработанным вами в боях с неприятелем. Еще раз хочу сказать вам, что с государем в настоящее время все в порядке, и он занят делом очень важным и полезным для России... И настоятельно просил не беспокоить его и не раскрывать местонахождение. Когда он вернется, думаю, что вы первый узнаете об этом.

— Виктор Иванович, — тихо сказал Бенкендорф, — смотрю я на вас, и понять не могу, — кто вы и откуда... Уж очень много непонятного стало происходить с вашим появлением. Вы словно из другого мира... Скажите мне всю правду, коль вы с таким почтением отзываетесь о моих заслугах перед Государем и Отечеством...

Сергеев несколько минут размышлял. В конце концов, им все равно пришлось бы как-то налаживать контакт со структурой, которая в XIX веке отвечала за безопасность Империи, и просто обязана было знать все, что происходило в России. Иначе, грош ей цена в базарный день. Из-за ненужных подозрений у гостей из будущего со временем могли бы возникнуть недоразумения со служащими III-го отделения и жандармами. А они были им явно ни к чему...

Вздыхнув, Виктор посмотрел на князя Одоевского. Тот едва заметно кивнул ему. Хорошо, значит, начнем официальное представление...

— Уважаемый Александр Христофорович, — сказал Сергеев, — понимаю, что то, о чем сейчас я вам расскажу, сперва покажется вам бредом сумасшедшего, сказкой, словом, повествованием о том, чего просто не может быть. Но оно есть, поверьте мне... А пока, успокойтесь пожалуйста и присаживайтесь, ибо как говорят в нашем народе – в ногах правды нет.

Граф Бенкендорф, кивнув, присел на подставленный стул, и майор

Сергеев продолжил, — в общем, Александр Христофорович, вы угадали — мы действительно из другого мира. Точнее, из другого времени. Если у вас сейчас на дворе 1840 год от Рождества Христова, то у нас — 2013 год. Начало третьего тысячелетия... Оттуда мы и пришли к вам...

Ошарашенный граф с изумлением посмотрел на Виктора. Он, как человек трезвого ума, занимающийся сугубо приземленной работой, не мог поверить в то, о чем говорил ему сейчас этот странный отставной майор. Но, в то же время, события, факты, а главное — таинственное исчезновение государя, все это подтверждало им сказанное.

— Так государь?.. — неожиданная догадка ошеломила Бенкендорфа, — он что, отправился к вам, туда — в XXI век?

— Да, именно так, Александр Христофорович, — с улыбкой ответил Виктор, — государь захотел своими глазами посмотреть на будущее. И мы не могли отказать ему в этой просьбе.

— Не будет ли подобное путешествие опасным для жизни и здоровья государя? — с беспокойством сказал Бенкендорф, — ведь даже конная прогулка в Петергофе может закончить неожиданным падением, ушибом или переломом. А тут — прыжок через годы, через века?!

— Никакой опасности нет, — успокоил Виктор графа, — спросите у Владимира Федоровича, — он уже был у нас в гостях, — и он подтвердит вам, что подобное путешествие не связано с риском для жизни и здоровья.

— Так вы, князь, уже были в Петербурге XXI века? — с изумлением воскликнул Бенкендорф, — расскажите мне, прошу вас, как там живут-поживают наши потомки!

— Обождите пару минут, граф, — улыбнувшись, ответил ему Одоевский, — сейчас я вам расскажу обо всем по порядку. Он вышел из гостиной, но вскоре вернулся, держа в руке пакет с фотографиями, сделанными во время его первого вояжа в будущее.

— Вот это, граф, Невский проспект, — Одоевский достал из пакета первую фотографию. — Так он выглядит в году две тысячи тринадцатом... А вот Дворцовая площадь и Зимний... А вот Летний сад...

Бенкендорф, не отрываясь, смотрел на цветные фотографии. На его лице были смешаны удивление и восторг. Виктор усмехнулся — у них появился новый и сильный союзник. Такой умный и проницательный человек, как Александр Христофорович Бенкендорф уже, наверное, понял — чем могут быть для него полезными пришельцы из будущего. И своего он, точно не упустит...

Глава 7. "Большая перемена"

Я хочу знать все...

Николай подозрительно осмотрел одежду, которую Ольга достала из своих сумок.

— Хм, господа, а вы уверены, что именно это я должен надеть? — с сомнением сказал царь, разглядывая тонкие светлые брюки, летнюю клетчатую рубашку с короткими рукавами, и серую жилетку-разгрузку.

Окончательно его добили летние туфли без задников, именуемые в народе "ни шагу назад". Не сумев точно установить размер обуви императора — Николай категорически отказался от услуг Ольги, которая попыталась измерить его ступню, — наша "кузина-белошвейка", не мудрствуя лукаво, решила купить такие вот безразмерные туфли. Благо, погода стояла в Питере теплая, и ходить в подобной обуви было очень даже приятно.

Но Александр и Ольга сумели все же убедить императора в том, что именно в такой одежде он не будет бросаться в глаза прохожим. С грехом пополам, с помощью Шумилина Николай переоделся и переобулся, став немного похожим на актера Никиту Михалкова. Скажем прямо, атлетическая фигура императора, гордая осанка и правильные черты лица делали его весьма привлекательным для особ женского пола. Зная слабость Николая к амурным приключениям, Шумилин решил не спускать с него глаз, чтобы какая-нибудь смазливая красотка не вскружила голову монарху, и не завлекла его в свои сети.

Когда переодевания закончились, все вышли из гаража. Переступив его порог, Николай застыл в изумлении. Его окружал незнакомый и удивительный для него мир. Ведь одно дело — видеть на экране ноутбука самобеглые повозки, именуемые у потомков автомобилями, и другое дело — самолично лицезреть автомобиль, вещь для XXI века вполне заурядную, а вот для века XIX-го — вершину технической мысли. Но, помимо автомобилей присутствовали также дороги с асфальтовым покрытием, по которым эти самые автомобили сновали туда-сюда в огромном количестве, и светящиеся ярким молочно-белым светом уличные фонари, и пригородная электричка, промчавшаяся с шумом и свистом по железнодорожному полотну совсем рядом с авторемонтной мастерской

Сергеева-старшего.

— Проходите, ваше величество, — пригласил Сергеев-младший царя, галантно распахивая перед ним дверцу своей легковушки. Николай неловко втиснулся в салон, разместился на сидение, а потом в автомобиль загрузились Александр, Антон и Ольга. И путешествие императора Всероссийское в будущее началось...

Автомобиль по Торжковской доехал до станции метро "Черная речка", потом, перемахнув через Большую Невку, помчался по Каменноостровскому проспекту. Николай с удивлением крутил головой, удивляясь увиденному. Вот, слева от них, на Аптекарской набережной вознеслась в небо гигантская телевизионная башня, а вот, за чугунной решеткой и зеленью деревьев мелькнул знакомый красно-кирпичный силуэт храма Иоанна Предтечи.

— Помните, ваше величество, — спросил Шумилин, — именно здесь мы встретились с вами пару часов назад, или сто семьдесят три года назад — это как считать...

Николай машинально кивнул головой, продолжая с любопытством разглядывать проносящиеся перед ним виды Северной столицы. У Петропавловки они попали в небольшую пробку. Машины еле ползли, самые нетерпеливые водители сигналили. Пользуясь случаем, царь стал с Троицкого моста рассматривать панораму Невы, со снующими по ее глади речными трамвайчиками и катерами.

— А все-таки красивый город Санкт-Петербург, господа, — сказал он, любясь раскинувшейся перед ним картиной, — только этих вот ваших авто, по моему, чересчур уж много...

— Что поделаешь, государь, — ответил Шумилин, — сие есть издержки технического прогресса. За все приходится платить...

С грехом пополам, они выбрались, наконец, из пробки, и по Кутозовской набережной доехали до Литейного моста, свернули на Литейный проспект, а с него на Кирочную улицу. Здесь, в своей холостяцкой квартире проживал Шумилин. И его гостем на ближайшие пару дней станет не кто иной, как сам Император Всероссийский Николай I.

Дом, в котором жил Александр, находился рядом с Таврическим садом. Он был еще дореволюционной постройки, но после "олимпийского" капремонта, и "со всеми удобствами". Поднявшись по лестнице на третий этаж, Шумилин и его августейший спутник вошли в квартиру, и перевели дух. Первым делом хозяин включил напольный вентилятор, который закрутил своими огромными лопастями, и стал гонять по квартире воздух.

Александр открыл окна, и дышать стало еще легче.

— Вот, ваше величество, — сказал он Николаю, с любопытством осматривавшему квартиру, — это мое жилище, располагайтесь в нем, и чувствуйте себя, как дома. Если есть желание, то можете принять ванну или помыться под душем.

Александр проводил царя в ванну, по просьбе Николая объяснил ему, как пользоваться смесителем, дал ему шампунь, чистое полотенце и махровый халат. Из ванны Николай вышел посвежевший и довольный. Шумилин дал своему гостю полистать какой-то толстый цветной иллюстрированный журнал, валявшийся на столе, и сам тоже отправился в ванну.

Вернувшись оттуда, он увидел, как Николай с большим удовольствием разглядывает фотографии сексапильных красоток, одетых (или раздетых?) в весьма откровенные пляжные костюмы. Александр усмехнулся про себя, вспомнив о странном хобби Николая I – коллекционировании картинок и предметов эротического и порнографического содержания. Говорят, за долгие годы он сумел собрать огромную коллекцию, которую сейчас стыдливо прячут от посетителей в запасниках Эрмитажа. Шумилин решил, что перед отъездом надо будет зайти с царем в соседний секс-шоп, чтобы тот пополнил свою коллекцию.

Увидев, что Шумилин уже сполоснулся, и застал его за не совсем приличным занятием, Николай немного сконфузился, и положил глянцевого журнала с красотками на стол.

— Ничего, ваше величество, смотрите, — с улыбкой сказал Александр, — у нас подобные картинки считаются вполне приличными. Есть, конечно, и другие, не совсем пристойные. Но я их у себя в доме не держу, — и, решив сменить тему, он предложил Николаю попить чайку.

Налив воды в электрический чайник, он включил его, а сам, достав жестяную коробку с заваркой, насыпал крупный листовой чай в заварной чайник. Николай с любопытством наблюдал за его манипуляциями.

— Господин Шумилин, — сказал царь, — вот вы все делаете сами, и обходитесь без кухарки и горничной... А почему вы не наймете их, ведь, как я понял, вы не из самых бедных людей в Петербурге?

— Ваше величество, — ответил Александр, — денег у меня вполне достаточно для того, чтобы нанять прислугу. Только мне это ни к чему. После смерти Маши мне уже не хочется видеть у себя в доме других женщин. Да и с домашними делами я сам вполне справляюсь...

Николай задумчиво покачал головой. Впрочем, он понимал, что у людей будущего свои нравы, свои привычки, и свои взгляды на жизнь.

— Ваше величество, — сказал Шумилин царю, после того, как они попили чая, и Николай съел свой традиционный соленый огурец, — я хочу сказать вам, что если я буду продолжать титуловать вас как самодержца в присутствии незнакомых с нашими делами лиц, то это будет выглядеть весьма странно и подозрительно. А посему, если вы не возражаете, я буду называть вас при посторонних по имени и отчеству – Николай Павлович...

Николай немного поморщился, но, подумав некоторое время, улыбнулся, и кивнул головой. — Тогда, уж и мне, господин Шумилин, позвольте именовать вас по имени-отчеству. Тем более, что и отчества у нас с вами схожие, — пошутил царь.

— Ваше величество... — начал было Александр, но царь улыбнулся и погрозил пальцем, — ...виноват, Николай Павлович – давайте решим с вами, с чего мы завтра начнем? Что именно вы хотите увидеть в первую очередь?

— Александр Павлович, — ответил, немного подумав, император, — давайте начнем с Зимнего дворца и Петропавловского собора. С мест, где рождались русские цари, и где они находили свое последние упокоение.

А пока, если вы пока еще не собираетесь ложиться спать, расскажите мне о том, что произошло в России за эти сто семьдесят два года...

Шумилин вопросительно взглянул на императора. — Николай Павлович, это будет не совсем приятный для вас рассказ. Ведь в нашей истории произошло немало трагических событий...

— Я понимаю вас, — тихо сказал Николай, — но ведь это было... И, может быть, если я узнаю о всем том плохом, что произошло в вашей истории, то в нашей истории это плохое возможно удастся предотвратить...

— Ну если так, то я готов, — сказал Шумилин, — только, тогда нам вряд ли придется сегодня ночью поспать.

— Ничего страшного, — улыбнулся царь, — я порой ложусь спать в два, а то и в три часа пополудни. Знаете, сколько вопросов приходится решать лично, сколько документов прочитать...

— Тогда я схожу на кухню, заварю крепкого кофе, и мы начнем, — сказал Шумилин...

Момент истины

— ...А начнем мы с того, что произойдет в самое ближайшее время, — сказал Шумилин, разлив по чашкам ароматный кофе и, с согласия Николая, добавив в напиток немного бальзама "Старый Таллин".

— На будущий год, — продолжил Александр, отхлебнув кофе. — Российско-американская компания продаст гражданину Мексики швейцарского происхождения, некоему Иоганну Зуттеру Форт-Росс в Калифорнии, со всеми прилегающими к нему землями. Продажа, кстати, будет убыточная для нас — по условиям сделки Форт-Росс продадут за 42857 рублей и 14 копеек серебром. Эти деньги должны будут выплачены в четыре этапа: первые две выплаты хлебом, а последние две — деньгами. Но Российско-американская компания реально получит только 5373 рублей. А потеряет при этом...

— Знаете, сколько она потеряет? — спросил Шумилин у царя.

— Где-то 37484 рубля, — быстро подсчитал в уме Николай, — но ведь это настоящий грабеж!

— Полностью согласен в вами, — сказал Шумилин, — это самый настоящий грабеж, только и это не самое страшное. Дело в том, что через семь лет после продажи в окрестностях Сан-Франциско, можно сказать, что на землях рядом с Форт-Россом будет найдено золото. Причем, в больших количествах. Начнется настоящая "золотая лихорадка". Десятки тысяч людей бросят все свои дела и бросятся промывать грунт, рыть шахты, надеясь разбогатеть. В порту Сан-Франциско будут стоять у причалов брошенные командами корабли, экипажи которых сбежали на берег, надеясь быстро разбогатеть.

Всего же за время золотодобычи в Калифорнии будет добыто золота на сумму более пятидесяти миллионов долларов! Вы можете представить — как велика эта цифра?

Николай удрученно посмотрел на своего собеседника. — Александр Павлович, — сказал он, — поверьте мне, я всего этого не знал. Мне и так уже прожужжали все уши, рассказывая о том, что наши владения в Америке убыточны, и чем быстрее мы от них избавимся, тем будет лучше.

— Эх, Николай Павлович, — ответил Шумилин, — хорошо, если эти советники говорили все это исключительно по своей глупости. А если по злему умыслу? Если бы вы знали только, какие богатства мы потеряли, отказавшись от этих самых "убыточных" заморских владений.

И еще — вы наверное помните, как несколько лет назад вам предложили план покупки у Мексики всей Северной Калифорнии. Правительство Мексиканской республики готово было отдать нам огромную территорию за сравнительно умеренную цену. Требовалось только одно — признание Россией независимости Мексики. Но вы на это не согласились...

Николай даже покраснел от возмущения. — Помилуйте, Александр

Павлович, да как же такое возможно – признать власть мятежников, которые отделились от Испанского королевства, выступив с оружием в руках против своего монарха.

— Николай Павлович, успокойтесь, — Шумилин говорил с царем тоном человека, вразумляющего непослушное и капризное дитя, — а что нам быть бóльшими испанцами, чем сами испанцы. Если они сами махнули уже рукой на свои заморские провинции, которые отделились от них, то почему мы должны не признавать их?

— Знаете, Александр Павлович, — угрюмо сказал Николай, — этак вы можете до самых опасных мыслей дойти...

— Помилуй Бог, Николай Павлович, — парировал Шумилин, — у меня наоборот, все мои мысли направлены на укрепление державы и монархии. Только делать это все можно по-разному...

Немного успокоившись, Николай подождал, когда хозяин нальет ему еще кофе, и уже нормальным тоном спросил,

— Александр Павлович, вы только не обижайтесь. В России я монарх, чья власть от Бога. И мой долг – когда настанет смертный час, передать державу, Всевышним мне доверенную, моему наследнику в полной целости и сохранности, в порядке и в благоденствии...

— Я понимаю вас, Николай Павлович, — тихо ответил Шумилин, — но, к сожалению, в нашей истории все произошло как раз наоборот. Вы скончались в момент, когда враг вторгся в пределы России, войска наши терпели поражение, а недоброжелатели державы торжествовали...

— Когда это произошло? — угрюмо спросил Николай.

— Император Всероссийский Николай I скончался в нашей истории 2 марта 1855 года от пневмонии на своей походной кровати в своем Малом кабинете в Зимнем дворце, — спокойно, безо всяких эмоций, словно читая статью в энциклопедии, ответил Шумилин.

— Через четырнадцать с лишним лет... — тихо сказал Николай, — потом перекрестился, и внимательно посмотрел на Александра. — А что значат ваши слова о вражеском вторжении и торжестве неприятеля.

— К тому времени уже больше года шла война, получившая позднее название Крымской. Объединенные силы Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства осадили Севастополь, и нанесли несколько поражений русским войскам, которые пытались придти ему на выручку.

А недруги наши – это в первую очередь Австрия, которая незадолго от этого была спасена вами, Николай Павлович, от развала. За это сия держава оплатит России и вам лично черной неблагодарностью, вступив сначала в союз с Англией и Францией, а потом предъявит нам ультиматум,

потребовав уступить Австрии часть Бессарабии. В случае непринятия ультиматума император Франц-Иосиф, которого вы называли своим сыном, пригрозил России войною...

— Вот как, — растерянно произнес Николай, — значит, все в Европе были против нас...

— Почти все, — ответил Шумилин, — лишь прусский король Фридрих-Вильгельм IV держался до последнего, но и он, под давлением Англии, Франции и Австрии был вынужден — правда, всего лишь на словах — присоединиться к антироссийской коалиции.

— Ну а что Севастополь, он выдержал осаду? — с надеждой в голосе спросил Николай.

— Нет, Николай Павлович, — ответил Шумилин, — врагу после нескольких кровопролитных штурмов удалось овладеть его южной частью. Наши войска отошли на Северную сторону.

— Но почему? — с горечью воскликнул Николай. — Почему все так случилось? Неужели русские солдаты были недостаточно храбры, а русские генералы не преисполнены были решимости сражаться за Отечество? Что случилось с Россией и ее армией?

— Войска наши сражались храбро, а многие из военачальников честно сложили головы, защищая Севастополь, — ответил Александр. — Вот, например, у моего друга, Виктора Ивановича Сергеева, предок был рядовым Селенгинского пехотного полка. Он отличился во время обороны Севастополя, сумел вывести в офицеры своих детей, и его род вот уже на протяжении полутора веков честно служит Родине, защищая ее от врага.

— Похвально, похвально, — сказал Николай, — но вы ничего не сказали мне про то, что послужило причиной захвата врагом части Севастополя? И почему моя армия, которой я уделял столько внимания, и тратил на нее столько денег, оказалась неспособной отразить вражеское вторжение?

— На это, Николай Павлович, есть много причин, — сказал Шумилин. — Кстати, вы не против выпить еще кофе?

— С большим удовольствием, Александр Павлович, — ответил царь, — а вы пока будете его готовить, подумайте над ответом на мой вопрос. Я понимаю, что ответить на него будет непросто, но я вас не тороплю...

Когда Александр вошел в комнату с кофейником в руках, Николай, поднявшись с мягкого дивана, внимательно разглядывал картины в рамках, висевшие на стенах комнаты.

— Александр Павлович, — спросил он, — а что это за люди,

изображенные на этих картинах? Например, вот этот военный – и Николай показал на репродукцию портрета художника Серова, изображавшего императора Александра III, стоявшего подбоченясь с рапортом в руке.

— А это, Николай Павлович, ваш родной внук, император всероссийский Александр III, — ответил Шумилин. — Очень умный и талантливый человек.

— Вот он какой, внук мой, — сказал Николай, с интересом посмотрев еще раз на портрет, — только борода у него, как у мужика. А ростом и статью – весь в меня.

— Да, Николай Павлович, — сказал Александр, поставив перед императором чашку с дымящимся кофе, — жаль только, что поцарствовать ему довелось сравнительно немного.

Но вернемся к вашему правлению. Вы, действительно, задали мне очень трудный вопрос. И ответить на него так сразу будет непросто. Начну с самого болезненной для России проблемы – с крепостной зависимости крестьянства...

— Александр Павлович, — царь укоризненно посмотрел на Шумилина, — если бы вы знали, сколько сил я потратил на то, чтобы как-то разрешить этот вопрос. Вы правы, крепостная зависимость – наше проклятие. Но нельзя вот так просто освободить крестьян и дать им землю. Что же тогда будет с дворянством, которое является опорой нашего государства?

— Знаю я все, что вы уже сделали и еще сделаете, Николай Павлович, — ответил Шумилин, — я помню, что к концу вашего царствования сократилось численности крепостных крестьян с 57–58 % в 1817 году, до 35–45 % в 1858 году. Именно при вас прекратилась раздача государственных крестьян помещикам. Знаем мы и облегчения и льготы, которые получили при вашем правлении помещичьи крестьяне. Вас сын, император Александр II, завершит вашу работу, в 1861 году отменив крепостное право. Правда, при этом он заложит такую мину под фундамент государства, что... Впрочем, об этом лучше поговорить отдельно.

А вот насчет армии российской – это особый разговор. Я знаю, что она для вас, Николай Павлович, любимое детище. Только, к сожалению, армия наша оказалась не готова к войне с европейскими державами. Знаю, что продолжение нашего разговора, касаемое армии, будет для вас очень неприятно. Может быть, отложим его?

— Нет уж, Александр Павлович, — сказал Николай, криво усмехнувшись, — замахнулись – бейте. К тому же, лекарство большей частью бывает горькое на вкус. Придется его принять, даже если оно будет

малоприятным. Итак, я слушаю вас...

Война – дело серьезное...

Шумилин посмотрел на Николая с жалостью. Все-таки неприятно лишать человека веры в то, чему он посвятил всю свою жизнь. Но иначе нельзя – трудно будет потом что-либо изменить в той реальности, и снова все может повториться: Восточный кризис, Крымская война, поражения при Альме и Евпатории, а потом – смерть от пневмонии на железной походной койке...

— Николай Павлович, — осторожно начал Александр, — я знаю, что армия для вас – все. Вы никогда не жалели денег на ее оснащение и содержание. Но тратились ли они с толком?

— У вас есть сомнения в этом? — встрепенулся Николай, — я готов выслушать их.

— Есть, и немалые. Причем, для начала я процитирую записки некоторых ваших современников, не называя, впрочем, их фамилий. Это не суть важно.

Вот, мнение человека, который позднее станет военный министром в правительстве вашего сына, и неплохим, кстати, министром: "...Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке, о дисциплине, гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух"...

— Александр Павлович! — возмущенно воскликнул Николай, — неужели вы считаете, что армия любой страны мира может существовать без дисциплины, умения держать строй и соблюдать общепринятые воинские ритуалы?

— Нет, я так не считаю, — ответил Шумилин, — без дисциплины армия – это стадо баранов. Да и строевая подготовка нужна, спору нет. Но все должно быть в меру. Солдат предназначен не для парада, а для войны. Он должен учиться не тянуть носок на плацу, а убивать своего противника в бою, причем, делать это он должен лучше, чем этот самый противник – иначе убьют его. И учить солдата надо, прежде всего, стрелять, причем, быстро и метко, передвигаться и маскироваться на местности, ну, и уметь

думать. Как говорил великий Суворов: "Каждый воин должен понимать свой маневр..." А ведь сейчас как случается – порой не каждый генерал может разобраться в том, что происходит на поле боя.

— Все это так, но разве мы не учимся всему тому, о чем вы сейчас сказали, — возмутился Николай, — к тому же те, о которых вы уничижительно говорите, заслуженные командиры, отличившиеся во многих сражениях!

— Генералы должны не саблей рубить и штыком колоть, — заметил Шумилин, — а управлять войсками на поле боя. Тут одной личной храбрости мало. Нужно еще и умение думать, причем, думать быстро и не шаблонно. А у некоторых военачальников часто отсутствует умение принимать верные и своевременные решения на поле боя.

Я уже не говорю о том, что многие люди, носящие шитые золотом эполеты, считают военную службу чем-то вроде синекуры. То есть, используют свое служебное положение в личных целях. Вам привести наиболее вопиющие примеры казнокрадства в военном министерстве?

— Не надо, — буркнул недовольно Николай, — здесь я с вами спорить не стану. Но только таких жуликов и взяточников из армии удаляют, лишая их чинов. Ну а насчет умения думать... Я полагаю, что для военного важнее умение повиноваться, и исполнять приказы вышестоящего начальника.

— Вот-вот, — ответил Шумилин, — в ожидании приказа этого самого вышестоящего начальника и были проиграны сражения в Крыму. Например, во время Инкерманского сражения, когда русские войска успешно атаковали англичан, срочно понадобились резервы для того, чтобы развить успех. Но генерал Данненберг со своим 12-тысячным резервом не тронулся с места, так же как и генерал Горчаков, простоявший с 22-тысячным отрядом полутора верстах от поля боя. И наши войска потерпели поражение, так и не сумев деблокировать Севастополь.

— Не может такого быть! — воскликнул Николай. — Данненберг и Горчаков – подлецы! Как только я вернусь в Петербург, то сразу же уволю их со службы.

— А как вы поступите с князем Василием Андреевичем Долгоруким, который сейчас полковник, а во время Крымской войны будет военным министром? Так вот, он отказался прислать командующему русскими войсками в Крыму карту полуострова, потому что карта сия была в России всего в одном экземпляре, и хранилась у военного министра.

— Безобразие! — воскликнул Николай, — неужели, Александр Павлович, так все и было? Это же уму непостижимо!

— Было, Николай Павлович, — печально сказал Шумилин, — именно так все и обстояло. Я уже не говорю об обычном нашем российском разгильдяйстве. К примеру, полушубки, которые были заказаны к зиме, хотя и крымской, но все же холодной, пришли в Севастополь лишь к лету, когда надобность в них отпала.

А неимоверная алчность интендантов! Они беззастенчиво воровали продукты и имущество у защитников Севастополя, оборванных и полуголодных. Дело дошло до того, что за выдачу жалования сражающимся на бастионах героям, эти тыловые крысы требовали, как говорят в наше время, "откат" — от шести до восьми процентов от общей суммы жалования.

Генералы Бутович и Халецкий умудрились в разгар военных действий переслать в Петербургский банк по сорок тысяч рублей серебром. Естественно, не скопленных в течение многих лет воздержания от доступных им радостей жизни. Генерал же Ковалев отправил домой фортепьяно, завернутое для сохранности инструмента в корпию! И это тогда, когда раненые в Севастополе остро нуждались в перевязочном материале.

— Какой позор! — простонал Николай, закрыв лицо ладонями, — какие мерзавцы! Александр Павлович, что же делать, ведь я увольняю их от службы, отдаю под суд, а жуликов меньше не становится.

— Человеческую натуру исправить невозможно, — хмуро сказал Шумилин, — но все же заставить этих, как вы говорите, мерзавцев, бояться закона, не действовать так нагло и беззастенчиво, все же возможно. Трудно это, но попробовать стоит...

Хотя... Вы помните, Николай Павлович, управляющего делами Комитета министров, некоего Гежелинского? Он в течение пяти лет регулярно бывал у вас с докладами, но при этом не исполнил двадцать четыре Высочайших повелений, и шестьдесят пять прочих важных документов. Некоторые лежали в его канцелярии аж с 1813 года!

Даже ваши указы не исполняют, что тогда говорить о каких-то законах и правительственных постановлениях!

— Довольно, Александр Павлович! Прощу вас, хватит! — воскликнул Николай, — неужели все так плохо? Давайте лучше, расскажите, что у нас можно сделать с армией. А о жуликах и казнокрадах мы еще поговорим с вами, только позднее...

— Хорошо, Николай Павлович, — сказал Александр, — если вернуться к неудачной для России Крымской войне, то следует вспомнить и об устарелости нашего вооружения. Особенно это касается стрелкового

оружия.

Наша пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, тогда как в Европе уже всю использовали нарезные дальнобойные ружья. Нельзя сказать, что их у нас не было вообще. Нарезными ружьями – бельгийскими ("люксембургскими", льежскими) и отечественными систем Гартунга и Эрнста, штуцерами – было вооружено лишь четыре-пять процентов пехоты: стрелковые батальоны и двадцать четыре "застрельщика" в каждом пехотном батальоне. Основным же видом массового стрелкового оружия были гладкоствольные кремневые и капсюльно-ударные ружья с дальностью прямого выстрела в двести шагов. Английские и французские пехотинцы поражали наших солдат на немыслимой для них дистанции. Да что там солдат – союзники выбивали расчеты наших гладкоствольных артиллерийских орудий, не опасаясь получить в ответ заряд картечи.

— Почему же так произошло? — спросил Николай, — ведь мы пытались вооружить нашу армию новым и совершенным оружием.

— Все дело в общей экономической отсталости страны, — сказал Шумилин, — непосредственно перевооружению всей русской армии теми же штуцерами препятствовала отсталость русской военной промышленности с ее немногочисленными заводами и фабриками, почти лишенными самого совершенного по тому времени парового двигателя и отличавшимися крайне низкой производительностью крепостного труда.

— Значит, — задумчиво сказал Николай, — все опять упирается в этот проклятый крестьянский вопрос? Знаете, Александр Павлович, у меня голова уже плохо соображает от бессонницы и всех этих разговоров. Давайте поспим хотя бы пару часов, а потом продолжим нашу беседу...

Паролем пусть будет это...

Пока государь гостил в будущем, в его времени тоже происходили важные события. Главный надзирающий за Российской империей граф Александр Христофорович Бенкендорф самолично познакомился с гостями из будущего. Как умный человек и хитрый царедворец, он сразу же понял всю выгоду такого знакомства.

В тот вечер граф засиделся в квартире Одоевского допоздна. Он жадно расспрашивал Сергеева о том, что произошло с Россией за сто семьдесят два прошедших года. Оберегая нервы и рассудок Бенкендорфа, Виктор на некоторые его вопросы отвечал весьма уклончиво и неопределенно. Впрочем, и сам Александр Христофорович прекрасно понял, что не все ему

положено знать, и особо не настаивал на доскональных ответах на его вопросы, когда чувствовал, что тема, им поднятая, находится за пределами его компетенции.

Но, даже то, что удалось узнать графу, повергло его в ступор. Это, прежде всего, Крымская война, кончина Николая I, и воцарение нового императора Александра II. К известию о своей близкой кончине (в реальной истории Бенкендорф умер в сентябре 1844 года в возрасте шестидесяти двух лет) он отнесся довольно спокойно. В конце концов, генерал был старым воякой, не раз смотрел в глаза смерти, сам был ранен. А вот смерть его покровителя и друга, униженного неудачами в Крыму, предательством союзников, тех, кого император считал своими друзьями, потрясла графа.

— Как же это так можно, господа? — растерянно проговорил Бенкендорф, — мы ведь заключили договор о союзе с Австрией и Пруссией... А они пригрозили ударить нам в спину... Какая подлость!

— Александр Христофорович, голубчик, — ответил ему Сергеев, — вы же знаете, что политика — это такая штука, в которой договоры между государствами соблюдаются лишь до тех пор, пока они выгодны. Вон, посмотрите на британцев: как скажет в недалеком будущем один из ее премьер-министров: "У Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей — у Британии есть только постоянные интересы"...

— Но, это же... Это мерзко, недостойно для государственного деятеля! — воскликнул потрясенный Бенкендорф, — конечно, политика — вещь довольно грязная и циничная, но не настолько же...

— Александр Христофорович, — наставительно, как взрослый обычно говорит подростку о прописных истинах, произнес Сергеев — вы ведь в молодости сами были кем-то вроде дипломата, и гм... не только дипломатом. Париж тысяча восемьсот восьмого года... Напомнить вам — чем вы занимались там вместе с графом Чернышевым?

Услышав это, Бенкендорф усмехнулся. Ему было приятно вспомнить свои молодые годы, службу в Париже в составе русского посольства, где он занимался тем, что некоторые люди скромно называют военной разведкой, а некоторые — шпионажем. Он также вспомнил очаровательную актрису, пышнотелую мадемуазель Жорж, любовницу Наполеона, которую юный Бенкендорф сумел соблазнить, и с которой сбежал из Франции в Петербург. После этого Бонапарт зачислил его в список своих личных врагов.

Потом, разговор вернулся к сегодняшним реалиям. Граф попросил Виктора рассказать ему о том, что в самое ближайшее время произойдет в империи. К сожалению, Сергеев знал историю XIX века намного хуже, чем

его одноклассник, который отбыл в Петербург века XXI с Николаем I.

Поэтому, он честно сказал, что многое из того, что должно случится, ему неизвестно, и предложил Бенкендорфу по прибытию Шумилина поговорить с ним. Тем более, что он мог быть ему полезен, как специалист. Правда, Александр Павлович занимался борьбой с уголовной преступностью, а не с врагами государства, но основы розыскного дела сыщикам из III-го отделения узнать не помешало бы.

— Виктор Иванович, — спросил задумчиво Бенкендорф, — возможно, что я буду выглядеть в ваших глазах не совсем... Но я хочу узнать у вас мнение о моем помощнике, и в какой-то мере начальнике, полковнике Леонтии Васильевиче Дубельте. Ведь это именно я ходатайствовал за него, чтобы его приняли на службу в жандармский корпус, а потом еще взял в свою канцелярию. А сейчас чувствую, что он метит на мое место. В то же время, Леонтий Васильевич прекрасный служака, знает свое дело, за короткое время сумел создать сеть информаторов, и мне, а соответственно, и государю, теперь известно, что происходит в Петербурге и губернских городах.

— Эх, Александр Христофорович, — сказал Сергеев, — это вам так кажется. Во-первых, нельзя до конца доверять человеку, который, по его собственному признанию, состоял сразу аж в трех масонских ложах, одна из которых, "Соединенных славян", являлась своего рода филиалом тайного общества декабристов. Я понимаю вас, Александр Христофорович, среди ваших друзей тоже были те, кто потом оказался под следствием по делу 14 декабря... Но вы, граф, заслужили доверие и уважение государя своим поведением в тот роковой день. А вот Леонтий Васильевич...

Ну а во-вторых... Знаете, Александр Христофорович, чем вы отличаетесь от него, несмотря на то, что фактически делаете одно и то же дело? Вы служите России и самодержцу не за страх, а за совесть, понимая, что работа сия, несмотря на ее внешнюю неприглядность, очень нужна и важна для государства нашего. А вот Леонтий Васильевич в первую очередь видит в службе возможность что-то сделать для себя лично, служит не столько царю и империи, а своему тщеславию. Вспомните дело Пушкина... Точнее, история с его дуэлью. Ведь Дубельт получил от вас и государя четкий приказ — всеми возможными средствами не допустить дуэли между Пушкиным и Дантесом. И что Дубельт — справился с данным ему высочайшим повелением? Как бы не так! Он, якобы, стараясь помешать той роковой дуэли, проявил чудовищную халатность, и Пушкин — гордость нашей словесности, погиб.

Бенкендорф хмуро кивнул. — Виктор Иванович, — я, в общем-то,

думаю так же, как и вы, но мне хотелось лишний раз убедиться в своей правоте. Если даже вы, люди двадцать первого века, придерживаетесь того же мнения...

Бенкендорф не договорил, и лишь махнул рукой. Потом он немного подумал, и продолжил, — господин Сергеев, я не хочу вмешивать вас в мою междоусобицу с Дубельтом. Лучше будет, если он о вас вообще не будет знать. Но некоторые мои люди имели "счастье" познакомиться с некоторыми из вас... — сказав это, Бенкендорф достал из кармана своего мундира обрезки пластиковых стяжек, — поэтому, я хочу, чтобы рядом с вами всегда теперь был мой человек, который помогал бы вам лучше разбираться в том, что происходит у нас, и решать возникающие проблемы. Завтра утром он будет у вас. Запомните, его зовут Дмитрием Григорьевичем, фамилия его простая — Соколов, чин — ротмистр. Для того, чтобы вы были уверены в том, что к вам пришел человек именно от меня, я попрошу вас, Виктор Иванович, дать какую-нибудь вашу вещь, которую вы сразу бы узнали. Я утром передам ее ротмистру, а он предъявит ее вам при встрече. Вполне понятно, что я не стану рассказывать ему — кто вы и откуда... Ну а вам самим решать — продолжать быть отставным майором Сергеевым, или рассказать ему о вашем пришествии из будущего в наш мир... Скажу лишь одно — человек этот честный, верный государю и России, послужил в свое время на Кавказе, где проявил храбрость и смекалку. Как вам мое предложение?

Сергеев на мгновение задумался. С одной стороны, появление рядом с ними агента графа Бенкендорфа создало бы определенные сложности в общении пришельцев из будущего с людьми XIX века... Но, с другой стороны, лучше знать в лицо того, кто будет за ними следить, чем каждый раз озираясь, выискивая тайного соглядатая. Виктор не был наивен, и прекрасно понимал, что с этого дня они будут постоянно находиться "под колпаком" ведомства, возглавляемого его сегодняшним собеседником.

— Ну что ж, Александр Христофорович, — сказал Сергеев, — пожалуй, ваше предложение вполне здоровое, и, действительно, с помощником от вас нам будет более безопасно... — Виктор скосил глаза на лежащие на столе обрезки пластиковых стяжек. Бенкендорф, оценив намек, улыбнулся.

— Мы будем рады познакомиться с ротмистром Соколовым, тем более, что мой сын уже в наше время воевал примерно в тех местах, что и ваш протеже. Ну а насчет нашего происхождения... — тут Сергеев развел руками. — Если ваш человек, действительно умен и наблюдателен, то он довольно скоро поймет, что мы за люди и откуда. Тогда волей-неволей нам

придется раскрыть наш секрет.

— Надеюсь, граф, что ротмистр сумеет сохранить в тайне то, что он узнает от нас... Ведь вы прекрасно понимаете – какие непоправимые последствия могут наступить в случае, если недоброжелательно настроенные к России и государю люди узнают о нашем существовании. Так что ждем завтра с визитом Дмитрия Григорьевича, а насчет вещицы... — Сергеев сунул руку в карман и достал оттуда шариковую ручку с эмблемой "Зенита", — пусть вот это станет нашим паролем...

Глаза в глаза...

Александр и император легли спать где-то часа в три ночи. Но, несмотря на это, в шесть Николай уже был на ногах – сказалась привычка рано вставать. Шумилин, услышав шаги в коридоре, решил немного поваляться на своем любимом мягком диване – ничего страшного, если Николай немного побудет один. Пусть посмотрит в окно, полюбуется на жизнь Петербурга XXI века.

Но царь, видимо, желая не терять времени даром, решил заняться самообразованием. Александр услышал, как скрипнула дверца книжного шкафа (давно собирался ее смазать!), а потом скрипнуло кресло. Обождав минут десять, Шумилин осторожно встал с кровати, надел пижамные брюки и футболку, после чего тихонечко, стараясь не скрипнуть половицей, подошел к двери своей спальни. Приоткрыв дверь, он заглянул в гостиную.

Николай в мягком махровом халате сидел у окна в кресле, и читал какую-то книгу, морщась время от времени – скорее всего, его раздражала новая, непривычная для него орфография. — Интересно, что он читает? — подумал Шумилин.

В этот момент половица все же предательски скрипнула под его ногой, и царь, услышав посторонний звук, обернулся.

— Доброе утро, Николай Павлович, — приветствовал Александр своего гостя, — извините, заспался немного. А вы почему не спите? И что читаете, если не секрет?

— И вам утро доброе, Александр Павлович, — поздоровался с ним Николай, — не спится что-то после нашего с вами ночного разговора. Да и привык я, знаете ли, рано вставать.

— Понятно, — сказал Александр, — наверное, вы такой же "жаворонок", как и я.

Заметив непонимающий взгляд царя, Шумилин пояснил, — у нас

людей делят на две категории: "жаворонки" и "совы". "Жаворонки" – это те, кто рано встают и рано ложатся. "Совы" – наоборот, любят поспать с утра, и бодрствуют до полуночи и даже далеко за полночь.

Царь понимающе кивнул головой. — Ясно, Александр Павлович. Только я, скорее по вашему, и "жаворонок" и "сова" одновременно. Приходится много работать, так что на сон остается всего три-четыре часа в сутки. А сколько сейчас времени?

Шумилин взглянул на электронные часы, висевшие на стене, — по московскому времени – шесть с половиной часов утра.

Николай, увидев часы, на которых вместо циферблата были большие ярко-зеленые цифры, удивился. Потом он взял со стола свои золотые карманные часы, щелкнул крышкой и взглянул на время.

— Удивительно, но на моих часах всего четыре тридцать. Похоже, что время у вас на два часа обгоняет время Санкт-Петербурга. Впрочем, если учесть, что ваше время убежало не только на два часа, но и на сто с лишним лет вперед, я уже теперь ничему не удивляюсь.

Царь встал с кресла, и сладко потянулся. Александр увидел обложку книги, которую он читал незадолго до моего прихода. Это был книга генерала Шильдера "Николай I его жизнь и царствование". Генерал и историк начал писать эту книгу в конце XIX века, незадолго до своей смерти. И написал он только первую часть, закончившуюся польским мятежом 1831 года.

Царь, заметив, что Шумилин смотрит на книгу, криво усмехнулся, и сказал,

— Вот, решил почитать книгу о самом себе. Этот историк – не сын ли генерала Карла Андреевича Шильдера, который в прошлую войну с турками командовал лейб-гвардии саперным батальоном? Он еще построил подводный корабль, который мог из-под воды стрелять зажигательными ракетами...

Шумилин подтвердил, что Николай Карлович Шильдер и в самом деле сын того самого Шильдера, изобретателя первой в мире подводной лодки, вооруженной ракетами. И что сегодня праправнуки той шильдеровской подводной лодки могут запросто уничтожить все живое на планете.

От этих слов Александра, Николай даже на какое-то время потерял дар речи.

А потом, придя в себя, попросил более подробно рассказать об этих монстрах, которых он называл "всадниками Апокалипсиса". Шумилин взял с книжной полки книгу, с фотографиями современных кораблей русского флота, и кратко рассказал царю о каждом из типов кораблей. Особенно

потрясли Николая фотографии авианосца "Адмирал Кузнецов", и атомных подводных лодок, несущих баллистические ракеты. А когда Александр сообщил своему гостю, что такие подводные лодки могут неделями находиться под водой, пересекать, не поднимаясь на поверхность, океаны, и одним залпом стирать с лица земли целые города и даже страны, царь был потрясен.

— Александр Павлович! — воскликнул он, — как страшно жить в вашем мире! Я не понимаю, как можно быть спокойным, когда ты знаешь, что в любой момент мирная жизнь может прерваться, и на страну обрушатся все силы ада, по сравнению с которыми покажется пустяком гибель библейских Содомы и Гоморры! Нет, в мое время между государствами тоже случаются войны, но, ни в одной из них не ставилась цель истребить всех жителей государства и превратить в прах и пепел огромные города.

— Увы, Николай Павлович, — печально ответил царю Шумилин, — но реальность нашего бытия всеми давно уже принимается спокойно. Люди предпочитают не думать о том, делая вид, что всех этих ужасных средств массового уничтожения вроде бы и не существует. А насчет вашего времени...

Да, в Европе поголовного истребления мирных жителей уже не происходит — времена Тилли и Валленштейна канули в Лету. Но те же британцы преспокойно вырезают жителей острова Тасмания, а граждане Северо-Американских Соединенных Штатов не так давно еще платили за скальп индейца от семидесяти до ста двадцати долларов — в зависимости от того, с кого сняли скальп — с ребенка или со взрослого воина. Да и те же британцы в Ирландии платили за голову учителя ирландского языка такую же премию, как за убитого волка.

— Я слышал об этом, — сказал Николай, — и я никогда не позволил бы одним моим подданным убивать других. Даже в мятежной Польше, где бунтовщики зверски расправлялись с пленным русским солдатами, мы наказывали лишь тех, кто был уличен в убийстве и зверстве над теми, кто сохранил мне верность.

— Николай Павлович, — спросил Шумилин, — вы готовы отправиться в путешествие по Санкт-Петербургу? Или предпочтете еще немного побыть у меня?

— Нет, я прибыл сюда для того, чтобы увидеть ваш мир своими глазами, — возразил царь. — Александр Павлович, давайте собираться...

— Тогда Николай Павлович, — давайте быстро позавтракаем, соберемся, и, как говорится, с Богом, вперед...

Шумилин, привыкший к холостяцкой жизни, на скорую руку приготовил еду – пельмени, бутерброды с сыром и ветчиной, бисквиты и печенье. Ну и кофе, чтобы разогнать усталость после напряженной ночной беседы.

Николай с удовольствием умял тарелку пельменей с майонезом и кетчупом, похрустел своим любимым соленым огурчиком, отдал должное бутербродам и бисквитам. После кофе хозяин и гость стали собираться в дорогу. Шумилин хотел вызвать по телефону Сергеева-младшего с автомашиной, но Николай стал возражать, заявив, что он с большим удовольствием прошелся бы пешком, тем более что погода была хорошая.

Перед уходом Николай немного замялся, и достал из-под стола небольшой саквояж, который он взял с собой из прошлого. Щелкнув его замками, царь достал из него несколько золотых табакерок с бриллиантами, несколько золотых карманных часов, две или три коробочки, в которых обычно хранятся драгоценности, и замшевый мешочек, в котором что-то брякало.

— Александр Павлович, — немного смущенно сказал Николай, — мне не хочется возвращаться назад с пустыми руками. У меня есть желание купить у вас подарки для своей супруги и детей. Для этого нужны деньги, но, как я понимаю, в вашем мире мои монеты и ассигнации вряд ли примут в качестве оплаты за покупки. Поэтому, я хотел бы попросить вас, Александр Павлович, обменять эти драгоценности и золотые монеты, на деньги, имеющие хождение в вашем времени.

Шумилин задумчиво почесал голову. Действительно, он как-то не подумал – на какие шиши купить то, что понравится в нынешнем Санкт-Петербурге царю. Конечно, то, что предложил Николай для обмена, стоило огромных денег, но реализовать их быстро вряд ли удастся. Сбыть по дешевке такое – жаба задушит, а продать серьезным людям – так надо на этих серьезных людей выйти через заслуживающих доверие посредников. Конечно, можно начать с золотых монет, но для всего этого нужно планировать отдельную операцию. Безделушки, так небрежно вываленные царем на стол, в этом времени могут стоять целое состояние.

— Хорошо, Николай Павлович, — сказал Александр, чуть помедлив, — мы вернемся к этому вопросу чуть позднее... А пока совершим прогулку по городу. Я хочу, чтобы вы просто взглянули в глаза вашим потомкам. Блаженный Августин говорил, что глаза – это зеркало души. Постигните же и вы, ваше величество, души людей XXI века...

Итак, они вышли и пошли... День должен быть хорошим – на небе ни облачка, ветра почти нет. Суббота – выходной. С утра на улицах народу мало, машин тоже.

Николай с любопытством осматривался по сторонам. Его удивляло все – и легкомысленная по меркам XIX века одежда встречающих представительниц прекрасной половины рода человеческого, и огромные в сравнении с каретами и пролетками автобусы и троллейбусы. Светофоры понравились царю. Когда Шумилин в двух словах объяснил ему что означают эти загорающиеся зеленые, желтые и красные огоньки, он одобрительно закивал головой. А Александр про себя подумал, что, скорее всего, в Петербурге на Невском может появиться нечто подобное. Вот только, как они будут действовать? Возможно, что поставят специальных будочников, которые станут ими управлять.

Кстати, Николая очень удивило то, что на улицах люди спокойно курят. В его время дымить на городских улицах было строжайше запрещено. А здесь – пожалуйста, доставай папироску, и – кури сколько влезет.

Гость из прошлого неплохо ориентировался в Петербурге XXI века, хотя многие дома были построены уже после 1840 года, а те, что были, не сохранились. На Кирочной, напротив улицы Восстания, царь остановился, и долго смотрел на школу, находившуюся там, где при нем стояла церковь Козьмы и Дамиана, храм Лейб-Гвардии Саперного батальона, которым Николай когда-то командовал.

— Нет его уже, значит, — грустно сказал самодержец, — а жаль...

— Мне тоже очень жаль, Николай Павлович, — ответил Александр, — красивая была церковь, я, правда, видел ее только на фотографиях, снесли ее еще до моего рождения.

Потом, выйдя на Литейный, где царь долго любовался зданием Дома офицеров, они свернули на улицу, которая при Николае называлась Пантелеймоновской, по имени церкви Святого великомученика Пантелеймона Целителя. Царь уже стал привыкать к современной орфографии, и с интересом читал таблички и рекламы, которыми пестрели фасады домов. И именно здесь с ним чуть не случился удар.

Николай прочитал табличку с названием улицы.

— Боже мой! — воскликнул он, не веря своим глазам, — это как понимать, Александр Павлович!

На табличке было написано "улица Пестеля".

— Вы назвали улицу именем этого висельника Пестеля! — царь никак не мог придти в себя от возмущения. — Вы, милостивый государь, хоть знаете, что это был за человек?!

— Николай Павлович, успокойтесь, пожалуйста, — Шумилин попробовал успокоить возмущенного самодержца, озираясь по сторонам. Некоторые прохожие, удивленные странным поведением высокого и статного мужчины, начали коситься на них. — Николай Павлович, я прекрасно знаю, что Павел Пестель был человеком отвратительным, и что, дорвись он до власти, кровь потекла бы ручьем по всей Руси Великой.

— Александр Павлович, — продолжал кипятиться царь, правда, уже не так бурно, — как можно называть именами этих людей улицы?! Вы еще скажите мне, что у вас и памятники им ставят...

Шумилин тяжело вздохнул. Врать он не умел и не хотел, а правду говорить не хотелось. Ведь и памятники имеются, и несколько поколений на примере этих самых "героев 14 декабря" воспитывали...

Он попытался отвлечь внимание царя, начав рассказывать ему о мемориальной доске напротив Пантелеймоновской церкви, в которой рассказывалось о доблести защитников полуострова Ханко во время Великой Отечественной войны.

— Ханко – это Гангут? — переспросил Николай Шумилина, — это выходит, что Россия воевала с Финляндией? Как это могло случиться? Ведь Великое княжество Финляндское – это территория Российской империи...

— К сожалению, уже почти сто лет как нет, — снова тяжело вздохнул Александр, — и Россия дважды воевала с Финляндией. Правда, в последний раз они выступили против нас в союзе с германцами, — увидев вопросительный взгляд царя, он пояснил, — ну, вы ведь, Николай Павлович, уже слышали о том, что была Великая война, названная у нас Второй или Великой Отечественной. Мы победили, заняв Берлин. Я потом более подробно расскажу вам о ней.

Напротив Михайловского замка Николай минут пять стоял молча, пристально рассматривая этот мрачный дворец, в котором так трагически оборвалась жизнь его отца.

— Александр Павлович, — повернулся он потом к Шумилину, — вы, наверное, знаете, что произошло здесь в ночь на 12 марта 1801 года? Это для моих подданных – и то не для всех – секрет. А вам, в будущем, все уже известно...

— Знаю, Николая Павлович, — лаконично ответил Александр, — и знакомые милиционеры, охраняющие сейчас это здание, рассказывали, что своими глазами видели ночью призрак вашего батюшки, бродящего по

коридорам и лестницам Михайловского замка.

Николай, услышав эти слова, побледнел и вздрогнул. — Ради Бога, Александр Павлович, — сказал он неожиданно охрипшим голосом, — давайте пойдем отсюда. Потом мы как-нибудь поговорим об этом, потом...

Пройдя через Михайловский садик, они вышли к величественному храму, который все называли Спаса на Крови. На самом деле он назывался собором Воскресения Христова на Крови.

— Красивый храм, — сказал Николай, с любопытством оглядывая его мозаики и купола, — скажите, Александр Павлович, как он называется, и в честь какого события он поставлен?

У Шумилина сжалось сердце. Ему вдруг стало очень жаль этого высокого, красивого и могучего человека, перед которым трепетала вся Россия. И вот так прямо, взять и рассказать ему про ужасную смерть его любимого сына и наследника...

Николай, по-видимому, почувствовав настроение своего спутника, снова побледнел. — Александр Павлович, голубчик, не рвите мне душу, расскажите мне обо всем! Я ведь чувствую, что здесь случилось что-то страшное..

Шумилин проглотил комок, который вдруг подкатился к его горлу. Потом, деревянным и чужим голосом он произнес. — Ваше величество, на этом самом месте 1 марта 1881 года злодеями был убит российский император Александр II, ваш сын и наследник.

Николай шумно вздохнул. Он сдержался, но по его щекам неожиданно покатались слезы. — Сашка, так вот как... Значит здесь, — только и сказал он.

Потом, постояв несколько минут, царь покосился на Шумилина, отвернулся, и, достав из кармана батистовый платок, вытер слезы с лица.

— Николай Павлович, — стал успокаивать его Шумилин, — в вашей истории ЭТО еще не произошло... И не произойдет, если мы вмешаемся в ход вашей истории, и не позволим, что бы то, что случилось в нашей истории, здесь в марте 1881 года, повторилось...

Царь, слушавший вполуха то, что говорил ему Александр, неожиданно встrepенулcя, и крепко схватив Шумилина за руку, взволнованно сказав. — Александр Павлович, помогите нашей стране, и нашему народу избежать всех этих ужасов... Я долго думал – кто прислал вас в наш мир, силы добра или зла? Но, без вмешательства свыше здесь точно не обошлось. Послужите во благо, и благодарность всего нашего народа вам будет обеспечена...

Шумилин пристально посмотрел в глаза царю. — Николай

Павлович, — сказал он, — вы полностью можете рассчитывать на меня и моих друзей...

Приведя немного нервы в порядок, они прошли по набережной Мойки, дойдя до Певческого мостика. На Дворцовой площади царь долго любовался Зимним дворцом. — А ведь я помню, какой он выглядел совсем недавно после пожара, — задумчиво сказал Николай, — и вот, сейчас он такой же, как и был, когда я въехал в него после ремонта. Только фасад был окрашен в темно-желтый цвет...

А кто в нем сейчас живет, Александр Павлович?

— Никто в нем не живет, — ответил Шумилин, — в Зимнем дворце сейчас находится величайший музей мира. Сотни тысяч людей со всего света приезжают сюда, чтобы полюбоваться на картины и произведения искусства, выставленные в нем.

Николай одобрительно кивнул, — это очень хорошо, Александр Павлович, — сказал он, — люди должны видеть то, что мы и мои наследники сохранили для потомков. А галерея, где выставлены портреты генералов, участников войны 1812 года сохранились?

— Сохранились, — ответил Шумилин. — Мы все с гордостью смотрим на победителей Наполеона... Помните, как у Пушкина?

У русского царя в чертогах есть палата
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен.
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года

Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.

— Да, хорошо писал покойный господин Пушкин, — отозвался Николай... Они помолчали немножко, шагая по бульвару мимо Адмиралтейства. У дома Лобанова-Ростовского – того самого, со львами – они свернули на Вознесенский проспект, и вышли к площади, на котором стоял памятник императору Николаю I, работы барона Петра Клодта.

— А вот и памятник вам, Николай Павлович, шепнул Шумилин царю, который удивленными глазами смотрел на себя самого, бронзового... — Как видите, у нас помнят не только бунтовщиков. Можете подойти к нему и полюбоваться.

Царь машинально кивнул, и по его щеке снова скатилась слеза.

— Да, сегодня слишком получился слезливый день для самодержца, — подумал Александр, — но иногда слезы смывают с души все плохое и это идет только на пользу...

Наша служба и опасна и трудна...

Человек от Бенкендорфа пришел, как и обещал граф, на следующее утро. Едва Одоевский и его гости успели позавтракать, как в гостиную вошел лакей, и, нагнувшись к уху князя, что-то шепнул ему на ухо. Одоевский кивнул, и велел слуге пригласить посланца Александра Христофоровича.

Вскоре в комнату вошел мужчина в сером цивильном костюме, лет тридцати-тридцати пяти от роду, высокий, статный, с приятным, располагающим к себе лицом. Он поклонился присутствующим, и, остановив свой взгляд на Викторе, подошел к нему.

— Их сиятельство просил передать вам это, — сказал гость, доставая из кармана шариковую ручку, с зенитовской эмблемой.

— Если не ошибаюсь, вы ротмистр Соколов? — спросил Сергеев, поднимаясь с кресла навстречу господину из III-го отделения. — Дмитрий Григорьевич?

Ротмистр утвердительно кивнул, и тогда Виктор представился сам и представил свою спутницу. Соколов вел себя спокойно, и было трудно понять – рассказал ли ему граф, откуда, и из каких времен прибыл человек, назвавшийся отставным майором Сергеевым. Скорее всего, нет, но ротмистр своим умом быстро сообразил, что этот пожилой плотный мужчина с седыми усами и шрамом на лбу совсем не похож на тех, с кем

ему приходилось сталкиваться ранее.

— Дмитрий Григорьевич, надеюсь, вы не обидитесь, если я буду обращаться к вам по имени и отчеству? — спросил Соколова Виктор, и добавил, — в свою очередь, я не буду возражать, если и вы так же будете обращаться ко мне.

Ротмистр кивком дал понять, что не против, и тогда Сергеев продолжил, — видите ли, Дмитрий Григорьевич, нам — мне и моим друзьям, которые сейчас временно отсутствуют, — хочется, чтобы у нас во время пребывания в Петербурге не было никаких недоразумений с вашими коллегами.

— Граф дал мне надлежащие инструкции, — ответил ротмистр, — только Виктор Иванович, поймите и нас правильно — мы можем гарантировать вам обещание насчет служащих Третьего отделения и жандармов, но не можем вам ничего обещать насчет чинов городской полиции и их руководства из министерства внутренних дел. Тем более, что у Александра Христофоровича уже были некоторые разногласия с графом Строгановым — министром внутренних дел, и Сергеем Александровичем Кокошкиным — столичным обер-полицмейстером.

Сергеев усмехнулся про себя. Столько лет прошло, а соперничество среди силовиков как было, так и осталось. "Всемогущие", как их считали в народе, жандармы, все время ожидали подножки со стороны господ-полицейских, и часто получали ее. И происходило сие не от дурного воспитания и желания подгадить конкуренту. Расчет был что ни на есть шкурный — каждое раскрытое "злоумышление на порядок управления" давал повод полицейским получить новые чины и награды, а также выбить дополнительные ассигнования на "известные цели" — так в документах того времени изящно именовали деньги, выделенные на поощрение тех, кого скромно называли агентами, а попросту — доносчиков.

— Скажите, Дмитрий Григорьевич, — неожиданно Виктор спросил ротмистра, — а приходилось ли вам лично встречаться с теми, кто возмущает лиц разного сословия против монарха и правительства? Если да, то кто они?

Ротмистр на минуту задумался, а потом ответил. — Видите ли, Виктор Иванович, ярых противников существующего строя мне видеть довелось. Но, не они представляют опасность. Их слишком мало, чтобы возмутить народ, и большей частью они не совсем здравы умственно.

Куда опасней другие. Это молодежь, дворянчики от семнадцати до двадцати пяти лет, которые и составляют гангренозную часть общества. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный

и реформаторский дух, выливающийся в разные фразы. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшинами, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об ее общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожения рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ.

— Гм, а этот ротмистр умен, весьма умен, — подумал Сергеев, — только он не знает того, что страх скоро пройдет, и эти, как он сказал, "дворянчики" начнут из Лондона звать народ к топору, а те, кто в России, начнут организовывать тайные общества. И одним из организаторов убийства сына Николая I станет дочь губернатора Санкт-Петербурга.

— Дмитрий Григорьевич, — сказал Виктор, — мы с вами еще не раз поговорим на эту тему. А пока я хотел бы услышать то, что Александр Христофорович сказал вам относительно меня и моих друзей.

— Их сиятельство, — отчеканил ротмистр, — велел мне сопровождать вас повсюду, наблюдать за тем, чтобы никто ни в чем не чинил вам ни в чем препятствий и не пытался ограничить вашу свободу. В чем графом был выдан мне соответствующий документ. Вы желаете с ним ознакомиться?

— Не стоит, Дмитрий Григорьевич, — сказал Виктор. — Я вам верю. Александр Христофорович сдержал свое слово. Сегодня я хотел бы прогуляться по городу. Поскольку, вы должны меня при этом сопровождать, то я попрошу вас обожждать меня немного. Я переоденусь, и минут через пять-десять буду готов к прогулке.

Вскоре, Сергеев и ротмистр уже шагали по Невскому. Виктор решил выполнить поручение Шумилина, и прогуляться до Таврического сада, чтобы посмотреть — что сейчас находится на том месте, где в ХХІ веке находится его квартира. Ну и просто прогуляться.

На углу Невского и Литейного Соколов неожиданно дернул Сергеева за рукав. — Виктор Иванович, — шепнул он на ухо отставному майору, — видите человека, который идет за нами, ну тот, в сером цилиндре и с тросточкой. Вон, он сейчас отвернулся, и делает вид, что смотрит на проезжающую карету. Так вот, это человек из полиции. Я видел его как-то раз на Большой Морской улице, в доме обер-полицмейстера Кокошкина. И как раз в мундире чиновника этого ведомства. У меня, Виктор Иванович,

хорошая память на лица.

— Сие означает, Дмитрий Григорьевич, что нам на хвост сели полицейские? — спросил Сергеев у своего спутника.

— Сели на хвост? — усмехнулся ротмистр. — Странное выражение, но, пожалуй, точное. Да, вполне вероятно, что господа полицейские заинтересовались вами, и получили от кого-то из высокого начальства задание проследить за вами.

— Виктор Иванович, — сказал немного погодя Соколов, — я не знаю всех подробностей вашего пребывания в Санкт-Петербурге, но по поводу вас к нам в Третье отделение пришло уже несколько доносов. Вообще-то их нам присылают каждую неделю столько, что и прочитать все не успевают. В основном там пишут такие глупые вещи, что ходу им не дают. Вы знаете, Виктор Иванович, во дворе нашего дома на Фонтанке каждую субботу служащие устраивают "всесожжение" — разводят костер и охапками бросают туда доносы.

Так вот, про вас и ваших спутников, Виктор Иванович, в доносах, написанных дворником дома, в котором живет князь Одоевский и приказчиком магазина, в который вы как-то раз заходили, чтобы купить слесарные инструменты. Они пишут, что вы люди странного поведения, говорите странные вещи и у вас какие-то странные вещи, ранее нигде и никогда не виданные.

То, что вы не совсем обычные люди, Виктор Иванович, я и сам вижу. Но, насчет того, что вы опасны для Российской империи, в этом у меня есть большие сомнения. Да и не стал бы граф Бенкендорф, верный слуга монарха нашего, отдавать приказ оберегать вас. А вот, похоже, что доносы к обер-полицмейстеру дошли до того, кому они были адресованы. И тот решил поближе с вами познакомиться.

Сергеев задумался. Похоже, что события начинают выходить из-под контроля. И граф Бенкендорф здесь может не помочь. Придется, по всей видимости, подтягивать тяжелую артиллерию.

— Скажите, Дмитрий Григорьевич, — сказал Виктор, — а если бумагу, подобную той, которую выдал вам Александр Христофорович, нам выдаст сам государь император? Тогда у обер-полицмейстера и графа Строганова пропадет к нам интерес?

Ротмистр удивленно посмотрел на Сергеева, а потом воскликнул. — Виктор Иванович, вы шутите?! Государь император САМ напишет подобный документ? Возможно ли такое?!

— Вполне возможно, — невозмутимо ответил Сергеев, — но я бы не хотел, чтобы дело дошло до этого. Впрочем...

— Ради Бога, — изумленно воскликнул Соколов, — скажите мне, наконец, кто же вы такие, если за вас готов ходатайствовать сам помазанник божий?

Виктор тяжело вздохнул. — Хорошо, я расскажу вам это, но только я хотел бы, чтобы вы мне дали честное слово, что никому не расскажете то, что сейчас услышите...

Вот вам моя рука!

С Исаакиевской площади Александр и царь отправились в Петропавловскую крепость. Перешли Неву по Николаевскому мосту, по Университетской набережной дошли до Стрелки Васильевского острова, потом через Биржевой мост перешли Малую Неву и вот она, Государева твердыня, она же Государева тюрьма и Государева усыпальница.

Николай был очень удивлен тому, что доступ в Петропавловскую крепость теперь свободный. — Александр Павлович, ведь это непорядок, — сказал он, кивая на настежь распахнутые ворота крепости. — Так ведь сюда любой злодей проникнуть сможет. Нет, так нельзя, — и он осуждающе покачал головой.

— Николай Павлович, — ответил Шумилин, — так зачем же закрывать крепость-то. Она теперь музей. Пусть люди смотрят и мотают на ус, узнают от экскурсоводов – что было здесь столетия назад.

— Это любопытно, — сказал царь, — если можно, то не могу ли я с этими экскурсоводами пройтись по крепости, и послушать, что они будут рассказывать о моем правлении?

— Это нетрудно сделать, — ответил Александр, — только, Николай Павлович, я вас очень прошу, не комментируйте слова экскурсовода и не вступайте с ним в полемику. Нам ни к чему привлекать лишнее внимание.

— Хорошо, — немного подумав, сказал Николай, — я согласен.

Купив билет в кассе, они присоединились к очередной экскурсии. Молоденькая девушка-гид достаточно грамотно рассказывала об истории крепости, о том, что в ней находилось и какие исторические события происходили в ее стенах. Николай слушал внимательно, лишь иногда недовольно морщась, когда девицу, что называется, заносило, и она начинала клеймить "проклятое самодержавие". Лишь у шемякинского монстра, выставленного на всеобщее позорище у дома коменданта крепости, его нервы не выдержали. — Как этот мерзкий скульптор посмел изобразить государя Петра Великого в виде какого-то монстра! —

воскликнул он. Но этим восклицанием Николай не привлек к себе особого внимания, так как мнение остальных экскурсантов по поводу "шедевра" Шемякина вообще были нецензурны.

В тюрьме Трубецкого бастиона Николай внимательно слушал рассказ экскурсовода. Дело в том, что тюрьма эта была построена уже после его смерти, и для него информация о режиме содержания арестантов и о тех, кто здесь сидел, была так же интересна, как и другим посетителям.

А вот в Петропавловском соборе Александру показалось, что царь упадет в обморок. И он его прекрасно понимал. Действительно, не у каждого выдержат нервы, когда ему продемонстрируют его собственную могилу, а также места погребения детей, братьев и сестер, племянников и прочих близких родственников. Шумилин предусмотрительно подхватил под локоть Николая, и шепнул ему на ухо. — Ваше величество, может быть вам стоит выйти на улицу? Или, если хотите, выпейте глоток воды, — и Александр достал из кармана купленную в крепости пластиковую бутылочку с минералкой.

Но Николай быстро пришел в себя. — Нет, Александр Павлович, спасибо, не надо. Не обращайтесь внимания, я просто немного сегодня устал. Впрочем, немного воды я бы выпил.

Немного поморщив от того, что ему придется пить из горлышка, царь сделал большой глоток газировки. Лицо его приняло обычный цвет, и перестало быть серо-зеленым.

— Александр Павлович, — позвольте мне здесь побыть одному, — сказал он своему спутнику. — Вы, как мне кажется должны понять меня...

Шумилин кивнул головой. Он отошел в сторону, и стал разглядывать вывешенные под потолком собора трофейные шведские знамена. К Александру на цыпочках подошла старушка, смотрительница музея. — Извините, — обратилась она к нему, — вы не скажите, кто ваш спутник и откуда он? Я раньше работала в Эрмитаже, и хорошо запомнила портреты монархов, которые были в экспозиции. Так вот, ваш спутник удивительно похож на императора Николая Первого. Впрочем, многие люди на кого-то похожи. Но тут просто удивительное сходство.

Шумилин усмехнулся про себя. — Интересно, — подумал он, — что станет с этим божьим одуванчиком, если я скажу ей правду? Закричит, или сразу хлопнется в обморок? А может и сердечко не выдержать...

— Это мой старый знакомый из Петрозаводска, — сказал он любопытной старушке, — а сходство... Природа, она еще не такие чудеса вытворяет.

— Посмотрите, — вдруг закудаhtала старушенция, — что он такое

делает...

Обернувшись, Шумилин увидел, как Николай встал на колени перед серым надгробием, под которым лежал убитый террористами-народовольцами его сын, и перекрестившись поцеловал глыбу серо-зеленой яшмы. Потом он встал, еще раз перекрестился. И держа прямо спину, отправился к выходу из собора.

За спиной у Александра кто-то громко ахнул. Он повернулся, и увидел, как старушка медленно оседает на пол. Шумилин подскочив, успел подхватить ее под руки, и усадить на стоящий у стенки стул.

— Господи, да что же это? — испуганно бормотала бедная старушка, — ведь это был САМ Николай Павлович... Вы видели ЭТО?

Шумилин воровато посмотрел по сторонам, потом приложил указательный палец к губам, и быстро почти бегом выскочил из собора. Николай ждал его на площади перед входом. Он уже пришел в себя, и любопытством разглядывал здание фасад Монетного двора. Увидев Александра, он грустно улыбнулся, и сказал,

— Знаете, Александр Павлович, только сейчас я понял — где я нахожусь. До этого момента я представлял, что я сплю, и вижу какой-то интересный, и немного страшный сон. Люди из будущего, странные механизмы, страны одежды и нравы. Мне казалось, что в любой момент я могу проснуться и увидеть свой знакомый кабинет в Зимнем дворце.

И только тогда, когда я своими глазами увидел и своими руками пощупал надгробия, под которыми лежу я, и мой сын, я вдруг понял, что действительно, где-то далеко-далеко существует другой мир, в котором все то, что мне еще предстоит, уже давно прошло... Александр Павлович, скажите, как мне теперь жить дальше?

Шумилин тяжело вздохнул, а потом сказал. — Николай Павлович, мне очень жаль, что так все получилось. Только наше появление в вашем времени, как мне кажется, не случайно. Возможно, что это знак свыше... — тут Николай и Александр не сговариваясь перекрестились...

— Видите ли, Николай Павлович, — продолжил этот тяжелый разговор Шумилин, — конечно, мы можем закрыть портал, перенастроить его. И пусть в вашем мире все идет своим чередом, как когда-то шло в нашем. Но мы никогда не простим себе, что мы имели возможность вмешаться в историю нашей страны, и не воспользовались этой возможностью... Это будет подло по отношению к нашим предкам. Мы не хотим, чтобы Россия прошла через унижения Крымской войны, чтобы террористы убили вашего сына. Нельзя это допустить! И мы будем помогать вам, чего бы нам это не стоило.

Мы, Николай Павлович, люди уже взрослые, даже чересчур. Но мы еще можем кое-что. И у нас есть дети, знакомые, которые с радостью нам помогут. Так что вы, ваше величество, можете полностью рассчитывать на нас. Вместе с вами мы можем горы свернуть... Как, вы согласны с нашим предложением?

Николай внимательно посмотрел в глаза Шумилину, потом неожиданно улыбнулся, и протянул свою ладонь Александру. — Вы меня убедили, пусть будет так, как вы говорите. Вот вам в том моя рука...

Глава 8. "Господин тайный советник"

А теперь – пройдемте...

Сергеев и Соколов шли по Литейному. Виктор собрался с духом, и начал рассказывать ротмистру историю о том, как он и его приятели оказались в XIX веке. Поначалу Соколов не поверил своему новому знакомому. И немудрено – в такое нормальный человек и не может поверить с первого раза.

Пришлось Сергееву поднапрячься, и еще раз, по порядку, объяснять ротмистру, что существуют на этом белом свете параллельные миры, что вселенная гораздо сложнее, чем она кажется, и что можно перемещаться – во всяком случае, им это удалось – из одного времени в другое. Соколов, в свое время закончивший Петербургский университет, имел ум довольно развитый, и начал потихоньку понимать, что он столкнулся с необъяснимым для него явлением. Да и косвенные доказательства, с которыми он имел уже возможность ознакомиться. Вроде "пароля" – чудо пера, которое не надо макать в чернила, но которое, тем не менее, пишет, причем так, как ротмистр никогда не видел. Да и не был похож этот пожилой человек, назвавшийся отставным майором, ни на одного из тех, с кем Соколову уже приходилось встречаться.

Вполне естественно, что уверовав в иновременное происхождение Сергеева, ротмистр стал расспрашивать его о житие-бытие в XXI веке. Виктор отвечал уклончиво, не зная, стоит ли выкладывать своему спутнику всю правду. Хотя...

— Дмитрий Григорьевич, — сказал он, — наша жизнь настолько не похожа на вашу, что даже поначалу ваши современники, которые побывали в нашем времени, пребывают в своего рода ступоре... — заметив недоумение в глазах собеседника, он поправился, — в общем, выпадают из реальности. Но, я обещаю вам, что в свое время вы со всеми нашими делами будете ознакомлены, а может быть, увидите будущее своими глазами.

— Виктор Иванович, — воскликнул ротмистр, — значит, кто-то уже побывал в вашем времени?! Неужели...

— Вы знаете, один умный человек говорил – что знают двое – то знает и свинья, — сказал Сергеев, потом заметив тень, мелькнувшую на лице

своего спутника, он добавил, — не обижайтесь, Дмитрий Григорьевич, но на некоторые ваши вопросы я не смогу вам ответить.

Желая прекратить этот разговор, Виктор, вспомнив то, чему учил его Шумилин относительно конспирации, сделал вид, что что-то уронил на мостовую, нагнулся, и бросил взгляд назад. Потом, разогнувшись, он сказал Соколову, — а тот тип, который полицейский, он так и идет за нами.

— Служба у него такая, — ответил ротмистр, — только мне вот что не совсем нравится. Такой достаточно высокий чин, а обычный уличный филер вряд ли так свободно общался с самим генерал-майором свиты и петербургским обер-полицмейстером Сергеем Александровичем Кокошкиным, и вот он, представьте, лично следит за нами. Неспроста это все...

Виктор задумался. Он не настолько хорошо разбирался в исторических реалиях века девятнадцатого, чтобы знать расстановку сил в окружении императора Николая Павловича. Но слова ротмистра его насторожили.

Тем временем они дошли до Спасо-Преображенского собора. Виктор хорошо знал этот храм. Здесь его крестили, сюда он любил заходить, когда возвращался в свой родной город после очередной командировки.

— Дмитрий Григорьевич, — сказал он, — давайте зайдём в собор, помолимся. Вы не возражаете?

Соколов, естественно, не возражал. Но в храм они так сегодня и не попали. Неизвестно какие инструкции получил тот, который за ними следил, но, видимо, согласно тем инструкциям, подошла пора нас брать. И сделали господа полицейские это весьма профессионально.

Едва они свернули с Литейного в сторону Преображенской площади, как шедшие им навстречу два крепких мужика в одежде мастеровых, неожиданно остановились рядом с ними, и крепко схватили Виктора и ротмистра за руки. А человек в сером цилиндре, подойдя к ним, сказал,

— Господа, я попрошу вас не сопротивляться и следовать с нами. Вас желает видеть Сергей Александрович Кокошкин. Вам, наверное, не нужно разьяснять — кто это?

Ротмистр попытался было вырваться из рук державшего его "мастерового", но тот лишь рассмеялся, и ловко завернул руки Соколова за спину. — Ишь, задергался, — сказал он грубым хриплым голосом, — от меня еще никто не убежал! Стой и не дергайся!

Господин из полиции махнул рукой, и из-за угла выехала закрытая черная карета с зарешеченными окнами. Она остановилась напротив задержанных. Дверь кареты открылась, и "мастеровые" ловко втокнули в нее Сергеева и Соколова. Туда же сел господин в сером цилиндре и один из

полицейских. Второй разместился на запятках кареты. Дверь закрылась, и "автозак" XIX века тронулся с места.

После небольшой паузы ротмистр начал протестовать, и пригрозил людям обер-полицмейстера большими неприятностями.

— Знаете ли вы, кто я? — бушевал Соколов, — я ротмистр Третьего отделения, и у меня бумага, подписанная самим графом Бенкендорфом!

Он полез было в карман, но сидящий напротив него полицейский ловко перехватил его руку, а человек в сером цилиндре (правда, цилиндр, перед тем как сесть в карету он снял, и теперь держал на коленях) сунул руку в карман сюртука Соколова, и вытащил оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Он развернул его, прочитал, поморщился, и небрежно сунул к себе в карман.

— Меня это не касается. Господин полицмейстер приказал вас задержать и доставить к нему, я и выполняю его приказание, — сказал человек в цилиндре. — Вы, господа, можете потом на меня жаловаться. Это ваше право. Все претензии можете высказать Сергею Александровичу. Он с нетерпением ждет встречи с вами.

Сергеев наблюдал за перепалкой двух николаевских силовиков, и молчал. Он понимал, что генерал-адъютант Кокошкин интересуется не столько ротмистром, сколько его скромной персоной. А может, и не только Кокошкин. Возможно, что и сам министр внутренних дел граф Строганов приложил к этому руку. Может, поинтересоваться?

— Милостивый государь, — спросил он, — не соблаговолите ли представиться. А то как-то неудобно получается, заарестовали нас, везете в полицию, а мы не знаем даже, как к вам обращаться.

Человек в сером цилиндре помолчал, а потом, подумав, ответил. — Можете называть меня Иваном Ивановичем. Это вас устроит?

— Вы, наверное, такой же Иван Иванович, как я Франц Карлович, — ответил Виктор. — Впрочем, будем считать, что все именно так, как вы сказали. И все же, куда вы нас везете, и зачем?

— Успокойтесь, Виктор Иванович, — неожиданно вступил в разговор ротмистр, — скорее всего, мы едем на Большую Морскую. И собеседником вашим — моим вряд ли — будет сам Сергей Александрович. Только если все то, о чем вы мне только что рассказали правда, то... В общем, все будет хорошо.

— А что рассказал вам господин Сергеев, — поинтересовался "Иван Иванович", — чем быстрее мы узнаем от вас всю правду, тем быстрее мы с вами распрощаемся.

— Иван Иванович, — криво улыбнувшись, сказал Сергеев, — а вы

помните Святое писание? Как говорится в Книге Экклезиаста: "Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь". Вы не боитесь, что то, что вы узнаете, может сказаться на вашем здоровье?

"Иван Иванович" нахмурился, и злобно посмотрел на Сергеева. Но препираться с ним не стал, и до конца поездки молчал. Виктор же подмигнул ротмистру, и незаметно для своих конвоиров сунул руку подмышку. Там, под сюртуком в кобуре у него лежал травматический пистолет "Макарыч". Эти полицейские при задержании быстро обшарили его карманы, и, не найдя в них ничего подозрительного, успокоились. Что поделаешь, нет у них еще опыта в такого рода делах. Так что разговор с господином Кокошкиным может получиться весьма интересным. Но, лучше бы дело не дошло до пальбы.

Их провели в дом главного полицейского столицы российской империи, и попросили немного обождать. Сергеев и Соколов переглянулись. Интересно, чем все это закончится?

С высоты птичьего полета

С колокольни Петропавловского собора донеслись звуки курантов, вызывающих свою привычную мелодию. Шумилин машинально посмотрел на часы. — Уже три часа, — сказал он, — пора возвращаться. К вечеру нам надо быть на Черной речке.

Николай вздохнул. Видимо, он уже соскучился по дому и семье, по своему миру, по власти над подданными, о которой в XXI веке не могло быть и речи. И в то же время, как понял Александр, ему хотелось побыть еще немного в этом странном и таком интересном мире.

— Александр Павлович, — тихо сказал он, — мы еще вернемся сюда?

— Обязательно, — ответил Шумилин, — но надо помнить девиз одного античного грека – ничего слишком! А как часто вы будете у нас в гостях, это зависит исключительно из вашего желания.

В это время откуда-то сверху раздался гул мотора. Он становился все сильнее и сильнее. Вскоре в небе появился бело-синий вертолет Ми-8, на котором все желающие и имеющие деньги могли совершить небольшой полет над центром города.

— Александр Павлович, — Николай взволнованно схватил за рукав Шумилина, — что это?! Как этот удивительный аппарат может летать по небу? Это просто невероятно!

— Николай Павлович, — Шумилин попытался объяснить царю

непонятное для него явление, — этот аппарат называется вертолетом, и на нем можно летать на большие расстояния. Бывают и боевые вертолеты, которые несут страшное для вашего времени оружие. Вы можете себе представить — десяток таких ударных машин в сражении у Бородина смог бы уничтожить всю Великую армию Наполеона!

— Не может быть! — воскликнул удивленный Николай, — какое же это страшное оружие! А можно посмотреть на этот аппарат поближе?

— Конечно можно, — сказал Шумилин, — идемте.

И они пошли через ворота в сторону импровизированной взлетно-посадочной полосы, на которую только что сел экскурсионный "мишка". Пассажиры из него уже вышли, а дядечка в белой рубашке и с мегафоном в руках, зазывал новую партию желающих посмотреть сверху на Северную столицу.

Услышав предложение зазывалы, Николай посмотрел на Шумилина. Ему очень хотелось полетать по небу, и в то же время, гордость монарха не позволяла ему об этом просить. Поняв невысказанное желание царя, Александр вздохнул, и сказал. — Идемте, Николай Павлович, полчаса нам погоды не сделает. — А про себя подумал. — Ну и цены у этих рвачей — за четверть часов полета — три тысячи рублей!

Расплатившись, они заняли место в креслах. Александр посадил Николая поближе к иллюминатору. Вскоре пассажирский салон вертолета заполнился, и входная дверь закрылась. Царь вздрогнул, когда двигатели вертолета взревели, а лопасти закружились, подняв тучу пыли и мусора.

— Поехали! — по-гагарински воскликнул Александр. Винтокрылая машина стала медленно подниматься вверх. Николай непроизвольно схватил Шумилина за руку.

Вертолет пошел сначала вдоль Невы до Николаевского моста. Потом, развернувшись, он так же вдоль Невы долетел до моста Александра Невского, после чего вернулся к месту взлета, и стал медленно садиться. Все это время Николай не отрываясь смотрел на панораму расстилавшегося под ним города. Это был его Петербург, так хорошо знакомый царю, и в то же время, новый, необычный, и немного чужой.

Александр, который за свою долгую жизнь летал на самолетах, вертолетах, дельтапланах — было дело — даже дважды совершил прыжок с парашютом — сидел спокойно, и больше наблюдал за реакцией царя. А тот, растеряв все свое спокойствие и невозмутимость, больше был похож на ребенка, чем на повелителя огромной империи.

Когда вертолет приземлился, Николай со вздохом поднялся с кресла, и вышел из салона, прищурившись от ярких лучей солнца, бивших ему

прямо в глаза.

— Александр Павлович, — сказал он, повернувшись к Шумилину, — я вам очень благодарен за доставленное мне удовольствие. То, что я испытал, взлетев в небо, ни с чем сравнить невозможно. Я ваш должник – просите у меня все, что хотите.

— Николай Павлович, — ответил Александр, по-восточному приложив ладонь правой руки к сердцу, — хозяин рад, когда гость доволен. Думаю, что в следующий ваш визит в наше время вы узнаете и увидите еще много нового и интересного. А нам надо спешить. Ведь вы еще хотели купить гостинцы для вашей супруги и детей. Да и для вас что-то надо приобрести на память об этой поездке.

Впрочем, время поджимало, и Николай с Александром ограничились посещением двух-трех магазинов, торговавших сувенирами и ширпотребом Вещи, столь привычные для жителей XXI века, для века XIX были настоящим чудом. К примеру, светодиодный фонарик, смешной хомяк, повторявший слова, которые ему говорили, шариковые авторучки, наборы открыток с видами Петербурга и Москвы, словом много всякой всячины.

Александр купил в подарок Николаю наручные часы одной южнокорейской фирмы, которые ему нравились своей надежностью и точностью хода. Стоили они немало, но Шумилин подумал про себя, что если учесть цену того, что Николай прихватил с собой в будущее в саквояже, у царя теперь есть неограниченный кредит в их времени, и он может теперь рассчитывать на самые щедрые подарки.

Поймав "бомбилу", они быстро доехали до дома Александра, возле которого их в своей машине уже поджидали Сергеев-младший и Ольга Румянцева. Княгиня Одоевская осталась в будущем еще на пару дней, чтобы пройти полное обследование в частной клинике, и завершить курс лечения.

Николай прихватил с собой особые подарки для царя, которые поручил приобрести ему Шумилин. Это было прекрасное двуствольное охотничье ружье и пакет с "веселыми картинками". Зная страсть Николая Павловича к эротическим рисункам и статуэткам, Сергеев-младший заскочил в один секс-шоп, где купил иллюстрированное издание "Камасутры".

В автомобиле, учитывая габариты Николая и количество пассажиров, было немного тесновато. Но до места путешественники добрались без приключений. В ангаре у своего агрегата их уже ждал Антон. Он запустил свою машину времени, открыл портал, и отправил на разведку Сергеева-младшего и Дениса. Те вскоре вернулись назад, встревоженные и немного растерянные.

— Отец куда-то пропал, — хмуро сказал Николай, — вышел на прогулку с человеком, которого прислал к нему граф Бенкендорф, и с тех пор о них ни слуху, ни духу. Князь Одоевский очень переживает. Он встретился с Александром Христофоровичем, который тоже рвет и мечет. Жандармы клянутся, что они тут ни при чем, и так оно, скорее всего, и есть. Сейчас князь и граф у портала ждут возвращения императора.

— Дядя Саша, — Николай умоляюще посмотрел на Шумилина, — разрешите мне отправиться вместе с вами! Я ведь буду сидеть здесь, как на иголках, и не успокоюсь, пока не узнаю, что же все-таки произошло с отцом!

Александр посмотрел на императора. Николай Павлович, услышав рассказ Сергеева-младшего, нахмурился. Ему не понравилось то, что в его отсутствие в столице кто-то начал проявлять самостоятельность, и совать свой нос туда, куда не следовало.

— Александр Павлович, — сказал он, — пусть этот молодой человек отправится с нами. Я понимаю его чувства, и разделяю его страстное желание найти таинственным образом пропавшего отца.

— Хорошо, Коля, давай, собирайся в дорогу. Вооружись, но по малой программе. А то, я знаю тебя, нагрузишься, как Шварц в "Коммандо".

Сергеев-младший кивнул, и побежал вооружаться. А путешественники во времени по очереди переоделись за перегородкой в одежду XIX века, и стали готовиться к открытию портала.

Антон сел за пульт, в воздухе появилось изумрудное кольцо. Словом, все было как обычно. Необычным была лишь делегация, которая встречала их на полянке — князь Одоевский и граф Бенкендорф, и та озабоченность, которая была на их лицах.

Впрочем, они немного успокоились, увидев царя. Николай же хмуро посмотрел на встречавших, и зло бросил главе III-го отделения, — что же у вас такое происходит, граф, среди бела дня в моей столице пропадают люди...

Потом Николай повернулся, и помахал на прощание рукой Антону и Денису. Портал закрылся. На полянке наступила напряженная тишина...

Добрый вечер, господа!

Через полчаса Сергеева и Соколова доставили в кабинет начальника петербургской полиции. Генерал-майор Кокошкин внешне выглядел браво — "слуга царю — отец солдатам". Его не назовешь паркетным генералом —

17-летним портупей-прапорщиком Преображенского полка, он участвовал в Бородинском сражении, потом сражался с французами при Лютцене, Бауцене, Кульме, Лейпциге, в 1814 году вошел в Париж. После войны он стал делать карьеру на штабной работе и в придворных кругах. В 1830 году Николай I назначил Кокошкина столичным полицмейстером.

На этой должности Сергей Александрович развернулся. Пользуясь правом ежедневного личного доклада императору, он активно интриговал против своих соперников, продвигал на нужные посты нужных ему людей. Не гнушался он и откровенными взятками.

Полицмейстер отчаянно соперничал с генералом Бенкендорфом и, казалось бы, всемогущим III-м отделением СЕИВ канцелярии. И, скажем прямо, в этом деле он преуспел. Дело доходило до того, что полицейские шпики следили... за агентами III-го отделения. Управляющий отделением Максим Яковлевич фон Фок жаловался Бенкендорфу: "Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят вокруг маленького дома занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит... Ко всему этому следует прибавить, что они составляют и ежедневно предоставляют военному губернатору рапортики о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов".

Зная от Шумилина все это, Сергеев не удивился тому, что Кокошкин пошел напролом, и не остановился перед тем, чтобы пойти на открытую конфронтацию с графом Бенкендорфом. Только вот зачем все это ему было нужно?

— Здравствуйте, господа, — обратился к ним полицмейстер, — с вами, ротмистр, я уже имел честь быть знакомым. Я думаю, что вы скоро нам покинете, и отправитесь к месту вашей службы. А вот с вами, — Кокошкин прищурившись посмотрел на Виктора, — мы, наверное, расстанемся не скоро. Мы будем беседовать. Причем, долго, с чувством, с толком, и с расстановкой.

— Ваше превосходительство, — начал было Соколов, — у меня при себе был документ, подписанный графом Бенкендорфом...

— Документ? — притворно удивился Кокошкин. — Был? А кто его видел? Впрочем, — ухмыльнулся полицмейстер, — мы еще встретимся с Александром Христофоровичем, и поговорим с ним о господине, который назвал себя отставным майором Сергеевым... Кстати, господин Сергеев, в каком полку вы служили?

Виктор хотел было сказать – в Селенгинском пехотным, но передумал, потому что хитрый шеф столичной полиции мог отправить своих агентов

найти в Петербурге кого-нибудь из офицеров этого полка, благо сам полк в это время базировался в европейской части России, и предложить им опознать своего, якобы, сослуживца. Поэтому он решил пойти, как говорят уголовники, "в несознанку", и не отвечать на вопросы вообще. Он надеялся на то, что пока Кокошкин будет собирать на него улики, из будущего вернется император Николай, и всех построит по ранжиру.

Виктор промолчал. Кокошкин, позвонил колокольчик, и сказал вошедшему в кабинет полицейскому чину. — Проводи, братец, господина ротмистра в соседнюю комнату. А я побеседую с глазу на глаз с человеком, именующим себя отставным майором Сергеевым...

Оставшись с Виктором вдвоем в кабинете, Кокошкин помолчал с минуту, потом предложил своему собеседнику присесть на жесткий казенный стул, а сам, взяв со стола пачку каких-то бумаг, и перебирая их, стал медленно расхаживать по кабинету.

— Итак, кто же вы, господин Сергеев? — начал допрос Кокошкин, — и откуда вы прибыли в Санкт-Петербург? — не дождавшись ответа, он продолжил. — Я навел справки — ни через одну из городских застав в течении последних двух недель в столицу империи не въезжал человек с вашими именем и фамилией.

Виктор усмехнулся. Конечно, откуда у него могла быть подорожная? Не Антоха же ее ему выдал, отправляя в прошлое. Но препираться с Кокошкиным не стал. Пусть расскажет еще что-нибудь интересное...

А полицмейстер, начавший закипать, видя нежелание Сергеева отвечать на его вопросы, повысил голос. — Что вы молчите?! Не желаете отвечать на мои вопросы?! Хорошо, тогда я вас возьму под стражу, и у вас появится время подумать — стоит ли запираться!

Кокошкин снова позвонил в колокольчик, и когда дежуривший в его приемной полицейский чин вошел в кабинет он, указав на Сергеева, приказал. — Этого господина поместить в отдельное помещение и не спускать с него глаз. На его вопросы не отвечать, бумагу и перо с чернильницей не давать. Если он захочет что-то сказать мне, сообщить об этом немедленно!

Виктора повели по длинному коридору. В конце его находилась небольшая комната, обставленная очень скромно. Стол, на котором стоял медный кувшин и оловянная кружка, два стула, диван, застеленный шерстяным одеялом, подушка. На окне стальная решетка, на прочной дубовой двери — крепкий засов снаружи. — Еду вам будут приносить сюда, — сказал сопровождающий Сергеева полицейский, — если вы захотите выйти по нужде — постучите в дверь. Надеюсь, что вы будете

вести себя благоразумно, — добавил он.

Дверь захлопнулась, лязгнул засов. Виктор прилег на диван, и задумался. Похоже, что господин Кокошкин решил поинтриговать против графа Бенкендорфа. И оружием, направленным против Александра Христофоровича, должен стать он, Виктор Иванович Сергеев, 1955 года рождения, гражданин Российской Федерации и пенсионер МО. Фантаσμαгория какая-то! Ну что ж будем поглядеть.

Мысли в голове у него стали путаться, и он, сам не заметил, как заснул. И проспал до самого утра. Разбудил его лязг засова. Вошел полицейский с подносом в руках. Он принес завтрак – тарелку с пшенной кашей, правда, заправленной постным маслом, два толстых ломтя хлеба, и стакан крепкого чая, а к нему ломоть белого хлеба.

— Скромненько, но вполне съедобно, — подумал Сергеев. — В армии приходилось питаться и похуже.

Терпеливо дождавшись, когда арестант поест, полицейский предложил Виктору сходить в "кабинет уединения". Таковым оказался чуланчик, больше смахивающий на дачный сортир. Вместо пипифакса для посетителей был приготовлен тазик с водой и мокрой тряпкой.

Оправившись, Виктор вернулся в комнату – камеру, и до обеда никто его больше не беспокоил. А после обеда его снова вызвал к себе полицмейстер. На этот раз Кокошкин был настроен более решительно. Он стал угрожать Сергееву каторгой и сибирскими рудниками, если он не расскажет ему кто он, откуда, и зачем приехал в Петербург. Виктор понял, что у генерала что-то не срослось, и он сильно нервничает.

В общем, так оно и было. Ротмистр Соколов, с которым он тоже имел беседу, не сказал ему ничего вразумительно, ссылаясь на то, что ему было приказано лично графом Бенкендорфом сопровождать "отставного майора Сергеева", и обеспечивать его безопасность. И не более того. Но это Кокошкин знал и без ротмистра. А самого графа он допросить, естественно, не мог.

К тому же, как доложили полицмейстеру его люди, Бенкендорф в настоящее время безвылазно находится у себя дома и никого не принимает, сказавшись больным. Однако князь Одоевский, приехавший к Бенкендорфу, был принят, и сейчас они вдвоем о чем-то совещаются.

Кроме того, во дворце были встревожены неожиданным отъездом государя. Впрочем, император любил такие импровизированные посещения городов Санкт-Петербургской губернии, сваливаясь, как снег на голову, бедным градоначальникам, и устраивая им разнос. Обычно император управлялся со всеми делами в течение суток, но сейчас он что-

то задерживался. Однако поднимать тревогу было еще рано.

А тут этот, "отставной майор", молчит, словно воды в рот набрал. И посматривает на него, не последнее лицо в государстве, как-то... В общем, словно не генерал, а он – хозяин положения.

Но, несмотря на все угрозы, Сергеев молчал, и Кокошкин, устав кричать на него, махнул рукой, и отправил его снова в комнату-камеру, решив продолжить разговор вечером.

Вечером же произошло то, чего обер-полицмейстер столицы Российской империи никак не ожидал. Во время вечернего допроса, когда Кокошкин, уже не сдерживая себя брызгал слюной и стучал кулаком по столу, требуя от Виктора, чтобы тот, наконец, заговорил, неожиданно дверь в кабинет генерала отворилась, и в нее вошли император Николай I и граф Бенкендорф.

— Добрый вечер, господа, — сказал царь, озирая сие место скорби. — Не ждали?! И чем это вы тут занимаетесь, господин Кокошкин? — Николай грозно взглянул на помертвевшего от страха полицмейстера, способного выдавить в качестве объяснения лишь нечленораздельное блеяние.

Посмотрев с презрением на окончательно униженного и раздавленного чиновника, царь приветливо посмотрел на Сергеева. — Виктор Иванович, — сказал Николай, — вижу, что вы умеете хранить государственные тайны. Прошу вас извинить за то "гостеприимство", которое оказал вам генерал Кокошкин. Поверьте мне, все это произошло без моего ведома. А виновные в столь непочтительном к вам отношении будут строго наказаны. Пойдемте же, господин Сергеев, вас ждут наши общие друзья...

Пусть это будет новым рыцарским орденом...

После победоносного освобождения из застенков петербургской полиции – заодно вызволили из камеры и ротмистра Соколова – все, и бывшие арестанты, и граф Бенкендорф, и сам император, вышли на улицу, где их уже поджидали две кареты из Придворной конюшенной части. Николай, победно посмотрев на всех с высоты своего роста, незаметно для окружающих подмигнул Сергееву, и нахлобучил на голову треуголку с пышным плюмажем.

— Господа, — обратился царь к своим спутникам, — на сегодня, как я полагаю, для всех вас достаточно приключений. Прошу вас всех считать моими гостями, и отправиться со мной в Аничков дворец. Да, ротмистр, —

сказал Николай оробевшему Соколову, который старался держаться за спиной Виктора, и помышлявший при первом же удобном случае сбежать, — это касается и вас. Как я понимаю, Виктор Иванович успел вас познакомить с несколько необычными обстоятельствами своего появления здесь.

Когда ротмистр кивнул, император добавил. — Александр Христофорович, вы не будете против, если я заберу этого молодца себе. Я понимаю, что он у вас один из лучших — худшего бы вы для такого важного дела не послали, но уж для меня вы его уступите.

Бенкендорф слегка поморщился, но царю возражать не посмел.

— Кстати, Виктор Иванович, — обратился Николай к Сергееву, — у меня для вас сюрприз. Угадайте, кто примчался выручать вас и готов был сразиться хоть со всеми полицейскими Санкт-Петербурга?

— Неужели Колька?! — изумленно воскликнул Виктор, — он здесь, с вами?

— С нами, с нами, — усмехнулся император, — вон, сидит в карете. С большим трудом нам с графом удалось уговорить остаться, и не заходить в здание. Иначе у господина обер-полицмейстера появилось бы много вакансий в его ведомстве. Да и сама должность обер-полицмейстера, скорее всего, стала бы вакантной. Идите, Виктор Иванович, вон в ту карету, запряженную гнедыми, там ваш витязь сидит, скучает и волнуется.

Потом все расселись в кареты и отправились в Аничков дворец. Немного отдохнув и приведя себя в порядок, все, и царь и граф, и отставной майор, его сын и жандармский ротмистр, уселись за одним столом. После того, как Николай побывал в новом для себя мире, он понял, что в общении с выходцами из будущего и причастным к их великой тайне подданным не обязательно так строго придерживаться дворцового этикета. Во всяком случае, когда рядом с ними нет посторонних.

Стол был скромно сервирован, спиртного, которое император недолюбливал, отсутствовало. Зато в центре стояло блюдо с так любимыми императором солеными огурцами.

— Итак, господа, — начал царь, после того, как сидящие за столом слегка утолили голод, — что мы теперь будем делать? Так получилось, что мы, и еще несколько человек здесь отсутствующих, оказались причастными к великому чуду. Которое может спасти наше Отечество, или, если оно станет известно врагам России, может погубить ее. Поэтому, я прошу всех вас, господа, дать клятву, что без моего согласия вы больше никому и никогда не расскажете о чудо-машине, о том, что произошло в будущем, и вообще, и о всех последующих событиях и словах, которые будут

произнесены в кругу ПОСВЯЩЕННЫХ.

Можете считать, что все вы стали рыцарями некоего тайного ордена, служение в котором будет направлено на благо нашей любимой России. Вас, Виктор Иванович, и вас, молодой человек, — Николай строго посмотрел на своего тезку в камуфляжке, — это тоже касается.

Виктор пожал плечами и согласно кивнул, а Сергеев-младший, улыбнувшись, посмотрел на отца, после чего тоже кивком подтвердил, что не против стать рыцарем. Лишь бы его после этого не заставили влезать в латы и отправить на рыцарский турнир — а как он слышал, царь время от времени устраивал конные представления в стиле позднего Средневековья. К тому же, общение в детстве с отцом — императором Павлом I, мистическим настроенным и всерьез считавшим себя гроссмейстером ордена Иоанна Иерусалимского, сказалось на формировании характера и взглядов царя.

— Скажите, Виктор Иванович, — император снова вернулся к простым и чисто житейским делам, — как вы предполагаете узаконить ваше нахождение здесь. Вы всецело можете рассчитывать на мою помощь в этом. Граф Бенкендорф придумает вам... — тут Николай на минуту замялся, — ну, в общем, историю вашей жизни здесь. Или, как говорит ваш друг, Александр Павлович, "легенду".

— Ваше величество, — ответил Сергеев царю, — я хотел бы заняться обычным сельским трудом, в то же время, иметь возможность работать по металлу, использовать кое-какие механизмы и приспособления, которые я бы постепенно привез бы из будущего. Одним словом, меня бы устроило положение владельца небольшой деревеньки, в которой была бы кузница, и которая находилась бы неподалеку от Петербурга. Кстати, — вспомнил друг Виктор, — на примете у Антона было одно место по дороге на Шлиссельбург. Но об этом надо говорить с ним лично.

— Хорошо, — кивнул царь, — то, что вы просите, вполне здраво и выполнимо. После того, как вы уточните нужное вам место, мы вернемся к этому разговору.

— Ну а вы, Николай Викторович, — обратился царь к Сергееву-младшему, — как вы видите себя в моем времени? Или вы предпочтете вернуться в будущее?

— Ваше величество, — задумчиво сказал бывший десантник, — конечно, мне больше нравится мое время. Но отца я не брошу, и потому хотел бы быть рядом с ним. Но деревенские утехы мне как-то...

Я солдат, ваше величество, и готов служить России в любом качестве. Но, в то же время, хотелось бы заняться обучением людей, которым вы,

ваше величество, доверяете всему тому, чему сам обучен. А это – стрелять без промаха, вести бой холодным оружием, голыми руками, словом, всему тому, чем я занимался во время моей службе в Чечне.

Увидев, как встрепенулся при его последних словах ротмистр Соколов, Николая подмигнул ему единственным глазом и улыбнулся. Со слов отца он уже знал, что Соколов воевал примерно в тех же местах и с примерно тем же противником, что и он сам. Только все это было почти на сто семьдесят лет раньше.

— Отлично! — воскликнул царь, — сразу видно военного человека! Я найду подходящую для вас должность в моем личном конвое. Это я решу лично. А еще лучше, если вы, господин Сергеев, станете моим камер-казаком. Это что-то вроде телохранителя. Тогда вы будете подчиняться только лично мне, и в случае необходимости сможете отправиться в ваше время тогда, когда соблаговолите. Ну и заодно подучите моих казачков-терцев из лейб-конвоя всем своим премудростям. Только учтите, что этим казачкам тоже палец в рот не клади. Они много чего сами знают и умеют. К тому же они мастерски стреляют и владеют шашкой. Так что вам скучно не будет.

— Ну а вы, ротмистр, — император повернулся к ротмистру Соколову, — вам придется стать моим чиновником по особым поручениям. С соответствующими полномочиями, и правом личного доклада государю императору. Возможно, что вам придется сопровождать меня во время моего очередного путешествия в будущее. Ну и быть моим связным между мною и господами пришельцами во время их пребывания здесь. Вы доказали свою преданность и умение держать язык за зубами. Именно такой человек мне и нужен.

— Ваше величество, — промолвил пораженный ротмистр, — я оправдаю ваше доверие... Я готов... — тут голос его дрогнул, и он замолк, подбирая слова.

— Полно, ротмистр, — улыбнувшись сказал царь, — вы даже представить себе не можете – что вам предстоит увидеть и узнать...

— А насчет ваших друзей, Виктор Иванович, — Николай снова повернулся к Сергееву, — мы поговорим с вами отдельно...

| |
|-----------------------------------|
| <i>От каждого по способностям</i> |
|-----------------------------------|

После того, как граф Бенкендорф и ротмистр Соколов отправились на Фонтанку, а Сергеев-младший, повинувшись жесту отца, вышел из кабинета

"подышать воздухом", царь и Виктор остались вдвоем.

— Виктор Иванович, — сказал Николай, — в вашем мире у меня состоялся очень важный разговор с Александром Павловичем Шумилиным. Я знаю, что вы с ним друзья, и полагаю, что секретов у вас друг от друга нет. Знаете, я за время пребывания там, в двадцать первом веке многое понял и пережил. И сейчас смотрю на все происходящее вокруг меня совсем по-другому. Я уже не могу так же править Россией, как это делал раньше. Мне стало понятно, что многое из того, что я считал единственно правильным, на самом деле ошибочно. И очень важно, что теперь у меня есть те, кто сможет меня предостеречь от повторения сделанных в вашей истории ошибок.

Виктор Иванович, вы ведь знаете, что мне изначально не была уготована участь русского императора. Преемником моего старшего брата Александра должен стать Константин. И то, что до последнего момента мне никто не сообщил о том, что Константин отказался от права на российский престол еще в 1823 году, не моя вина. Правда, мне рассказывали пророчество моей великой бабки, императрицы Екатерины, которая увидев меня, еще младенца, заявила: "Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей, предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него есть два старших брата".

Как бы то ни было, но меня не готовили для того, чтобы со временем занять престол моих предков. Поэтому я многое из того, что уже успел сделать, став монархом, часто делал по наитию, руководствуясь больше здравым смыслом, чем знаниями человеческой природы и наукой об управлении государством. А уж если вспомнить начало моего царствования... — Николай с досадой взмахнул рукой...

— Ваше величество, — спросил Сергеев, — вы имеете в виду события 14 декабря?..

— Да, — именно их я и имею в виду, — ответил император. — Отправляясь утром с батальоном преображенцев на Сенатскую площадь, я не был уверен, что вечером вернусь целым и невредимым в Зимний дворец. Вы ведь знаете, какие были планы у заговорщиков?

— Знаю, — Виктор вспомнил споры участников мятежа, суть которых сводилась к следующему – убить лишь одного царя Николая, или вырезать всю царскую фамилию...

— Вот так я и начал царствовать, — сказал император, — и, видит Бог, я старался быть хорошим монархом, суровым, но справедливым, строгим, но добрым... Не всегда это у меня получалось.

Для чего я это все говорю вам, Виктор Иванович. У меня есть

миллионы подданных, умные и храбрые генералы, министры и сенаторы. Но у меня нет друзей. Нет того, кто скажем мне, что я не прав, когда я действительно неправ, того, кто удержит меня от опрометчивого поступка или решения.

И я бы хотел, чтобы такими друзьями для меня стали вы. Виктор Иванович, мне рассказал господин Шумилин, что вам довелось немало повоевать, что вы честно четверть века отдали службе России. Поэтому ваши советы о том, как нам реформировать армию и флот империи, были бы очень ценны.

А теперь я хотел бы поговорить о ваших друзьях, — Николай внимательно посмотрел в глаза Сергееву, — я знаю лично Александра Павловича Шумилина. Этот человек редкого ума и способностей. Я буду рад, если он тоже переберется в наше время, и останется здесь жить. Сказать честно, я был бы рад, чтобы Александр Павлович перешел на службу ко мне. Но, к сожалению, было бы опрометчиво назначить его министром или главой департамента. В качестве моего личного советника по вопросам внешней и внутренней политики он мог бы принести немало пользы нашему государству.

Как я уже говорил вам, Виктор Иванович, перед моим возвращением я имел долгий и серьезный разговор с господином Шумилиным. И он дал свое согласие на то, чтобы оказать всемерную помощь мне во всех моих делах. Как вы считаете, в качестве кого он может оказаться в Санкт-Петербурге?

— Ваше величество, — ответил Сергеев, — я полагаю, что этот вопрос надо решать не со мной, а с Александром Павловичем. — Могу только подсказать, что мой друг — неплохой фотограф, и делает хорошие снимки, многие из которых публиковали солидные газеты и журналы. Он мог бы стать придворным фотографом, что дало бы ему возможность вполне свободно появляться во дворце, и общаться с вами и вашими доверенными министрами.

— Да, будучи в гостях у Александра Павловича, я обратил внимание на чудесные рисунки, которые, однако, не были нарисованы, а словно выхвачены из окружающей нас природы, — сказал Николай. — Действительно, те фотографии, которые делает ваш друг, так не похожи на те картинки, которые в прошлом году сделал француз Луи Даггер. Я думаю, спрос на такие вот моментальные портреты будет у нас большой, и Александр Павлович таким путем познакомится лично со многими известными и знатными людьми империи.

А ваш изобретатель, Антон Михайлович? Мне кажется, что он вряд ли

отправится в наше время. Да и что ему тут делать. Ведь все наши механизмы и машины в сравнении с его изобретениями, это как дубина дикаря в сравнении с тончайшими французскими часами работы мастера Бреге.

— Может быть, может быть... — задумчиво сказал Сергеев, — но, все ж я думаю, что и Антон переберется к вам. Я хорошо его знаю. Человек он по натуре своей авантюрного склада, ему мало просто денег и славы. Ему хочется узнать и увидеть что-то новое, неизведанное. Думаю, что и он сумеет найти для себя дело в России. Хотя, конечно, основная его задача — сделать перемещение во времени делом надежным и безопасным. Ведь, если все пойдет, как мы с вами решили, вы можете получить из будущего много новых и полезных вещей. Да и вы, Ваше величество, как я слышал, еще не раз хотели бы побывать у нас в гостях.

Николай кивнул. — Да, Виктор Иванович, я еще не увидел всего, что хотел бы увидеть. Поэтому, как только у меня появится возможность, я постараюсь совершить новое путешествие в будущее.

— Ваше величество, — сказал Сергеев, — вы забыли еще о двух наших людей, которые тоже причастны к нашей тайне. Это Ольга Румянцева и Алексей Кузнецов. С Ольгой вы уже знакомы... — Николай кивнул и улыбнулся, должно быть вспомнив их первую встречу, когда наша "кузина-белошвейка" выдала себя за жительницу САСШ, а вот с Алексеем Игоревичем...

Тут все намного серьезней. Дело в том, что Алексей — прекрасный врач, хирург, к тому же владеющий секретами восточной медицины. А у вас в семье, как я знаю, возможны серьезные проблемы. Ваша дочь Александра — "Адини" — возможно уже больна весьма опасной для вашего времени болезнью — туберкулезом...

— Не может быть! — воскликнул Николай, — она здорова, просто она задумчива по натуре и тиха по характеру!

— К сожалению это так, — тихо сказал Виктор, — в нашей истории Александра Николаевна выйдет замуж в 1844 году за принца Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского, и в тот же год умрет вскоре после рождения ребенка. От туберкулеза...

— Скажите, Виктор Иванович, — умоляюще спросил царь, — но ведь ее можно вылечить? Я готов заплатить любые деньги вашим докторам, только бы спасти мою любимую Адини. Я слышал, что они стали очень искусны в своем ремесле. Если надо, я буду лично просить об этом у Алексея Игоревича...

— Ваше величество, — ответил Сергеев, — у нас умеют лечить

туберкулез. Особенно на такой ранней стадии, как у вашей дочери. Только для того, чтобы пройти курс лечения, ей придется совершить путешествие в будущее. Ну а Алексей мог бы стать одним из ведущих врачей Петербурга. Особенно, учитывая его умение лечить болезни, которые у вас пока еще считаются неизлечимыми.

— Да-да, Виктор Иванович, — обрадованно воскликнул Николай. — Теперь я понимаю, что вас ко мне прислал сам Господь. Боже мой, какая это удача! Нет, Виктор Иванович, я еще раз убеждаюсь в том, что наша встреча была не случайной. Это промысел Божий... Давайте, давайте, пригласите сюда, в Аничков дворец всех ваших друзей, я переговорю с ними, и мы решим, чем и кто будет заниматься. Сможете ли вы собрать их всех здесь, скажем, завтра вечером?

Сергеев немного подумал, а потом сказал. — Да, Ваше величество, это вполне реально. Итак, завтра, здесь в это же время...

Военный совет...

Весь последующий день был посвящен подготовкой к одному из самых важных разговоров, который должен решить очень многое. В условное время Антон открыл портал в квартире князя Одоевского, и Сергеев, заскочивший на полчаса в будущее, вкратце рассказал Антону, Александру и Алексею о том, что произошло, и о чем он договорился с царем.

Услышав о том, какое предложением всем им сделал император, Антон слегка поморщился.

— Иванович, ты же меня хорошо знаешь, — сказал он, — я органически не перевариваю дисциплину. Ну не люблю я делать не так, как мне хочется, а так, как желает какой-то там дядя. Что в своей богадельне у меня вызывало аллергию, то и в прошлом, под командованием императора Николая Павловича, мне быстро надоеет. Не, ребята, вы, если хотите, отправляйтесь туда, а я здесь останусь.

— Тоха, ты только не горячись, — рассудительно заметил Шумилин, — ведь пока никто не заставляет тебя надеть вицмундир, застегнуться на все пуговицы и маршировать с утра до вечера. Я полагаю, что все совсем не так страшно, как тебе кажется. Допустим, тебя легализируют, как некоего заморского купца. Будешь, не вызывая ни у кого подозрений отлучаться куда тебе надо на недельку-месяц, так сказать, отправляться в командировку в будущее. Пойми, что нам надо потихоньку

закладывать здесь постоянную базу, если мы действительно решили помочь предкам. В общем, ты еще раз все обдумай и взвесь. Время до завтра у тебя есть.

— Ребята, — заговорил до сего времени молчавший Алексей, — а мне тоже как-то не хочется отправляться на ПМЖ в прошлое. Ведь у меня здесь работа, семьи, правда, нет, но возможно все же будет. Прошло уже четыре года, как я развелся, и мне уже несколько наскучила холостая жизнь. В общем, если будет нужно — я загляну к вам в прошлое, помогу. А так — вы уж без меня как-нибудь...

Виктор, внимательно следивший за перепалкой одноклассников, наконец, решил вставить свои пять копеек.

— Друзья мои, — начал он тоном, каким строгий учитель вразумляет неразумных детей, — я полагаю, что вы пытаетесь бежать впереди паровоза. Знаете, как у нас в армии говорили — "курочка в гнезде, яичко ..., ну, а вы уже цыплят начали подсчитывать".

Давайте сразу решим вопрос по существу. Вы хотите помочь нашим предкам? — Антон и Алексей кивнули. — Ну а тогда, как и чем мы решим в рабочем порядке. Ты, Алексей, тоже можешь жить "на два дома", то есть, и там и тут. Сделаем и тебя иностранцем. Ведь ты немецкий не забыл?

Алексей кивнул головой. Он родился и вырос в ГДР, где в ГСВГ служил его отец. И лишь в возрасте десяти лет его родители вернулись в СССР. Поэтому и немецкий, которым в детстве пользовался так же часто, как и русским, он знал неплохо.

— Итак, на чем мы порешили? — спросил Александр. — Ведь завтра мы должны встретиться с Николаем, и согласованно изложить ему свою позицию. И при этом ни в коем случае не показывать, что у нас есть какие-то разногласия. Это ни к чему.

— Хорошо, — немного подумав сказал Антон, — я согласен. Думаю, что Николай не враг самому себе, и прекрасно понимает, что с нами надо вести себя не так, как со своими приближенными, пусть и самыми высокопоставленными.

— Это вряд ли, — усмехнулся Шумилин, — я наблюдал за царем во время его пребывания в нашем будущем. Похоже, что у него произошла значительная переоценка ценностей. Да и Николай не станет давить на нас. Ведь мы ему нужны, а не он нам.

— Хорошо, Шурик, — сказал Алексей, — возможно, что я перестраховываюсь, и все совсем не так неприятно, как я думаю. Да и жалко мне их. Тут вот с Ольгой Степановной повозился, поговорил с ней, обнадежил. Знаете, какая она была счастливая, когда ей сказали, что теперь

ее шансы стать матерью значительно увеличились. Дай бог, чтобы у них с милейшим Владимиром Федоровичем было все хорошо...

— Ну вот, видишь, вроде и договорились, — подвел итог беседы Сергеев. — Так что будем завтра совет держать с самим царем. Ну и с графом Бенкендорфом. Только учтите, друзья мои, Александр Христофорович не так прост, как кажется. Поэтому, держите с ним ухо востро.

— А что ты, Виктор, скажешь про жандармского ротмистра? — спросил Сергеева Александр, — ты учти, что в заведении у Цепного моста дураков не держали. Подлецы — те попадались, а вот дураки-нет.

— Не знаю, Саша, — сказал Сергеев, — конечно, в людях ты разбираешься, наверное, лучше меня, только и я не за печкой найденный. По моему скромному мнению, Дима Соколов — хороший парень, умный и смелый. Надо сделать его своим другом. К тому же нам нужен свой человек в III-м отделении, к тому же нетитулованный. Ведь князь и его супруга, хотя и замечательные люди, но слишком уж заметные. А ротмистр, не привлекая особого внимания, сможет выполнять некоторые наши поручения, ну или скажем — просьбы.

— Хорошо, Иванович, — сказал Шумилин, — если ты за человека ручаешься, то так тому и быть. А вот, как нам быть с Ольгой? Ее-то мы и не спросили.

— Спросили, — ответил с усмешкой Антон, — имел я с ней на эту тему беседу. Она готова хоть сей момент бежать без оглядки в свой любимый девятнадцатый век. Так что, считайте, что ее мечта сбылась. Ну а как она в прошлом устроиться — ей решать. Николай сказал, что он ей поможет. К тому же супруга его от нашей кухни-белошвейки просто без ума.

— Да-да, именно так, — раздался неожиданно голос Ольги Румянцевой. Оказывается, она уже давно тайком вошла в комнату, где шел "военный совет", и внимательно слушала разговоры мужчин.

— Я только что из Зимнего дворца, — сказала она, — ребята, если бы вы только видели — какой фурор произвели гостинцы из будущего, которые царь торжественно вручил своим домочадцам. Все просто визжали от восторга. Я смотрела и думала — как мало людям нужно для счастья. Мелкие хохотали до упада, когда игрушечный хомячок забавно повторял за ними то, что они ему говорили. А царские дочери с удовольствием щелкали шариковыми ручками, и разглядывали открытки с видами Петербурга, удивляясь необычному виду хорошо знакомого им города.

Царь, кстати, тоже остался очень доволен. И охотничьим ружьем, и

еще кое-чем... — Ольга лукаво посмотрела на смущенного Шумилина, — это ты, Павлыч, додумался подарить царю "Камасутру"? Он теперь от нее оторваться не может. Листает, любит картинки, хмыкает, и как-то плотоядно посматривает на меня... Конечно, мужчина он видный и симпатичный, но, нельзя же так вот сразу...

Мужчины, внимательно слушавшие Ольгу, дружно заржали. А Шумилин, подаривший Николаю книжку с картинками, изображающими экзотические способы любовных утех, лишь развел руками.

— Ну что ж, как говорил один генсек, — резюмировал Сергеев, — цели поставлены, задачи ясны — за работу, товарищи! До встречи!

Портал медленно свернулся, и, те, кто надо остался в будущем, а остальные — в прошлом. Но меньше чем через сутки они встретятся, и тогда начнется то, что они собрались сделать — начать исправлять историю России...

С миру по нитке...

И вот, настал день, когда путешественники во времени и люди из века девятнадцатого сели все вместе за стол, и стали решать, что им делать, и как им быть.

Николай, похоже, уже сумел переварить все впечатления, полученные в будущем, и был, как обычно, строг, спокоен и торжественен. Граф Бенкендорф, надел парадный мундир генерала от кавалерии со всеми своими орденами. Ротмистр Соколов выглядел на фоне своего начальства довольно бледно — на нем был обычных сюртук с одиноким красным крестом ордена Святого Владимира IV степени с бантом. Как потом выяснилось, ротмистр этот орден получил за штурм аула Ахульго в 1839 году. Тогда же он был и ранен. После излечения ему предложили должность в корпусе жандармов.

Сергеев-старший был одет в свою привычную камуфляжку с майорскими звездами на погонах, и с орденской колодкой на груди. Из наград он надел только орден Красной звезды и Кавказский крест. Такой же Кавказский крест был на груди у старшего прапорщика Сергеева-младшего. Кроме него он надел и свой орден Мужества за Чечню. Цивильные же спутники Сергеевых были и одеты соответственно — в строгие костюмы с галстуками. Лишь Ольга Румянцева немного выглядела не в тон — она была в брючном костюме, и своим внешним видом шокировала графа и ротмистра. Император, насмотревшийся на подобные наряды дам во время

своего путешествия в будущее, лишь криво усмехнулся.

— Итак, господа, — начал Николай, — вы имели возможность посоветоваться друг с другом, и, судя по вашему виду, вы приняли правильное решение. Я не вижу среди вас господина Воронина, но я понимаю, что его отсутствие связано с техническими вопросами. Он управляет своей чудо-машиной?

— Именно так, ваше величество, — ответил Шумилин. — Антон открывает и закрывает портал, связывающий прошлое и будущее. Но мы сообщим ему подробно обо всем, что здесь будет сказано. А про себя Александр подумал – не стоит императору знать, что в изящной сумочке Ольги лежит диктофон, которые пишет все нюансы беседы.

— Понятно, — сказал Николай, — ну, я с ним поговорю отдельно. Антон Михайлович – гениальный ученый и изобретатель, и его помощь империи будет с благодарностью нами принята.

А теперь, господа, давайте подумаем, где и в чем вы могли бы помочь нашему Отечеству? Начнем с вас, Александр Павлович...

— Ваше величество, — начал Шумилин, — лично я, неплохо зная мировую историю, и, в особенности, историю России, я бы мог подсказать вам, как не совершить некоторые опрометчивые поступки во внешней и внутренней политике. Например, планируемую продажу в будущем году форта Росса в Калифорнии. Все это я изложил вот здесь, — с этими словами Александр протянул императору небольшую папку, — в том числе и о некоторых наиболее важных и насущных делах, которыми необходимо заняться в первую очередь. Только, прошу, ваше величество, не показывать никому эти бумаги. Особенно канцлеру Нессельроде, — увидев вопросительный взгляд царя, Шумилин кивнул, и подтвердил. — Да-да, ваше величество, я могу вполне определенно и, ручаясь за свои слова, сказать – все, что станет известно Карлу Васильевичу фон Нессельроде, то вскоре станет известно в Вене. Поверьте, все именно так и будет.

Николай вспыхнул, хотел возразить, но потом, видимо вспомнив, что потомкам известно многое то, что неизвестно ему, промолчал, и лишь сухо кивнул. Он взял папку, подержал ее на весу, а потом, положил на стол рядом с собой.

— Хорошо, Александр Павлович, — сказал император, — я учту все сказанное вами, и внимательно ознакомлюсь с вашими документами. Обещаю вам, что никто кроме меня их не увидит.

— Теперь я хочу поговорить с вами, господа, — обратился он к Сергеевым, — я вижу, что вы настоящие воины, понюхавшие пороху, и повидавшие смерть. Вас, Виктор Иванович, я хочу попросить подготовить

развернутый доклад о возможном реформировании нашей армии. Пишите все, не стесняйтесь, и не бойтесь, что чем-либо обидите меня. Ну и я жду ваших проектов введения новых видов вооружения. А также о тактике и стратегии, с учетом опыта ваших ужасных массовых войн. Если вскоре настанет такое время, то Россия должна быть к нему готова.

— Ваше величество, — ответил Сергеев-старший, — я, конечно, сделаю то, о чем вы сейчас сказали, и о чем мы с вами говорили раньше. У меня, как и у Александра Павловича, уже есть кое-какие мысли о развитии российской армии. А вот насчет флота и прочего...

Ваше величество, мой сын еще в детстве просто бредил морем. Да и сейчас он хорошо разбирается в морской тактике и кораблестроении. Только служить пошел он не на море, а в десант. Посмотрел он кино "В зоне особого внимания", и решил, что станет десантником. Я вам, ваше величество, потом покажу этот фильм. Думаю, что увиденное будет для вас не только интересно, но и полезно.

Так вот, срочную он отслужил в знаменитой Псковской дивизии ВДВ, а потом остался на сверхсрочную. Потом Чечня, война, ранение. Это я к чему говорю, ваше величество, Кольку можете использовать, как человека, хорошо разбирающегося во флотских вопросах. Ну а если он не справится, то у него есть друзья, которые служили или служат на флоте.

А сам гвардии старший прапорщик Николай Викторович Сергеев может помочь создать в русской армии спецподразделения, которые могут успешно бороться с бандами горцев, нападающих на казачьи станицы и войсковые обозы. Он хорошо знает тактику использования таких подразделений, и способы воевать в так называемой "малой войне".

— Простите, а что такое ВДВ? — спросил граф Бенкендорф, внимательно слушавший разговор пришельцев из будущего с императором.

— Александр Христофорович, — сказал Сергеев-младший, ВДВ — это воздушно-десантные войска, — увидев недоумение на лице графа, он добавил, — это такие войска, которые высаживаются в тылу врага с летательных аппаратов тяжелее воздуха, которые мы называем самолетами и вертолетами. Это самый быстрый и боеспособный род войск, самым близким аналогом которому в вашем времени являются гренадеры или казаки-пластуны.

Недоумение Бенкендорфа после этих слов Николая лишь увеличилось. Он вопросительно посмотрел на императора. Тот, успевший уже кое-что узнать об армии будущего, улыбнулся, и, повернувшись к Сергееву-старшему, кивнул. Пришлось Николаю Викторовичу подробно объяснить старому рубака, что такое воздушный десант.

— Александр Христофорович, — начал он, — в нашем мире существуют летательные аппараты тяжелее воздуха. Они могут не только летать по воздуху, но и перевозить на большие расстояния солдат и боевую технику. Высаженные в тылу врага, и действуя по-суворовски – не числом, а умением, они могут захватить штаб вражеской армии, артиллерийские позиции, мост через большую реку, словом то, что поможет обычным сухопутным войскам победить на поле боя. Ну про летательные аппараты тяжелее воздуха я вам расскажу позднее. Поверьте, они есть. Вот, его императорское величество в нашем мире даже совершил полет на одном из таких аппаратов.

Бенкендорф удивленно посмотрел на царя, и Николай, с легкой улыбкой кивнул своему старому другу, подтверждая слова Виктора.

— Кстати, ваше величество, — сказал Сергеев-младший, — неплохо было бы начать в России развивать воздухоплавание. Конечно, до самолетов и вертолетов еще далековато, но безмоторную технику, всякие там воздушные шары, планеры и дельтопланы строить вполне можно...

— Замечательно, — воскликнул император. — Николай Викторович, да вы просто находка! Работайте, делайте все, что считаете нужным. А если понадобится моя помощь, говорите сразу, не стесняйтесь...

— Ну а вы, Алексей Игоревич, — сказал Николай доктору Кузнецову, — можете спасти немало замечательных людей в нашем отечестве. Я хотел бы чуть позднее поговорить с вами лично. Вы понимаете, о чем...

— Понимаю, ваше величество, — ответил Алексей, — и я, как медик, буду рад помочь людям, живущим в девятнадцатом веке. У меня тут есть кое-какие предложения об улучшении здравоохранения в Российской империи, — он протянул царю папку, похожую на ту, что уже подал императору Шумилин. Ну а насчет личного разговора с вашим величеством, я готов побеседовать с вами в любое удобное для вас время.

— Очаровательная мадемуазель Ольга, — обратился царь к Румянцевой, — вы просто клад для наших дам. Думаю, что вы сможете помочь им быть еще очаровательнее и прелестнее. Хотя, как я полагаю, в ваше время женщины кое в чем не уступали мужчинам. В общем, Ольга Валерьевна, мы еще переговорим с вами о том, чем вы могли бы быть полезной для нашего общего дела.

— Ваше величество, — осторожно сказал Шумилин, — я полагаю, что наш разговор надо закончить вопросом о легализации нас, людей двадцать первого века, в Российской империи. Вот наши предложения о том, как это лучше сделать. Я попрошу внимательно изучить их, и во время следующей

встречи, которая произойдет послезавтра, — тут Александр вопросительно посмотрел на Николая, и тот согласно кивнул, — и на ней мы получим своего рода "входной билет" в ваш мир... А пока будем прощаться — нам пора.